

Рассказы майора Пронина

Синие мечи

Тяжелое лето выдалось в 1919 году. Колчак разорял Сибирь, Деникин приближался к Харькову, Юденич угрожал Петрограду. Не дремали враги и в тылу: близ Петрограда началось контрреволюционное восстание

В конце июня, незадолго до занятия деникинцами Харькова, был я в бою тяжело ранен. Признаться, не рассчитывал больше гулять по белу свету, но меня отправили в Москву, выходили, и в августе я уже смог явиться для получения нового назначения.

— Так и так, — говорю, — считаю себя вполне здоровым и прошу откомандировать обратно на фронт.

— Отлично, товарищ Пронин, — говорят мне, — только поедете вы не на фронт, а в Петроград, поступите в распоряжение Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Не сразу понял я характер порученной мне работы. Товарищи мои, думаю, кровь на фронтах проливают, а меня в тылу оставляют. Решил, что меня после ранения щадят и хотят мне дать время окрепнуть.

— Очень хорошо, — говорю. — Разрешите идти?

— Получите путевку, — говорят, — и можете отправляться.

Приехал в Петроград, явился в Чрезвычайную Комиссию, послали меня к товарищу Коврову.

Расспросил Ковров меня — кто я и что я
Ну а что я тогда был?
Мастеровой, солдат — вот и все мои звания. Исполнилось мне двадцать семь лет, царскую войну провел в окопах, на фронте вступил в партию большевиков, добровольцем пошел в Красную Армию, знаний никаких, человек не совсем грамотный, одним словом — не клад. Все, что умел делать, — винтовку в руках держать и стрелять без промаху.

Значит, расспросил Ковров меня и говорит:

— Отлично, товарищ Пронин, пошлем мы вас на разведывательную работу.

Обрадовался я, думаю — на фронт пошлют, на передовые линии: в разведку я всегда охотно ходил.

— Терпение у вас есть? — спрашивает Ковров.

— Найдется, — отвечаю.

— Вот и отлично, — повторяет Ковров. — Нате вам ордер от жилищного отдела, идите на Фонтанку, номер дома тут указан, и занимайте комнату.

— Это зачем же? — спрашиваю.

— А все за тем же, — усмехается Ковров. — Вселяйтесь и живите.

— Ну а делать что? — спрашиваю.

— А ничего, — смеется Ковров. — Живите, вот и вся ваша забота.

Тут я рассердился.

— Что вы, — говорю, — смеетесь надо мной, что ли? Меня к вам работать послали, а не отдыхать. Я и так два месяца в лазарете пробыл, хватит.

— Нет, так не годится, товарищ Пронин, — отвечает Ковров, и даже переходит со мной в разговоре на "ты". — А еще военный! Разная бывает работа. Иногда посидеть да помолчать бывает полезнее, чем стрелять и сражаться. Особняк, в который мы тебя посылаем, принадлежал Борецкой, важной петербургской барыне. Живет она в нем и сейчас. Были у нее и поместья, и деньги в банках, и я даже понять не могу, как она за границу не убежала. Или не успела, или понадеялась, что большевики долго не продержатся. Особняк ее национализирован, но дело в том, что в особняке Борецкой хранится замечательная коллекция фарфора. После войны устроим мы в ее особняке музей, будем для рабочих и крестьян посуду по этим образцам делать, а пока имеется у нее охранная грамота от Музейного управления, и числится Борецкая, так сказать, надзирательницей над фарфором.

Слушаю я Коврова и ничего не понимаю.

— Ну а я тут при чем?

— Ты, — продолжает Ковров, — поселишься у нее. Квартира большая, авось найдется для тебя комната. Подозрителен нам ее дом, понимаешь? Давно за ним наблюдаем. Ни в чем она не замечена, не уличена, но
Надо, чтобы там свой человек поселился. Объясни ей, что, мол, ранен был, демобилизован, вышел в отставку, поправляюсь, живу на пенсию, вас беспокоить не буду

— А дальше?

— Дальше ничего. Живи и живи. Из дому выходи пореже, со старухой не ссорься, а покажется что — нибудь подозрительным — приходи. Понятно?

Понимать, конечно, особенно нечего было, но не понравилась мне такая работа.

— А нельзя ли, — говорю, — все — таки на фронт?

Ковров только головой покачал.

— Дисциплина, брат, — подчиняйся и не огорчайся.

Пришлось подчиниться. Взял ордер, пошел на Фонтанку. Дом как дом, поместительный, красивый — подходящий дом. Дверь высокая, резная. Позвонил. Открывает дверь старушка, глядит на меня через цепочку. Седенькая такая, в черном платье и, несмотря на голодное время, довольно — таки полная. Волосы назад зачесаны и на затылке пучком закручены. По моим тогдашним понятиям, она мне больше на купчиху похожей показалась, чем на важную барыню.

— Мне, — говорю, — гражданку Борецкую надо.

— Я и есть Борецкая, — отвечает она. — Что вам от меня, матросик?

А в матросики я попал за свой бушлат. Уезжая из Москвы, получил я ордер на обмундирование, а на складе ничего, кроме бушлатов, не оказалось. Так и пришлось мне вырядиться матросом, хоть и не был я никогда моряком.

Подаю ордер.

— Вот, — говорю, — послали до вашего дома

— А известно ли вам, матросик, — говорит мне эта бывшая владелица дома, — что у меня охранный грамота на всю жилищную площадь имеется?

— Известно, бабушка, — говорю, — только куда же мне сейчас вечером деваться, жилищный отдел закрыт, а знакомых в городе не имеется

— Где же вы, матросик, служите? — спрашивает она меня.

— Нигде не служу, — объясняю я ей, — я по инвалидности на пенсию переведен и прибыл сюда на поправку.

— А дрова вы колоть можете? — спрашивает она.

— Почему же, — отвечаю, — не поколоть

— Так заходите, — говорит она, — все равно ко мне кого-нибудь вселят, такие уж теперь времена, а вы, кажется, симпатичный.

Впустила она меня в особняк, заперла дверь на засовы и цепочки, велела хорошенько вытереть ноги и повела по комнатам. Не приходилось мне видеть такой богатой обстановки в домах! На окнах шелковые занавеси, стены тоже обтянуты шелком, отделаны деревом, мебель полированная, украшена бронзой и позолотой, хрустальные горки, и всюду — на полках, на столах, на этажерках — стояла нарядная посуда: вазы, блюда, чашки и всякие разнообразные фигурки.

Провела она меня через эти роскошные комнаты, ввела в комнату попроще и поменьше, но тоже хорошо обставленную и, пожалуй, слишком нарядную для такого молодого человека, каким я в то время был.

— Вот, устраивайтесь, — говорит. — В этой комнате у меня племянник помещался. Он теперь под Псковом живет, в деревне. В учителя поступил. — Она помолчала, вздохнула. — Теперь я совсем одна

Устроиться мне было недолго. Все мои вещи находились в небольшом фанерном чемодане, да и вещей было не густо.

Вечером старуха заглянула ко мне.

— Ну как, устроились? — спрашивает.

Осмотрела комнату, поглядела на мой жалкий скарб и только руками всплеснула.

— Белья — то у вас нет?

Принесла простыни, подушку, помогла устроить постель, чаю предложила.

— Давайте познакомимся как следует, матросик, — говорит. — Зовут меня Александрой Евгеньевной, живу я одна, скучно, может, нам и в самом деле будет вдвоем веселей.

Зажил я со старушкой в особняке. Тоска — хуже не выдумаешь. Стоит сентябрь, на улице сухо, солнышко светит по — летнему, дождей нет, а я инструкцию выполняю: сижу у себя на диване, брожу по комнатам, рассматриваю от скуки всякие тарелки да чашки и день ото дня все больше от безделья дурею. Выскочу на минутку на улицу, куплю в киоске газету, и обратно. Время тревожное
Колчака, правда, Красная Армия громит, зато Деникин Харьков занял, к Курску подбирается, в Петрограде о новом выступлении Юденича поговаривают
Сердце от беспокойства замирает, так бы и убежал на фронт!

Пошел получать паек, зашел к Коврову, говорю:

— Нет мочи. Если думаете, что я после ранения еще не поправился, так это глубокое заблуждение.

А он одно:

— Терпи.

Ну, я терплю
На всякий случай, в предвидении зимы, поставил у себя в комнате "буржуйку" — так тогда в Петрограде в шутку самодельные печки окрестили: люди жили в холоде, дров не хватало, это, мол, буржуи привыкли в тепле, с печками жить; связал из проволоки железный каркас, обложил кирпичами, сделал дымоход, словом, хозяйничаю

честь честью

У старухи в

комнате "буржуйку" тоже исправил, реконструировал, так сказать.

Зажили мы с Александрой Евгеньевной прямо как старосветские помещики. По вечерам я ее селедкой и картошкой угощаю, а она меня пшенной кашей. Чай пьем из самой что ни на есть редкой посуды. Она мне объясняет, рассказывает: севр, сакс

Я тогда, конечно, ни в чем этом не разбирался, но сижу, поддакиваю: посуда, правильно, красивая была. Никаких подозрений у меня в отношении старухи не было. Я тогда твердо решил: просто дали мне еще два месяца для поправки, и старуха только предлог. Да и какие могли быть у меня подозрения? Она тоже все дни дома сидит, никто к ней не ходит, читает книжки, со мной разговоры разговаривает да еще богу молится

Ну опять же подозрительного в этом ничего нет. Откуда она средства к жизни берет, тоже мне было ясно. Даже в те голодные времена в Петрограде водились скупщики всяких ценных вещей — картин, ковров, посуды. Вот старушка моя нет—нет да и продаст какую—нибудь чашку с блюдцем. К ней изредка заходили эти скупщики, и она мне объясняла, что продает не из коллекции, а из предметов, которые у нее в личном пользовании находятся. Хотя, признаться, если бы она даже из коллекции продала какую—нибудь тарелку, я бы на это дело сквозь пальцы посмотрел: чашкой меньше, чашкой больше, а за эти чашки платили пшеном, рисом, горохом

Зайдет, бывало, скупщик, спрашивает:

— Нет ли старинного севра или сакса у вас?

Ну а старуха понятно что отвечает:

— Если заплатите пшеном или рисом, найдется

Сколько раз я эти разговоры слышал и внимание на них совсем перестал обращать.

У меня даже сон от тоски да от безделья испортился. Прежде я, бывало, спал как убитый. А теперь не то. Поужинаю со старухой, напьюсь чаю, лягу, и точно меня какой—то холод сковывает. Сплю беспокойно, сквозь сон какие—то голоса слышатся, шаги, шорохи. Утром просыпаюсь каким—то слабым, неуверенным

В предвидении зимы занялся я заготовкой дров. Кто знает, думаю, сколько времени еще здесь проживу, а зимой мерзнуть неохота. Уеду — топливо старухе останется, она тоже не кошка, своей шерсти нет. Нашел я неподалеку, в одном из переулков, сад. С улицы не подумаешь, что за домом такой сад может быть. Деревья в нем всякие, кусты, скамейки и, главное, очень подходящий забор.

А вместо сарая дрова мы складывали в подвал под особняком, ход в него из дома шел, прямо из коридора.

— В нем винный погреб раньше помещался, — рассказывала хозяйка.

Бывало, схожу, выломаю две доски, нарублю их на плашки перед крыльцом и снесу в подвал.

Старуха и посоветовала подвал для дров приспособить.

— И под рукой, — говорит, — и не украдут.

Однажды прихожу в сад, а туда по дрова, разумеется, не один я ходил, и вижу: какой-то курносый паренек у забора пыхтит, тоже доски выламывает.

— Помочь? — спрашиваю.

— Отстань, — говорит, — сам справлюсь.

— А как тебя зовут?

— Витька.

— А сколько тебе лет?

— Тринадцать.

— Давай помогу.

— А ну!

Самолюбие не позволяет помощь принять. Рванул мой Витька доску на себя, — доска, правда, затрещала, но парень не удержался, бац на спину, доска его по лбу, на лбу — синяк, губы дрожат, вот — вот заплачет.

Думаю: надо его разозлить, а то заплачет, застыдится, убежит, и

конец нашему знакомству.

— А доску эту, — говорю, — я у тебя возьму.

Вскочил мальчишка, ощерился, сразу о синяке забыл.

— А я тебя камнями забью, — говорит.

Поговорили мы с ним Ничего, сошлись.
Выломал я себе три доски, ему две, пошли обратно вместе.

— Ты где живешь? — спрашиваю.

— Здесь, на Фонтанке.

— А отец у тебя чем занимается?

— Отец на Путиловском заводе работает.

— А как же вы сюда, на Фонтанку, попали?

— А нас сюда из подвала переселили

Вышли мы на Фонтанку.

— А где же ты здесь живешь? — спрашиваю.

— А вон, — говорит, — в большом доме, на втором этаже, там еще на двери вывеска: "Барон фон Мердер".

— Эх ты, барон! — говорю. — Идем ко мне, наколю я тебе твои доски.

Ну поломался он для приличия и согласился.

На другой день мы уже вместе по дрова пошли, потом зазвал я его к себе, и началась наша дружба. Я ему про войну рассказываю, о Красной Армии, о деникинцах, о Колчаке, вместе с ним револьвер свой чищу, целиться его научил, азбуке Морзе выучил, короче говоря: бери парнишку на фронт, он и там без дела не окажется. Виктор тоже в долгу не остался: начал меня арифметике обучать. Придет ко мне вечером уроки готовить, ну и сидим мы с ним вместе, решаем задачки всякие.

Александра Евгеньевна во мне души не чает. После того как я с Виктором подружился и начал с ним задачки решать, она, кажется, совсем убедилась в том, что я нахожусь в отставке и не знаю, как свое время убить.

Довелось однажды днем остаться мне в доме одному. Старуха ушла не то карточки какие-то получать, не то платок какой-то понесла на рынок на сахар выменивать. Сажу у себя в комнате и книжку читаю. Слышу — звонок. Пошел к двери, открываю.

Стоит на парадном мужчина. Бородка клинышком, серенькое пальтецо
Ничего особенного.

Взглянул на меня, хмыкнул почему-то и спрашивает:

— У вас для продажи саксонского фарфора не найдется?

Вижу — скупщик. За последние дни они что-то редко стали к моей хозяйке заходить. Не захотел я упускать покупателя, дай, думаю, услужу хозяйке.

— Отчего же, — говорю, точь-в-точь как всегда отвечала Александра Евгеньевна, — найдется, если заплатите пшеном или рисом.

Незнакомец ухмыльнулся, сунул мне в руку какую-то записку и, не говоря больше ни слова, повернулся и скрылся за углом. Что-то непонятно!

Вернулся в комнату — размышляю и думаю, что не вредно мне эту записку прочесть. Разворачиваю. Написано не по-русски, а в углу будто бы два скрещенных меча синим карандашом нарисованы. Вижу — не моего ума дело.

Дождался старушку, у нас между собой условлено было — квартиру пустой не оставлять, и, ни слова ей не говоря, натянул бушлат, вышел на улицу и прямым ходом к Коврову.

— Так и так, товарищ Ковров, — говорю, докладываю все по порядку и подаю записку.

— Придется тебе, товарищ Пронин, — говорит он, — обождать здесь с полчасика.

Ушел он. Возвращается минут через двадцать и отдает записку обратно.

— Видишь ли, к моменту наступления Юденича на Петроград белогвардейцы подготавливают вооруженное выступление, — объясняет Ковров. — В городе много всяких контрреволюционных групп и группочек, хоть нити от них все тянутся в один штаб. Среди них есть организация, именуемая "Синие мечи". А где собираются эти заговорщики, мы не знали. Понятно? Иди домой, отдай своей хозяйке записку, как будто ты здесь и не был, а сам следи там во все глаза

Вернулся я домой, поговорил для видимости со старушкой о том о сем, тут Виктор ко мне пришел, я с ним о географии, о картах потолковал и только потом будто вспомнил и спохватился.

— Вы уж извините меня, Александра Евгеньевна, вам тут днем записку принесли, а я и забыл.

Она берет записку, тут же при мне ее читает и спрашивает:

— Разворачивали вы ее?

— Как же, — говорю, — извиняюсь, любопытствовал, думал, может, срочное что —
нибудь

— А кто же вам ее дал? — спрашивает она.

Я рассказываю все, как было. Спросил человек про фарфор, а я ему и ответил: ежели за пшено или за рис, то можно.

— Правильно ответили, — одобряет она. — А он что?

— А он ушел, — говорю. — Это на каком же языке написано?

— На английском, — объясняет она. — В записке он просит меня отобрать чашки с такой маркой, как здесь указано, а зайдет он за фарфором позже.

Тут она идет к себе в комнату, приносит оттуда чашки, и действительно на донышках чашек изображены такие же точно мечи, какие нарисованы на записке. Признаться, тут я даже подумал

— не переборщил ли Ковров в своей подозрительности: мечи и впрямь оказались фабричной маркой.

Ну напились мы втроем чаю из этих самых чашек, Виктор пошел домой, а я лег спать.

Дня через три заходит ко мне вечером Александра Евгеньевна, такая довольная, веселая, приветливая.

— А у меня, Иван Николаевич, радость, — говорит она. — Ко мне племянник в гости приехал. Помните, я вам рассказывала, который в деревне под Псковом учительствует. Приехал в командировку.

— Что ж, — отвечаю, — очень приятно будет познакомиться.

— И я рада, — говорит она, — что вы с ним познакомитесь, человек он славный, хороший, вы с ним сойдетесь.

Зовет она меня к себе в комнату.

— Вот, — говорит, — знакомься, Володя.

Здоровается со мной этот Володя Парень высокий, статный, русый, глаза голубые, лицо бритое, голова под машинку острижена, одет в солдатскую гимнастерку, в ватные штаны, в яловых сапогах По облику — помор, на севере часто встречаются такие рослые парни, по одежде — солдат.

— Вы почему же не на фронте? — спрашиваю.

— А у меня туберкулез, — говорит он. — В пятнадцатом году на германском фронте правое легкое навывлет мне прострелили.

— Значит, вроде меня, — усмехаюсь, — на инвалидном положении?

— Да, — говорит, — вроде вас, только я не люблю без дела сидеть, в деревню отправился. Вот приехал сейчас за книжками.

— Долго думаете пробыть в Питере?

— Да дней пять, — отвечает.

Сидим, разговариваем, Александра Евгеньевна чай вскипятила, по случаю приезда племянника даже баночка с вареньем у нее нашлась, племянник сало привез, я селедку почистил Пиршество по тем временам!

Напились мы чаю, наговорились.

— Вы уж извините меня, Иван Николаевич, — обращается ко мне старуха, — разрешите Володе у вас в комнате переночевать. Всегда он жил в этой комнате, да и прохладно в других, а я все — таки как — никак дама.

— О чем разговаривать, — говорю. — Места много, и мне веселее. Хоть на диване, хоть на постели его устраивайте.

Пошли ко мне. Старуха меня благодарит, о том, чтобы я кровать уступил, даже заикаться не позволяет, устроила племяннику постель на диване, попрощалась с нами, ушла.

Меня в сон клонит — мочи нет, разморило после еды. Поговорили мы еще о чем — то, лег я и точно в яму провалился. Ночью мне сквозь сон какие — то голоса мерещились, какой — то шум, грохот, но проснуться я был не в силах. Открываю утром глаза — племянника нет, руки и ноги у меня тяжелые, точно свинцом налиты. Заспался, думаю. Поднялся, умылся, пошел в подвал за дровами.

Старуха в коридоре шмыгает.

— Доброе утро, Александра Евгеньевна, — говорю. — Племянник — то ваш встал уже?

— Да, — говорит, — ушел по делам.

Натаскал я дров, сварил кашу, прибрал комнату, сижу, опять думаю, как бы убить время

Тут приходит почтальон, вручает мне письмо, вызывают меня в военкомат в связи с переучетом. Думаю, быстро что — то, я и встал — то на учет без году неделя. Однако пошел Ковров, оказывается, вызывает!

Являюсь к нему, а он глядит на меня и головой качает.

— Нехорошо, товарищ Пронин, — говорит. — Где это ты по ночам шатаешься?

— Как "где"? — говорю. — Как велено, безвыходно сижу у себя дома и абсолютно нигде не шатаюсь.

— А врать еще хуже, — говорит Ковров. — Были мы у вас сегодня ночью в гостях, замок у тебя на двери висел.

— Ничего не понимаю, — говорю я. — Всю ночь дома спал.

— И я тогда ничего не понимаю, — говорит Ковров. — Ночью произвели мы у твоей хозяйки обыск

— То-то мне ночью голоса слышались, — перебиваю я его.

— Хотел я и твою комнату для видимости осмотреть, — продолжает Ковров, — подхожу к двери — на двери замок. Где, спрашиваю, гражданка Борецкая, ваш квартирант? Ушел куда-то, отвечает она, он часто по ночам отлучается. Замок, смотрю, у тебя на двери купеческий, таким только амбары запирают, не доверяешь, видно, старушке. Ну, твоя квартира есть твоя квартира, в глазах Борецкой особенно следовало подчеркнуть неприкосновенность твоего жилища. Осмотрели мы дом, за исключением одной твоей комнаты, и ушли

— Позволь, — говорю я Коврову, — никуда я из дому не уходил. У меня еще племянник ночевал.

Ковров так и подскочил на месте.

— Какой племянник?
Рассказываю

— Э-эх! — говорит Ковров. — Провели нас с тобой, опростоволосились! По всем подозрительным домам искали мы в ту ночь крупного агента иностранной разведки. Понял?

— Вот сволочь, — говорю. — Племянник — то, значит

— Ругаться нечего, — говорит Ковров. — В другой раз умнее будем. Спрятали они в твоей комнате человека. Одного только не понимаю, ведь мы и шумели, и ходили, и

разговаривали
услышал?

Как ты не

— И я не понимаю, — говорю. — Слышались мне сквозь сон голоса, только я так и не проснулся.

— Может, опоили они тебя чем-нибудь? — спрашивает Ковров.

— Не думаю, — говорю. — Ничего мы, кроме чая, не пили, а чай все трое пили одинаковый.

— Кто там разберет, — говорит Ковров. — Ты все-таки чай пей там поаккуратнее. Постарайся как-нибудь незаметно отлить малость этого чая и принести к нам Сумеешь?

— Сумею, — говорю. — Теперь им меня провести не удастся.

— Только, смотри, вида не подавай, будто ты что-нибудь подозреваешь, — продолжает Ковров. — Не заметил, племянник никаких бумаг или оружия не привез?

Пожал я плечами, покачал головой

— Привез, — говорю. — Лепешки да сало.

— Не говори так, — объясняет Ковров. — Они военное выступление в Петрограде готовят. Дело не шуточное! Иностранские разведчики не зря через фронт перебираются. У заговорщиков и план есть, и с белогвардейцами они в переписке! Это, брат, война

Выдвигает он из стола ящик, достает булку, подает мне.

— Мать честная! — восклицаю я. — Булка!

— Да, — подтверждает Ковров усмехаясь. — Нашлись филантропы! Вчера из одного консульства целую сотню прислали в детский дом

— Ну и что же? — спрашиваю я.

— А как ты думаешь, что может быть в такой булке? — в свою очередь спрашивает меня Ковров.

— А мы посмотрим, — говорю я, угадывая намек Коврова, и разламываю булку пополам, предполагая что —нибудь в ней найти. Но увы, это оказывается самая обыкновенная булка! На всякий случай выковырял я из одной половинки мякиш, но, кроме мякиша, так ничего и не нашел.

— Ничего, — разочарованно произношу я и вопросительно взглядываю на Коврова. — Ты как думаешь?

Ковров берет в руки выпотрошенную половинку, осторожно отгибает поджаристую корочку, и я вижу несколько небольших продолговатых предметов, лежащих под корочкой, точно бобы в стручке.

— Что это? — спрашиваю.

— А капсулы для гранат, — объясняет Ковров. — С пустыми руками телеграф или вокзал нехватишь

— И как же вы поступили? — интересуюсь я.

— Доставили булки по адресу, — говорит Ковров. — Ребята были очень довольны. Только воспитательницу, у которой нашлись эти капсулы, пришлось разлучить с детишками

Ну, тут я догадался, что это — мне наглядный урок и предупреждение.

Прихожу домой, и в сердце у меня теплилась маленькая надежда на то, что племянник этот придет еще разок к нам в дом переночевать.

— Понравился мне ваш племянник, Александра Евгеньевна, — говорю я своей хозяйке.

— И вы ему очень понравились, — отвечает она. — Просил вам привет передать. Заходил он тут без вас, из Пскова телеграмма пришла, вызвали его обратно.

Опять потянулись обычные мои тоскливые дни. Живем мы с Александрой Евгеньевной, будто ничего не произошло. Она об обыске не заикается, а я делаю вид, будто и понятия о нем не имею. Сентябрь подходил к концу. Начались дожди, на улице стало

пасмурнее. В газетах пишут, что деникинцы к Курску приближаются, настроение у меня паршивое. Но я не подаю вида, креплюсь, о фронте стараюсь не вспоминать. После истории с племянником убедился: прав Ковров, что послал меня сюда. Конечно, вместе с товарищами на позициях и легче, и веселее, но ведь надо кому –нибудь и здесь находиться.

Одно у меня утешение – Виктор. Придет вечером, натопим мы с ним печку, он мне книжки вслух читает, я ему всякие истории рассказываю; крепко мы с ним подружились, даром что между нами пятнадцать лет разницы.

Совет Коврова я не забывал, нашел где –то в доме пустой флакон из –под одеколona, припрятал под шкафом и жду подходящего случая.

А случай никак не подвертывается! Решил я тогда Виктора на помощь мобилизовать.

Пришел он, я и говорю ему.

– Если придет к нам сегодня Александра Евгеньевна чай пить, дается тебе следующее боевое задание: выйди за чем –нибудь из комнаты и свали в какой –нибудь гостиной горку или этажерку. Словом, разбей что –нибудь. Погромче, с шумом, с криком Я на тебя тоже наущусь. А ты винись, оправдывайся И смотри: держи язык за зубами, будто сам напроказил

Виктор чудо –парень был: все поймет и лишнего не спрашивает.

Попозже заходит к нам Александра Евгеньевна.

– Я к вам в гости, – говорит. – Не прогоните?

– Милости прошу к нашему шалашу, – говорю. – Чайник вот – вот закипит.

Берется она, по обыкновению, хозяйничать, заваривает чай из брусничного листа, разливает по чашкам, я из угольев печеную картошку выгребаю, все идет честь честью.

– Хорошо бы немножко дровишек подбросить, – говорю. –

Слетай — ка, Виктор, в коридор, там щепки в углу лежат, принеси.

Виктор стремглав убегает, и дальше все разыгрывается как по нотам. В комнату доносится шум, грохот и крик Виктора, что — то звенит и бьется, и я вижу, как Александра Евгеньевна даже в лице меняется

— Что такое там случилось? — восклицает она и выбегает из комнаты.

А я тем временем свой чай быстро выливаю в пузырек, ставлю пузырек под кровать, выполаскиваю чашку, наливаю себе свежего чаю и затем бегу следом за старухой.

Вижу — постарался Виктор. Валяется на полу этажерка, а вокруг нее черепков видимо — невидимо. Старуха стоит бледная, в лице ни кровинки, губы трясутся.

— Боже мой! — бормочет она. — Что он наделал? Ведь это наполеоновский фарфор. Вы посмотрите

Поднимает она черепки, показывает мне вензель, я ее утешаю, и, надо отдать ей справедливость, старуха быстро берет себя в руки и, уж не знаю, как там внутри, но внешне успокаивается.

— Что ж, — говорит, — потерянного не вернешь, попробую завтра склеить, что можно, а пока идемте чай пить, остынет.

Вернулись мы в комнату.

— Чай — то остыл, — говорю, — не переменить ли?

— Когда чай не очень горячий — полезнее, — говорит старуха. — И потом я вам сахару, Иван Николаевич, положила, жалко выбрасывать.

— Ну, если сахар положили, жалко, — говорю я, и пью свой несладкий чай и закусываю его печеной картошкой.

— Слышали? — спрашиваю я старуху. — На днях диверсанты пытались охтинские заводы взорвать.

— Какой ужас! — говорит Борецкая. — Могли ведь люди погибнуть

— Ну, они людей не жалеют, — говорю я. — На то они и белогвардейцы. — И оборачиваюсь к Виктору. — Верно?

Но Виктор, хоть и не по своей вине посуду побил, однако, вижу, смущается, собрался раньше времени уходить, а я его не задерживаю: уйдет, думаю, легче мне без него комедию играть.

— Что-то ко сну меня клонит, — говорю я Александре Евгеньевне. — Глаза слипаются.

— А вы ложитесь, — говорит она, — я вам мешать не буду.

Пожелала мне спокойной ночи, я ей взаимно, ушла она, я дверь на ключ, потушил лампу, с шумом снял сапоги, лег на кровать и даже похрапывать начал.

Лежать лежу, но заснуть себе не позволяю. Да и не хотелось спать. Час так прошел, а может, и больше

Слышу, будто дверь хлопнула: негромко, точно кто-то закрывал дверь и не удержал. Чудятся мне какие-то шаги и голоса Вслушиваюсь. Очень даже явственно чудятся голоса. Поднялся я как нельзя осторожнее, достал из кармана револьвер, подошел к двери и притаился. Стою, молчу и слушаю. Не шелохнусь, будто все во мне замерло.

Время идет. Снова тишина наступила. Шаги стихли, голоса смолкли. Я прямо физически ощущаю, как идет время: секунда, еще секунда, еще секунда
Слух мой до того обострился, что мне казалось, будто я даже тиканье часов у старухи в комнате улавливаю, хотя, может быть, это просто сердце во мне так билось
Значит, стихло все. Открываю дверь еле-еле. Везде темно. Иду босиком по полу, сжимаю в руке револьвер, вслушиваюсь в темноту Как будто журчат голоса. Иду через гостиные, через залу, как кошка иду, нервы напряжены, и не то чтобы я хорошо видел, прямо при помощи какого-то чутья ориентировался в темноте.

Дошел до угловой комнаты, там у старухи самый ценный фарфор хранился. Дверь закрыта, но внизу пробивается сквозь щель слабый свет. Теперь уж сомнений никаких: разговаривают за дверью, и не один человек, а несколько.

Подкрался я к двери
Все мужские голоса. Говорят о нападении, говорят негромко, о захвате какого-то здания толкуют, Юденича раза два помянули

Похолодел я. Вчера только в газетах прочел о том, что деникинцы Курск взяли. Вот, думаю, и в Питере закопошились, гады. Нет, думаю, не бывать тому, чтобы вам отсюда целыми выбраться. Недаром, оказывается, послали меня сюда. А угловая комната, надо сказать, вроде мышеловки: три окна на улицу заделаны решетками и дверь из нее всего одна, в залу.

“Ну, Ваня, — говорю мысленно сам себе, — действуй решительно, захвати этих врагов народа в собственном их гнезде”

Тут я, надо признаться, погорячился, не подумал как следует, дал чувствам волю

Пошарил рукой: ключ в двери.

Эх, думаю, была не была! Раз, раз, повернул ключ, тут еще в простенке комод какой-то золоченый стоял, тяжелый такой, плотный
С трудом, правда, но придвинул я его к двери, сам к окну, рванул раму, распахнул, встал на подоконник

Слышу, поднялся в угловой комнате переполох, кто-то в дверь торкнулся, стучит кто-то, кричит из-за двери:

— Открой, мерзавец, тебе же хуже будет!

— А ну, гады, — кричу, — суньтесь только к окну или к двери — всех перестреляю!

Понимаю, конечно: всех их мне одному не забрать, людей вызывать надо Дуло
вверх — и бац, бац
Услышат, думаю,
прибегут А как же еще,
думаю, вызвать к себе подмогу? А в дверь стучат, кричат что-то.
Попались, голубчики, думаю, не
вырветесь

Выстрелил я еще раз

Стихло все за дверью. Слышу — бегут по улице Патруль!

— В чем дело? — спрашивают.

— Так и так, — говорю, — товарищи, предстоит нам захватить и обезоружить одну белую банду

Тут часть товарищей становится возле дверей и окон, другие бегут звонить куда следует, и в скором времени приезжают на грузовике чекисты. Входим мы в залу, отодвигаем в сторону комод, открываем дверь и Надо только представить себе мое дурацкое положение!.. В комнате, оказывается, нет никого, и нет даже никакого следа, свидетельствующего о том, что там кто — то находился.

В это время входит в залу Борецкая, в капоте, со свечкой в руке, и я вижу, что она нисколько не смущена тем, что в ее квартире находится столько неприятного ей народа.

— В чем дело, граждане? — говорит она. — У меня охранный грамота. И, кроме того, пожалуйста, поосторожнее. Здесь много дорогой посуды, и вся она в скором времени станет народным достоянием.

— А в том, — отвечают ей, — что сейчас у вас здесь кто — то находился!

— Кто же мог у меня находиться, — возражает Борецкая, — когда у меня живет этот больной матросик — И она без всякого смущения указывает на меня. — Получил он тяжелое ранение на фронте, числится теперь инвалидом, вселен ко мне по ордеру, и я сама не знаю, как от него уберечься, потому что чудятся ему всюду контрреволюционеры, бегают он с револьвером по комнатам, и вообще, кажется мне, что он не вполне в своем уме.

И мне действительно крыть эти слова нечем, все правильно: числюсь я инвалидом, вселен по ордеру, и, главное, кроме этой вредной старухи, меня и мышей, никого в доме нет.

А тут еще она всхлипывает и говорит:

— Очень я прошу оградить меня от такого опасного соседства, я женщина старая, что я с ним буду

Делать

Все с сожалением смотрят на меня, и я слышу за своей спиной не очень — то лестные слова по своему адресу, и все кончилось тем, что составили протокол о моем буйном поведении, проверили мои документы и велели утром явиться на освидетельствование в психиатрическую больницу.

Дождлся утра, прихожу к Коврову, подаю ему пузырек с чаем.

— Чай — то ты оставь, — говорит Ковров, — а вот поведение твое мне, брат, не нравится. Серьезную оплошность допустил. Поднял ночью пальбу, всю улицу перебудил, а что толку? Кому нужна такая работа? Нельзя на одного себя рассчитывать. Ты вроде как бы в разведке находишься и должен был, не поднимая шума, немедленно поставить нас обо всем в известность

Ну, я объясняю, как было дело, оправдываюсь

— А может, ты и в самом деле был пьян? — спрашивает Ковров.

Верно, обстоятельства против меня говорили, и я не обиделся, не было резонов обижаться.

— Что ж, — говорю, — революционер я или шантрапа какая —нибудь?

— Ну ладно, — говорит Ковров. — Погоди немного, узнаем сейчас, каким чайком потчует тебя твоя хозяйка.

Вызывает он своего помощника, передает ему пузырек, поручает съездить в химическую лабораторию и привезти оттуда анализ этого самого чая.

— А ты, — обращается он ко мне, — погуляй пока, сходи на часок в музей куда —нибудь, что ли.

Возвращаюсь я через некоторое время, зовут меня к Коврову, он сидит, усмехается.

— Говоришь, не померещились тебе голоса? — спрашивает он.

— Пожалуй, что и так. А то с какой бы стати угощать тебя морфием? Слышал: лекарство такое есть, снотворное средство?

— В чаю — то? — спрашиваю.

— В нем самом.

— Значит, у меня от этого самого лекарства такой тяжелый сон?

— Пожалуй что так.

— А я думал, — говорю, — что это со мной от скуки

— А вот ночью сегодня ты сгруппил все — таки, — говорит Ковров. — Шуму много, а толку мало. Спугнул волков. Пусть думают, что в дураках нас оставили, но, смотри, — не проворонь еще чего —нибудь.

Пришел я домой, признаться, очень удрученный. Обидно было, что все мои старания пропали впустую. А тут еще старуха новый удар мне подготовила.

Пришел я к себе в комнату, сел. Думаю: приходится все начинать сизнова Тут стук в дверь — Борецкая. Садится на стул как ни в чем не бывало и даже улыбается.

— У меня к вам, Иван Николаевич, — говорит она, — просьба

— А что за гости все — таки были у вас ночью? — не выдержал, перебил я ее.

Глазом не моргнула!

— Это вам показалось, — говорит.

— Да какой там "показалось"! — говорю. — Мне вчера чего — то нездоровилось, не спалось, я голоса ясно слышал

— Нет, это вам показалось, — повторяет она.

— Жалко, — отвечаю, — что другие думают, будто это мне показалось. Ну да ладно. Говорите, какая просьба.

— А просьба у меня, — говорит она, — такая. Больше вашего мальчика, который к нам ходит, я через свои комнаты пускать не буду. Очень неприятный ребенок, шаловливый и грубый. Вы сами знаете, везде стоит редкая посуда. Ответственность за ее сохранность лежит не на вас — на мне.

— Ходить ко мне мои знакомые могут, — возражаю я. — Я ведь здесь не в одиночном заключении.

— Ходить к вам, конечно, могут, не спорю, — говорит она, — но если этот ребенок, который уже разбил столько ценной посуды, будет продолжать здесь бывать, я вынуждена буду обратиться в советские учреждения. Принимайте кого хотите, но пусть вам дадут комнату в другом доме, а сюда вселят более безопасного человека.

Нет, думаю, бесстыжие твои глаза, не бывать этому, не уеду я отсюда, пока не сочтусь с тобой

— И, поверьте мне, я настою на своем, — добавляет она. — Мои коллекции важнее ваших подозрений.

Не желая обострять с ней отношения, я сделал вид, будто растерялся и даже побаиваюсь ее угроз.

— Ладно, — говорю, — не будет больше ко мне этот мальчик ходить, извольте.

Вечером звонят. Иду отворять. В коридоре старуха мне уж навстречу бежит.

— Там ваш мальчик приходил.

Выхожу в переднюю — никого. Открываю дверь — на крыльце тоже никого. Оглядываюсь. Смотрю — Виктор мой идет по улице прочь от особняка.

— Виктор! — кричу. — Витька, стой!

А он идет, не оборачивается, только рукой махнул
Догнал я его.

— Ты что? — спрашиваю. — Загордился, разговаривать не хочешь?

— Александра Евгеньевна сказала, чтобы я больше к тебе не ходил, — бурчит он.

Обидела старуха мальчишку!

— Эх ты, баранья твоя голова, — говорю. — Меня бы спросил. Я тебе по-прежнему товарищ, только положение сейчас изменилось.

Подумал — подумал я, да и поделился с Виктором своими подозрениями. Не все, конечно, сказал, но сказал о том, что не спится мне и кажется, будто собираются в особняке по ночам вредные для советской власти люди.

Глаза у мальчишки заблестели, слушает, слова не проронил.

— Лучше мне из дому теперь пореже выходить, — говорю. — Ты ко мне под окно наведывайся. Подойди незаметно и постучи тихонько по стеклу. Азбуку — то, которой я тебя учил, не забыл?

— Нет, не забыл, — отвечает. — Ты не сомневайся, Иван Николаевич, я к тебе и днем и вечером буду подкрадываться под окно.

— Вот и хорошо, — говорю. — Может статься, понадобится мне от тебя помощь.

Пожал я ему руку, и обратно к себе домой.

Часа через два слышу — постукивает в окно: "Я тут, Иван Николаевич".

Ну, думаю, отлично, связь налажена, и тоже стучу по стеклу, будто от скуки: "Все в порядке, иди спать".

С этого дня жизнь моя, надо прямо сказать, стала еще скучнее. Лишился я единственного приятеля, сижу один в доме вместе со старухой и делать мне решительно нечего. Старуха все дни напролет книжки читает, и я почитываю. Никто к ней не ходит, и чувствую я, что так никого мне и не дождаться. Понятно: и старуха, и ее "племянники" настороже — зверя в одну и ту же ловушку два раза подряд не заманишь.

Наступил октябрь. Начались дожди, стало холодновато.

Откроешь форточку — с улицы дует сырой промозглый ветер. Небо серое, в тучах. В газетах тоже всякие невеселые сообщения В общем — пасмурно.

Внешне отношения у меня со старухой вполне приличные. Она женщина умная, и себя я тоже не считаю совсем глупым человеком. Оба понимаем: зря цапаться нечего Худой мир лучше доброй ссоры, как говорится.

Правда, оба мы начеку, оба, фигурально выражаясь, друг с друга глаз не сводим.

Как-то хлопнула парадная дверь, я к выходу, старуха у двери. Услышала, что я иду, — хлоп дверью перед самым моим носом. Показалось мне, что с кем-то она разговаривала, открыл я дверь — на крыльце никого.

— Погодой интересуетесь? — спрашивает она меня.

— Да, — говорю, — погодой. Погулять хотел, да вот дождик

Однако по вечерам по-прежнему она захаживала ко мне. Придет, сядет на диван, кружевцо какое-нибудь вяжет, спрашивает меня о моей жизни, сама рассказывает, как в молодости на балах танцевала Очень мило беседеум, как самые закадычные друзья,

Как-то вечером сидела она у меня, а Виктор в окно стучит. "Эх, — думаю, — не вовремя "

Старушка сразу встрепенулась.

— Кажется, стучат? — спрашивает.

Но я не растерялся, — чтобы лишних подозрений не было, всегда лучше поменьше от правды уклоняться.

— Это Виктор, — говорю. — Меня проведать пришел. Я с ним теперь через форточку объясняюсь. Вот он и стучит.

Открываю форточку, кричу:

— Это ты, Виктор?

А он мне в ответ:

— Я, Иван Николаевич!

— У меня тут Александра Евгеньевна!.. — кричу ему. — Завтра поговорим!

Паренек догадливый, сообразил.

— Ладно! — кричит. — Завтра так завтра! Вижу — успокоилась старушка.

— Вы бы пошли, погуляли с ним, — говорит.

— Я бы пошел, — отвечаю, — да простудиться боюсь.

— А все-таки неприятный ребенок этот Виктор, — говорит она. — Грубый какой-то

— Ничего не поделаешь, — отвечаю, — без гувернантки воспитывается.

— И не мешает он вам? — спрашивает она.

— А если мешает, — отвечаю, — я постучу ему: мол, занят, не мешай, он и уйдет. — И даже набрался нахальства, думаю — не может же эта старуха азбуку Морзе знать, — и выстукал Виктору: "Приходи попозже".

Пожелала она мне приятного сна, ушла к себе.

Слышу: Виктор снова стучит, тихо — тихо: "Пришел я".

"Приходил сегодня кто-то к старухе, — выстукиваю я, — не могу к тебе выйти".

"Понимаю", — отвечает Виктор.

"Пока все", — стучу я и опять остаюсь в одиночестве.

Спать нельзя, мало ли что может случиться, читать надоело, делать нечего. Когда, думаю, эта мука кончится За окном дождь,

а в доме тишина такая, что в пору удавиться.

Когда же это случилось, дай бог
памяти Десятого октября,
вот когда это случилось.

Хоть и похвалился я, что не спал в ту пору, все — таки случалось
иногда вздремнуть, — вполглаза, как говорится, но случалось.
Проснулся я утром, в комнате прохладно. Взглянул в окно — стекла
запотели. Выглянул наружу — на улице серенький туман. Совсем
погода испортилась, настоящая осень на дворе, грязь, слякотно, а
люди по улице все идут,
идут

В те дни чувствовалось необычное оживление. Решалась судьба
Петрограда. Город готовился к обороне. На случай вторжения
белогвардейцев отряды рабочих рыли окопы и складывали
баррикады из дров, на перекрестках устанавливали артиллерийские
орудия, в окнах домов делали из мешков с землей
бойницы Белогвардейцы
грозили разграбить город и перерезать рабочих и работниц,
красноармейцев и матросов, и все население Петрограда готовилось
дать врагу жестокий отпор.

Встал я, самому хочется на улицу, поближе к товарищам, а уйти
не могу, вдруг здесь враги
закопошатся

Шаркает, слышу, старуха в коридорчике, туда и сюда, туда и
сюда Думаю: чего это она
разбегалась?

— Иван Николаевич, вы спите? — спрашивает она меня из — за
двери.

— Проснулся, Александра Евгеньевна, — отвечаю.

— Что — то холодно, — говорит она из коридорчика.

Ага, думаю, пробрало, то — то она разбегалась,
согревается

— Неужто холодно? — говорю. — А я и не замечаю.

— У вас кровь молодая, — говорит она. — Не принесете ли
дров, Иван Николаевич?

А надо сказать, что дрова находились на моем попечении. Я их заготавливал, я их берег, и даже ключ от подвала держал у себя в кармане.

— Зачем запираешь? — говорит мне как-то старуха. — Мы с вами в доме одни.

— А для порядка, — объяснил я, — чтобы крысы туда не забежали.

Спокойнее как-то мне было, что подвал заперт и ключ у меня находится. А то заберется туда кто-нибудь, — была у меня такая мысль, — да еще пристукнет, когда пойдешь за дровами.

Сунул револьвер в карман, — я никогда оружия без себя в комнате не оставляю, — затянул ремень, обдернул гимнастерку, выхожу.

— Отчего не принести дровишек, — говорю, — благо они у нас не по ордеру выдаются.

Иду к парадной двери, старуха около меня семенит.

— Вы охапочки две дайте мне, Иван Николаевич, — просит она.

— Что ж, — говорю, — можно.

Спускаюсь вниз по лестнице, отпираю дверь, захожу в подвал, набираю охапку дров, и вдруг дверь хлоп — и закрылась. Я к двери, надавил, а там, снаружи, слышу — задвижка щелкает.

— Попался, Ваня, к ведьме в лапы, — говорю я сам себе.

В подвале темно, ничего не видно. Нашел оцупью дрова, присел на них около стенки, думаю — что делать? Стрелять в дверь? Замок такой, что никакими пулями не пробьешь, да и пули поберечь надо. Вступить в переговоры? Черта с два договоришься с этими гадами, да и переговорываться не с кем Аховое твое положение, Ваня, думаю. Но волноваться себе не позволяю. Хватит, думаю, погорячился уже раз, толку от этого мало.

Немного прошло времени, по-моему, слышу — шаги над головой, голоса смутно доносятся и будто двигают вверху что-то тяжелое, грузное. Вдруг сразу стихло все, еле-еле какие-то звуки

доносятся. Сообразил я: ход в подвал сверху задвинули или заставили чем-то. Вступишь тут в переговоры

Темно и невесело. Задохнешься еще, думаю. Но дышать легко. Вспомнил я тут, как старуха рассказывала мне, что в погребах для хранения вин обязательно вентиляция устраивается, да и раньше об этом слышал. И точно — будто откуда-то свежим воздухом потянуло. Значит, есть здесь какие-то отверстия. Куда же они выходят? На улицу, конечно. Но старуха рассказывала, что в подвале всегда должна быть ровная температура и поэтому затейливо и хитро эти ходы для воздуха устроены. Однако раз отдушины на улицу выходят, думаю, поищем их

Ясно, что отдушины в подвалах всегда под потолком делаются, а мне до потолка рукой не дотянуться. Сложил я дрова вдоль одной стены ступенькой, встал на них, ощупываю стену. На словах — то это просто получается. Правильно говорится: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Ползаю я по стене, мгла крошечная, руками пыль обтираю. Нашел одну отдушину. Отлично, думаю, поползем дальше. Сложил я на полу два полешка крест-накрест в том месте, где наверху отдушина, и дальше руками шарю. Обследовал одну стену — нет больше в ней отдушин. Переложил дрова вдоль другой стены. Еще нашел отдушину. Устал, присел ненадолго, передохнул и вдоль третьей стены заползал. Короче говоря, нашел три отдушины: в той стене, где дверь, никакого отверстия не оказалось.

Присел я у двери, вспоминаю расположение дома. Дверь, вспоминаю, стоит прямо к улице, стена напротив — обращена ко двору, левая — в сторону парадного крыльца, правая. Правая — то и есть та сторона, куда окно из моей комнаты выходит, — палисадник, значит, направо. Ну, думаю, была не была, ничего другого делать не остается

Пошел я от двери до правого угла, оттуда ошупью вдоль стены до сложенных накрест полешек, сложил в этом месте дрова поплотнее, взобрался на них, беру в руки полено и начинаю выстукивать по краю отдушины:

"Иду", — отвечает Виктор.

"Иди, иди", — выстукиваю я.

Стихло все, ушел.

Ну, тут приходится признаться, сам я произвел нарушение дисциплины. Может быть, устал, может быть, переволновался, но прилег на дровах и заснул. Может быть, это и чудно и невероятно покажется, но — заснул. Спал я, вероятно, недолго, минут пять — десять, не больше, но после сна как — то сразу посвежел, отдохнул и обратно встал на свой пост. Стою и теперь уже только слушаю: не спросит ли чего Виктор. Довольно долго простоял, но так ничего и не услышал. Зато вдруг вверху, над головой, снова раздался шум и стук, и показалось мне, будто наверху даже стреляют.

Потом снова что — то отодвигают, кто — то спускается по лестнице, щелкает задвижка, я на всякий случай достаю револьвер, открывается дверь, и в подвал входит Ковров.

— Наконец — то ты, товарищ Пронин, — говорит он, — оказался на высоте.

— Это в подвале — то? — говорю я.

— Вот именно в подвале, — говорит Ковров и смеется. — Не сразу тебя нашли, каким — то шкафом заставили они сюда вход.

— Кто "они" — то? — спрашиваю.

— "Синие мечи", — говорит Ковров. — Давно мы за этими заговорщиками охотимся. Существовала такая организация белых офицеров у нас в Питере.

— Существовала? — спрашиваю.

— Да, — отвечает Ковров. — И всего лишь полчаса назад прекратила существование. Собирались мы ее на этих днях захватить, а ты нас поторопил. Всех взяли. Часть отстреливались, а часть через потайную дверь из угловой комнаты на двор пыталась выбраться, но мы их и на дворе ждали.

— А мальчишка цел? — спрашиваю.

— В машине сидит, — отвечает Ковров. — Все сюда рвется, о

тебе беспокоится, только шоферу не велено его отпускать.

— Это ведь благодаря ему заговорщики пойманы, — говорю. — Без него бы мне несдобровать. Не понимаю только, как он отдушину сумел отыскать.

— Догадливый парень, — говорит Ковров. — Чекист из него выйдет. Пришел он к тебе в сумерки под окно, постучал, и ему тоже что-то пробарабанили. Он опять постучал, а ему опять в ответ стучат что-то бессвязное, и старуха в форточку кричит, что ты, мол, ушел из дому и пусть он завтра приходит. Встревожился Виктор, от окна отошел, а от дома не отходит, слоняется вдоль стены и все надеется, не позовешь ли ты его. Ну, ты его и позвал

Вышли мы с Ковровым на крыльцо. На улице дождь, слякоть, ветер.

— Вот и кончилась моя работа здесь, — говорю я Коврову.

— Эти офицеры, — отвечает Ковров, — собирались телеграф захватить и другие правительственные учреждения

Вижу — хмурится он, застегивает кожаную куртку, а сам сердито вглядывается в темноту. — Юденич опять в наступление против нас пошел, — говорит. — Вот они и пытались ему изнутри помочь. — Протягивает мне руку, пожимает. — До свиданья, — говорит, — товарищ Пронин, надеюсь, еще увидимся.

Попрощался я с ним, иду к машине, зову Виктора.

— Пойдем, — говорю, — приятель, отведу тебя домой, заступлюсь перед матерью.

Дохожу с ним до его дома, поднимаюсь на второй этаж, останавливаюсь против двери, на которой блестит медная дощечка с надписью "Барон фон Мердер", звоню.

Открывает нам дверь женщина, простая такая, молодая еще.

— Где ты, — кричит она на Виктора, — пропадаешь? Отец на фронт собирается, а он под дождем по улицам слоняется

Тут выходит отец.

— Вы, — спрашивает он меня, — Пронин?

— Пронин, — говорю. — Только как это вы признали?

— Рассказывал о вас Виктор. Познакомились мы.

— На фронт? — спрашиваю.

— Да, — говорит, — против Юденича.

— И я завтра на фронт думаю, — говорю.

— А пока что, — приглашает он меня, — поужинаем чем бог послал?

Ну, я не отказался — люди свои. Так вот и началось наше знакомство.

Зимние каникулы

Юденич был разбит, спокойствие Петрограду обеспечено, и опять вернулся я в распоряжение Коврова. Он было не хотел тогда отпустить меня на фронт, но тут уж я запрямился.

— Мои товарищи жизни не жалеют, а я отсиживаться буду?

— Чудак, чекисту в тылу опасность грозит не меньше, чем солдату в бою, — говорит Ковров. — Каждую минуту из-за угла пристрелить могут, да и самого тебя Борецкая едва не отравила.

Ну да, как говорится, если что Ваньке втемяшится, так ты хоть кол на голове у него теши
Настоял я, отпустили меня на фронт.

Вернулся я, Ковров мне и говорит:

— Опасности тебе подавай? Что ж, иди. брат, на оперативную работу в таком случае.

Тут уж действительно жаловаться на тихую жизнь не приходилось. Охотились мы и на бандитов, и на спекулянтов, и на заговорщиков. Публика вся эта была выдавшая виды — с иными приходилось в такие перестрелки вступать — не хуже, чем на

войне
чистили мы Петроград — работы хватало.

Одним словом,

Многое можно порассказать о тех годах, — сейчас расскажу о том, как Виктор вновь у меня в помощниках очутился.

К тому времени стал я себя чувствовать коренным петроградцем. Полюбил этот город, привык к нему, завелись у меня друзья и знакомые, — все, как полагается. Но больше всех дружил я с Железновыми. Отца Виктора, — не люблю об этом вспоминать, — убили белогвардейцы в бою под Ямбургом. Остался Виктор — как бы это сказать? — ну, будто на моем попечении. Часто захаживал я к Железновым — пайком поделюсь, о занятиях Виктора в школе справлюсь, мать его, Зинаиду Павловну, утешу.

— Трудно пока вам, конечно, но скоро все образуется, — говорю ей, бывало. — Вот вырастет Виктор — верная подмога, заменит отца

В ту пору Виктор мне уже — ну, сыном не сыном, а как бы племянником стал.

Вот, значит, вызывает меня однажды Ковров и говорит:

— Спрятан здесь, в Петрограде, архив одного иностранного агента. В этом архиве имеются документы о связи бывшего Временного правительства с одной державой и о субсидировании этой державой всяких белогвардейских заговоров. Как ты сам понимаешь, эти документы представляют немаловажное значение для нашего государства. В свое время вывезти эти бумаги из Петрограда не успели и, как нам стало известно, пытаются это сделать теперь. Так вот, нам нужно этот архив найти. Тебе, товарищ Пронин, могу напомнить, что в числе контрреволюционных организаций, которые субсидировались этим иностранным агентом, были и "Синие мечи". Небось не забыл еще своего знакомства с ними? Вот тебе и придется восстановить в памяти все, что касается этой организации, и пойти по ее следам

— Да, задал ты мне задачку, товарищ Ковров, — говорю я в ответ. — Легко сказать: найди. Пачка бумаг в Петрограде! Иголку в стоге сена я бы нашел, пожалуй

— А ты и не ищи бумаги. — говорит Ковров. — Архив в портфеле не повезут

Тут Ковров достает из — за шкафа дугу с подвязанным к ней колокольчиком и спрашивает меня:

— Лошадей запрягать умеешь?

— Брось — брось! — говорю я, догадываясь о каком — то подвохе со стороны Коврова, внимательно осматриваю дугу и ничего особенного, конечно, в ней не нахожу.

— Можно сломать? — спрашиваю Коврова.

— Но ведь другие не ломали? — отвечает он, берет со стола стакан и подает мне. — Держи.

Взял я стакан, Ковров держит один из концов дуги над стаканом, поворачивает колокольчик, и сразу из дуги полилась в стакан бесцветная жидкость. Ковров опять быстро повернул колокольчик и закрыл этот странный резервуар.

— Выпей, — говорит он мне.

— А что это? — спрашиваю я с опаской.

— Ничего — ничего, попробуй, — угощает он. Поднял я стакан, понюхал, выпил — и с удивлением смотрю на Коврова.

— Спирт? — спрашиваю я.

— Он самый, — подтверждает Ковров. — Вот его так и переправляли через границу

Я молчу.

— Подумай теперь о бумагах, — говорит Ковров. — Постарайся, поищи, где их прячут

Задумался я, но если приказано

— Есть, — говорю, — товарищ начальник.

Пошел домой думать. А думать в те времена я еще не умел. Думаю и тревожусь: а ну как, пока я тут думаю, бумаги в это время из города вывозят? Внутреннее спокойствие — самое важное, я

считаю, во всяком деле. Мы должны действовать как математики: решить задачу надо, и чем скорее, тем лучше, но — не спешить, не нервничать, не метаться

Пока я себя к этому приучил, сколько ошибок, сколько промахов сделал — вспомнить страшно!

Сижу дома, думаю и ничего придумать не могу. Не развито у меня еще тогда было воображение, чтобы самому дома сидеть, а мысленно весь город обойти.

Отправился я тогда обратно на службу, пересмотрел дела контрреволюционных организаций, которые были нами раскрыты, отметил на карте города все дома и помещения, где эти заговорщики обитали. Сунул этот адрес — календарь в карман и зашагал по городу.

Трудно еще жилось Питеру в то время. Топлива не хватало, продовольствие подвозили плохо. Но настроение у жителей было приподнятое. Приближение победы чувствовалось всеми так же явственно, как ощущается наступление весны.

Хожу, присматриваюсь к отмеченным мною домам, в иные заглядываю, беседую с жильцами, и все это — будто мимо меня, ничто не останавливает моего внимания. Чувствую, что без толку хожу, а с чего начать — не знаю. Так, в своих скитаниях по городу, прошел я раза два или три мимо особняка Борецкой. Памятный дом, но никаких хороших воспоминаний у меня с ним не связано, а иду мимо — и щемит почему-то сердце. Не знаю почему, но решил я начать поиски с этого дома. Во-первых, умные люди в нем действовали, а во-вторых, не остыла во мне еще досада против этих умников, которые меня в дураках оставили

Пошел к Коврову.

— Скажите — ка, — спрашиваю, — что нашли тогда в особняке, когда офицеров арестовали?

— Оружие, валюты сколько-то, патроны, — говорит Ковров.
— Ничего особенного.

— Не может этого быть, — говорю я ему. — Не может быть, чтобы в таком удобном доме и такие хитрые люди ничего не спрятали. Дай мне разрешение произвести в этом доме обыск.

— Не поднимай паники, — говорит Ковров. — Дом осмотреть можно. Допустим, жилищный отдел собирается ремонтировать дом, и

в нем необходимо произвести тщательный технический осмотр

Дали мне людей, и пошли мы на мою прежнюю квартиру. Борецкой там, понятно, и духу не осталось, все ценные вещи из особняка розданы были различным музеям, а в доме обитали самые обыкновенные жильцы, вселенные по ордерам жилищного отдела. Для осмотра дома это обстоятельство создавало дополнительные трудности: что ни комната, то новая семья, — однако жильцы встретили нас приветливо и всячески старались облегчить нашу работу.

В течение двух суток обстукали мы все стены, облазили и чердак, и подвалы, отдирали обои, поднимали паркет, каждую ступеньку на лестницах ощупали, проверили дымоходы и отдушники, — короче говоря, произвели такой технический осмотр, какого ни один строитель в жизни не производит, и ничего не нашли.

Попутно, во время осмотра, я от жильцов узнавал, кто бывает в доме. Примечательного ничего не обнаружил. В доме ночевал иногда мужик — молочник, но его дальше кухни не пускали, да и сам он от своих бидонов отойти боялся.

Явились мы после обыска к Коврову.

— Ну что? — спрашивает он.

— Да ничего, — говорю я.

— Вот то-то и плохо, что "ничего", — говорит он. — Плохие вы следопыты. Опасаюсь, как бы этот самый архив мимо нашего носа не провезли

Тут ясно я увидел, как мало он на меня надеется, и обидно мне стало, но сам понимаю, опыта у меня никакого и работник я действительно посредственный.

— У меня тут на примете старьевщик с молочником, — говорю и сам понимаю — пустяки говорю, но ведь надо же что-нибудь сказать.

— Старьевщики и молочники, конечно, народ интересный, — говорит Ковров, — но их больше писатели в юмористических рассказах расписывают, а ты менее колоритными личностями займись, умный враг всегда самым незаметным обывателем выглядит.

Поблагодарил я его за совет и решил все — таки познакомиться с молочником, и вообще со всеми, кто бывает в этом близком моему сердцу доме.

Рассказывать, конечно, о всех своих поисках и знакомствах и долго, и скучно. Жильцы и гости ихние оказались самыми обыкновенными людьми, молочник был тоже обыкновенным мужиком, и в отношении его смутило меня только одно, что приезжал он откуда — то из — под Пскова. Далеко от Петрограда, но не это меня смутило, — тогда в Петроград многие крестьяне из самых отдаленных деревень приезжали и отличные вещи задешево на продукты выменивали. Другое смутило. Вспомнил я, что этот самый "племянник" Борецкой, который так ловко обвел меня вокруг пальца, по рассказам, тоже учительствовал где — то под Псковом. И вот втемяшилась мне мысль, что молочник и есть этот самый племянник.

Попросил я одного из жильцов известить меня, когда приедет крестьянин, — мол, тоже хочу у него масла купить. Надо сказать, что крестьянин этот из такой дали не молоко, конечно, возил, а масло и сметану, и молочником его просто так, по привычке, называли. Да это и понятно: выгодно ли было бы молоко из — под Пскова в Петроград везти!

Разумеется, за особняком я не перестал наблюдать, но жилец тоже оказался человеком аккуратным и вскоре позвонил ко мне утром на квартиру по телефону.

— Приехал
молочник — говорит. — Я
его предупредил, чтобы он для вас масла оставил. Приходите после службы.

Эх, думаю, перестарался жилец! Тебя просили меня предупредить, а ты и молочника предупредил. Впрочем, тогда это было естественно такие услуги добрым знакомым оказывать, и ничего необычного в подобной просьбе молочник не мог усмотреть. Однако пуганая ворона куста боится!

Дождался я времени, когда в учреждениях занятия кончаются, и пошел за маслом, готовый к встрече со старым знакомым.

Захожу с парадного крыльца, вызываю жильца.

— Здесь? — спрашиваю.

— Как же, как же, — сообщает жилец. — Дождется вас.

Идем мы в кухню — и что же? Сидит там обыкновенный псковской мужик без малейшей подделки. Поздоровались мы.

— Ан уж думал, не придете, — говорит мне приезжий.

— Как можно! — отвечаю. — Да ведь службу не бросишь.

— Против порядка, конечно, не пойдешь, — соглашается приезжий.

Потолковали.

— Вы, что же, ночуете здесь? — спрашиваю.

— Заночую, — отвечает продавец. — Завтра куплю кое-что для дома и поеду.

Поторговались.

— Наживаешься, отец, — говорю.

— Где уж! — отвечает он. — А впрочем, разве такой город, как Питер, без спекулянтства построили бы?

— Что ж, ты и у себя под Псковом хочешь Питер выстроить? — шучу.

— Зачем? — отвечает — Нам не до жиру

Купил я у него масла и пошел восвояси. Отнес покупку Железновым, попил у них чайку, задумчивый сижу, молчу, смутно у меня на душе.

Подходит ко мне Виктор, кладет руку на плечо.

— Дело? — говорит.

— Дело, — говорю.

— Трудное? — говорит.

— Трудное, — говорю.

Вижу, хочется ему мне помочь, а расспрашивать, знает, не полагается.

— Секрет? — говорит.

— Секрет, — говорю.

Вернулся домой и решил не бросать своего молочника, не останавливаться на подорожи: коли занялся молочником, так уж заниматься им до конца. Масло маслом, а ну как Обманули меня раз эти псковские — не верю я им больше! Может, он действительно просто спекулянт, а все — таки надо проверить, что он из Петрограда повезет.

Улик нет, а совпадения неладные: останавливается во вредном этом особняке, живет у самой границы, и к тому же опять — псковской. “Проверь, проверь”, — твержу я себе

На следующий день с самого раннего утра находился я уже на наблюдательном посту неподалеку от особняка. Часов около десяти вышел мой мужичок из дому. Мешок с бидонами на плече. Пошел на рынок, потолкался там, курточку какую — то купил, мануфактуру, всякую мелочь для хозяйства, — походил — походил и пошел оттуда прямо на вокзал. В буфете попил чаю и встал в очередь к билетной кассе. Все идет совершенно нормально. Взял билет, дождался посадки, ворвался с прочими пассажирами в вагон

Проводник соседнего вагона был предупрежден о том, что он обязан предоставить в мое распоряжение служебное отделение в вагоне и в случае, если последуют от меня какие — либо распоряжения, им подчиниться.

Поехали, значит, мы во Псков Было начало декабря, темнело рано Электрическое освещение в вагонах тогда было неисправно — горят кое — где в фонарях свечи, сумрачно, скучно. Вагоны покачивает, колеса постукивают, пассажиров в сон клонит. Едем.

— Поди—ка ты в соседний вагон, — говорю проводнику, — оставь в двух фонарях какие—нибудь огарки поплоче, чтоб ничего нельзя было разобрать.

Прошел я потом в тот вагон, поднял воротник, нахлобучил шапку, чтоб не узнать меня было. В вагоне теснота. Однако нашел я своего молочника, разглядел. Вижу, сидит он почти что в середине, дремлет, мешок его под лавкой лежит.

Подсел я в соседнее отделение с краешка. Ближе к Луге, думаю, — пора. Совсем разомлели люди в вагоне. Ночь. Самый крепкий сон.

Вернулся к проводнику, объяснил ему, как найти молочника.

— Постарайся, друг, принеси мне его мешок, — прошу. — Имею желание взглянуть на его вещички и убедиться, не занимается ли данный гражданин спекуляцией

Ушел проводник.

Минут двадцать спустя смотрю — волочит мешок моего псковича.

Признаться, вспомню, как в те годы действовал, так стыдно становится. Грубо работал, некультурно. Если, строже говоря, разобрать мои поступки, — ненужные вещи делал Не умела еще голова работать. Надо знать психологию, уметь анализировать человеческие поступки, а мы тогда все больше вещественными доказательствами увлекались. Теперь я бы так устроил, что преступник, того не подозревая, сам бы мне указал, где и что у него спрятано. Да и для того чтобы осмотреть мешок, тоже можно было найти более деликатный способ Подумать только! Осмотр дома, похищение мешка Получалось, что я самолично предупреждал преступника о том, что за ним ведется слежка. Наше счастье, что преступник не жил в доме Эх, да что там говорить!

Заперся я в служебном отделении, проводника послал на пассажиров смотреть, а сам принялся осматривать содержимое мешка.

Суконная курточка. Ощупал ее — нет, ничего в ней не зашито. Отрез зеленого вельвета — есть такая материя вроде бархата, — по-видимому, жене или дочери на платье. Гвозди, замки. Детская гармошка. Сжал я ее потихоньку — пустая. Коробка с монпасье и кусок хлеба. Два бидона. Заглянул в бидоны — пустые Незавидная добыча!

Но тут подумал я, что владелец этих бидонов живет на границе, вспомнил, как товарищи показывали мне различные доспехи, отобранные у контрабандистов. Незамысловатые доспехи: ящички да чемоданы с двойным дном, палки и дуги, выдолбленные внутри. Вспомнил уроки Коврова "А что если и бидоны сделаны так", — подумал я, повернул бидон вверх дном и начал пытаться поворотить днище справа налево И что же вы думаете? Пошло!

Отвинтил днище — разошлись боковые стенки, двойные они у бидонов оказались! Прежде в этих бидонах шелка да кружева доставляли из-за границы небось. А теперь? Прямо скажу, с замершим сердцем наклонился я и увидел Какие-то бумаги, да.

И тут я должен похвастаться. Подавил я в себе желание бумаги эти достать, а молочника арестовать. "А если он ни в чем не признается", — подумал я, и с мыслью этой не расстанусь до сих пор, какое бы дело ни расследовал. Когда приходится иной раз читать или слышать, что следователь добился от преступника полного признания, так это значит, что следователю просто повезло. Надо уметь самому вопреки преступнику загадки разгадывать

— Проснется мужик, поднимет шум, — спрашивает проводник, — как быть?

— А очень просто, — объясняю. — Неси мешок на прежнее место, как ни в чем не бывало. Будто попался мешок тебе на глаза и ты ему хозяина ищешь

Так все и обошлось.

Верст пятидесяти не доезжая до Пскова, вылез мой молочник из поезда. Выскочил вслед за ним и я, и в сторону. Увидит меня, сразу поймет в чем дело. Оплошность я сделал, уехав один из Петрограда.

Не могу за ним следовать. Посматриваю издали. Прошел он со своим мешком за станцию, подошел к каким-то саням, положил мешок, сам сел, и лошадь сразу тронулась с места. Видно, выезжали за ним на станцию.

Тут кинулся я на станцию, спрашиваю:

— Откуда эта лошадь? Во — он пошла!

— А это, — говорят, — Афанасьев из Соловьевки. Вам что, туда надо? Старик из Петрограда приехал. Масло возит продавать. Богатый мужик. Сын за ним приезжал. Они бы вас взяли

— Да нет, — говорю, — лошадь больно хороша.

Прикинул я кое-что в уме, — не может быть такого невезенья, думаю, чтобы он последние бумаги вывез, — и уехал с первым же поездом обратно в Петроград.

Доложил Коврову о поездке.

— Что думаешь делать дальше? — спросил он меня. — Люди нужны?

— Как бы не спугнуть. Лучше пограничную часть предупредите, — попросил я. — Чтобы в случае чего мог я к ним обратиться

Затем зашел к знакомому уже мне жильцу, попросил опять известить меня, когда масло привезут. Тот действительно очень аккуратно перед самыми святками позвонил мне, и я встретился с Афанасьевым уже как старый покупатель, купил масла и опять отнес его Железновым.

— Напрасно вы о нас так беспокоитесь, Иван Николаевич, — говорит Зинаида Павловна и смущается.

— Люди свои, сочтемся, — отвечаю. — Я вот в деревню ехать собираюсь, отпустите со мной Виктора? Чего ему каникулы в городе проводить?

— Да уж не знаю, как быть, — говорит Зинаида Павловна. — Я

бы и отпустила, да ведь вы человек занятый, куда такая обуза?

— А он мне помогать будет, — шучу в ответ. — Пускай с жизнью знакомится.

Тут Виктор сам подходит ко мне и шепотом, чтобы мать не слышала, спрашивает:

— Дело?

— Да, — говорю.

— Все то же? — спрашивает.

— Да.

Бросился он к матери, обнимает ее, тормошит.

— Мамочка, дорогая! — кричит. — Отпусти меня с Иваном Николаевичем. Весь год буду потом лучше всех учиться! На недельку только
Отпусти, честное слово!

Отпустила Зинаида Павловна со мной сына, конечно, и мы в тот же день, не дожидаясь Афанасьева, выехали псковским поездом из Петрограда.

Взял я с собой ружье,
лыжи Охотники!

Виктор едет — ликует.

— Вырасту, тоже чекистом стану, — говорит.

— А вот мы это сейчас выясним, — отвечаю. — Что я делами занят — это естественно, но вот откуда ты взял, что я все одним и тем же делом занимаюсь?

— А очень просто, — говорит Виктор. — Носишь ты нам масло, и масло это какое — то не петроградское, вот я и решил, что ты все в одно место едешь.

— Догадливый! — смеюсь я.

— А что мы там делать будем? — спрашивает Виктор.

— Где — “там”?

— А куда едем.

— Гулять, — говорю.

Смотрю — обиделся мальчишка, надулся как мышь на крупу.

— Ты чего? — спрашиваю.

— А может, ты меня в самом деле гулять везешь? — бурчит он.
— Так я могу и один обратно вернуться.

— Ладно, спи, чекист, — говорю ему. — Там будет видно. Утро вечера мудренее.

Вылезли мы с ним где надо, наняли лошадь, поехали в Соловьевку, остановились у одного местного коммуниста, известного нам в Петрограде человека.

Предупредил я нашего хозяина:

— Говорите, что приехал к вам в гости родственник с братом.

Даю Виктору лыжи.

— Гуляй, — говорю.

— А дело? — спрашивает он.

— Гуляй, — повторяю, — и никаких вопросов.

— Да что ты, смеешься, что ли, надо мной? — возражает Виктор. — Я бы, может, не поехал гулять!

Рассердился я даже на него.

— Сказано — гуляй, и гуляй. Будешь еще у меня рассуждать! Я серьезно говорю: это тебе военное задание. Гуляй, и вся недолга!

Заметил или нет раздражение в моем голосе Виктор — не знаю, только больше пререкаться не стал, забрал лыжи и отправился на улицу.

На другой день спрашиваю хозяина:

— Афанасьев приехал?

— Недавно, — говорит тот. — Сын за ним ездил.

— Кликните — ка сюда моего мальчишку, — прошу. — И как —
нибудь ненароком покажите ему Афанасьева.

Явился Виктор.

— Вот, — говорю, — тебе и поручение. Покажут тебе одного
человека. Так твоя обязанность последить — не уйдет ли он куда —
нибудь из деревни. Только смотри, около его избы не околачивайся.
Гулять будешь, понятно?

Вечером пришел Виктор — ничего не заметил. На ночь я
пошел бродить у околицы — тоже напрасно. Утром опять Виктор
меня сменил

Вскоре прибежал запыхавшийся, еле отдышался.

— Ушли! — говорит. — Пошел с ружьем, с собакой, с каким —
то парнем. В лес. Идем —
ка

— А это вы напрасно тревожились, — говорит хозяин. — Это
он с сыном белку бить ходит. За ними и следить не надо. Зимой
Афанасьев или в Петроград ездит, или по белку ходит, только и
всего. Охотники они с сыном не ахти какие, а все — таки на воротник
да на шапку набьют зверя за зиму.

— Что ж это вы мне раньше не сказали, — говорю хозяину. —
Я тоже люблю с ружьем побаловаться. Здешние места должны они
знать, вот мы и пойдем завтра в ту же сторону.

Пообедали мы. Послал я Виктора снова на улицу.

— Как вернутся, лети ко мне.

Часа через два прилетает мальчишка.

— Вернулись!

Забрали мы с Виктором лыжи, и огородами — за околицу и в
лес.

Идем по лесу. Сугробы волнами выгибаются. Разлапистые

темно — зеленые ели точно присели на зем — лю и прикрыли ее пушистыми своими юбками. Голые березы ввысь рвутся, и белые их стволы на синеватом снегу кажутся розовыми. Тишина стоит необыкновенная, как в театре перед поднятием занавеса. Вот — вот все сейчас запоет, заиграет. Только где — то в отдалении скрипнет сучок и что — то хрустнет, точно кашлянул кто.

Указал мне Виктор на лыжный след — легкий такой, бегущий. Сразу видно, что хорошие лыжники шли. Двое. А рядом мелкие и частые лунки — собака бежала. Идем мы по следу, быстро идем, и даже мне, отвыкшему в городе от лыж, идти легко — легко — так кругом хорошо и привольно.

Километров пять мы так пробежали. Вдруг Виктор хватает меня за руку.

— Бей! — говорит. — Бей!

Указывает на высокую ель — на макушке, в ветвях, белка скачет.

— Снимай ружье!

Стряхнул я его руку со своей.

— Эх ты, чекист! — говорю. — Ты уж прямо из деревни с песнями выходил бы да Афанасьевых бы позвал на прогулку.

Смутился он

Достал я карту. Граница должна быть близко. Прикинул на глаз: километра два остается. Лыжня тут в овражек пошла Небольшой такой овражек, но крутой и кое — где даже обрывистый.

Спустились мы с Виктором вниз. Оборвался лыжный след, никуда больше не ведет. Не прыгали же они отсюда по воздуху! Дно в овражке утоптанно. Сломанная ель валяется. Постучал я по стволу — не выдолблен ли. Нет, звенит, на дрова просится. Пошныряли по овражку — все находки: снег да кусты под снегом.

— Пошли обратно, — говорю. — Ничего не понимаю.

И действительно ничего не понимаю. По моим соображениям, или Афанасьевы должны где — нибудь границу переходить, или к ним с той стороны кто — нибудь приходит, а лыжня явственно обрывается

— и никакого следочка.

Направо, по карте, озеро, налево, отмечено у меня, застава. Дай, думаю, схожу к браткам, предупрежу о своих поисках.

Заставу мы нашли скоро, почти не плутали. Познакомился я с начальником, показал документы. Он был уже предупрежден о моем приезде. Поделился я с ним своими подозрениями, но отнесся он к ним недоверчиво. Граница тогда не так отлично, как теперь, охранялась, и людей было поменьше, и опыта не было, но самонадеянным он оказался человеком!

— Не могли мы не заметить, — говорит, — если бы кто —нибудь границу перешел.

Пожелали мы с ним друг другу успеха, и пошел я с Виктором опять к себе в Соловьевку.

Вернулись домой поздно, ночь уже наступила, не успели отдохнуть, разбудил я Виктора.

— Вставай, — говорю. — На работу пора.

Ничего! Малый мой кубарем с лавки скатился, ноги в валенки, ополоснулся водой — рукой по лицу раз — раз, умылся, точно кошка, натянул шубейку и говорит:

— Пошли.

На улице звонкий декабрьский мороз. Ночь на исходе. Звезды гаснут медленно, неохотно. Небо сереет, становится сизым. По снегу тени бегут, точно птичьи стаи низко — низко над землей летят. Порошит снежок.

Это совсем нам на руку. Все следы заметет, в том числе и наши. Однако, идя к овражку, сделали мы здоровый крюк и подошли совсем с другой стороны, чтобы ненароком Афанасьевы не заметили чужих следов.

Выкопали мы себе с Виктором нору в снегу, поодаль, на верху оврага, и запрятались вроде медведей.

Весь день просидели, и хоть бы какой —нибудь зверь в овражек для смеха забежал. Хорошо еще, что мясо и хлеб захватили, по крайней мере не проголодались. Сидим, перешептываемся, прячемся, — а от кого? Вокруг ни души. Прошелестит в воздухе птица, упадет

шишка, и опять сгустится лесная зимняя тишь.

— Долго так сидеть будем? — спрашивает Виктор. — От тоски сдохнешь.

— Терпи, брат, — говорю. — Назвался груздем — помалкивай. Думаешь, чекистом быть — так только и дела, что стрелять да за бандитами гоняться? На всю жизнь терпеньем запасайся!

Вернулись вечером в деревню несолоно хлебавши.

На исходе ночи снова бужу Виктора.

— Пошли опять.

На этот раз поленивее малый одевался. Сидеть сиднем в снегу целый день, конечно, не ахти какое веселое занятие.

Добрались до своего блиндажа, забрались туда, с утра скучать начинаем.

Но ближе к полдню слышим — голоса. Притаились мы. Виктор замер как белка в дупле. Приближаются люди. Смотрю — спускаются в овражек. Афанасьев! С ним его сын, — парню лет девятнадцать, а покрупнее отца. Позади собака.

Не приходилось мне еще таких собак видеть.
Овчарка Но какая!
Рослая, морда волчья, грудь широкая, крепкая, сама поджарая,
передние лапы как хорошие руки, а задние породистому коню
впору Идет пес сзади,
нога в ногу с людьми, морду не повернет в сторону!

Откуда, думаю, у псковских мужиков такое сокровище?

И тут у меня дыхание перехватило. Остановился пес, повел носом, и показалось мне, будто шерсть на нем слегка вздыбилась. Почуял чужих, думаю, бросится к нам, и все пропало. Но, должно быть, уж очень вымуштрован был этот пес — повел носом, — и опять за своими спутниками, как ни в чем не бывало.

Спустились Афанасьевы в овражек. Старик снял ружье, прислонил к поваленной ели, сбросил на снег ягдташ. Потом отошел с сыном в сторону, присели они на корточки, в снегу чего-то копаются. Из-за своего прикрытия не очень хорошо мог я рассмотреть, что они делали. Будто палки какие-то из-под снега

достают. Потом вернулся старик к ягдташу, порылся в нем — опять чего — то колдует. Пес стоит у ружья, не шелохнется. Встал старик, бросил перед псом кость. Покосился на нее пес, но не трогает. А старик и не смотрит больше на собаку. Подозвал сына, смахнули они со ствола снег, сели рядышком и разговаривают о чем — то. Смотрю и не понимаю

Что такое?

Вдруг откуда — то совсем издалика собачий лай слышался. Пес сразу встрепенулся, но не двигается.

Тут старик не спеша достает из кармана старинные такие часы луковицей, смотрит на них, подходит к псу и коротко говорит:

— Геть!

Пес хватает кость в зубы и кидается вверх из овражка

И вдруг у меня в голове все точно прояснилось. Вот оно, думаю! Вот кто у них почтальоном — то служит! А пес почти уже выбрался из оврага. Понимаю, нельзя его упустить! Выскочил я из — за прикрытия, вскинул ружье, а оно у меня отличное было, бельгийское, центрального боя, и на всякий случай картечью заряжено, с какой на медведя ходят.

Какое — то холодное спокойствие мною овладело, прицелился я, а пес уже стремглав меж деревьями мчится. Жалко такого пса губить, но ничего не поделаешь! Спустил курок, ахнул выстрел, подскочил пес и припал к снегу. Бегу к нему сам не свой

И тут слышу, кричит сзади меня Виктор неистовым голосом:

— Пронин! Черт! Пронин!

Оглянулся, вижу — отец с сыном из овражка выбираются, и старик прямо в спину мне целится. Мгновенно тут я сообразил, что пес от меня никуда уже не уйдет, кинул ружье, выхватил из кармана браунинг, бросился к Афанасьевым навстречу.

— Бросай ружье! — кричу. — Убью!

Старик, может, и не бросил бы, да сын растерялся, молод еще

был.

— Бросай! — кричит. — Батя!

Опустил старик дуло

Подбегаю к ним.

— Руки вверх! — кричу. — Руки!

Подняли они руки.

Стою против них, а мысли у меня в голове одна за другой
несутся
один ни до заставы, ни до
деревни Они тут каждую
ложбинку, каждый бугорок знают. Без лыж раньше их в сугроб
провалюсь, а на лыжах уйдут они от меня. Вот, думаю, когда Виктор
спасет

— Виктор! — зову я его, но голову не поворачиваю, не спускаю
глаз с Афанасьевых. — Тебе приказ. Надевай лыжи — и на заставу.
А я тут пока наших приятелей постерегу.

И если за что я Виктора уважаю, так за то, что в решительные
моменты он всегда точно выполняет приказания: сказано — и конец.

Слышу — зашелестели лыжи, побежал Виктор.

А я стою против Афанасьевых и секунды отсчитываю.

Узнал меня старик.

— Как вам мое маслице понравилось? — спрашивает.

— Не распробовал еще, — отвечаю. — Больно дорожишься.

— Дешево отдавать — проторгуешься, — говорит
он Так вот стояли и
перекидывались словами, покуда не заскрипел за моей спиной снег и
не подошел к нам красноармеец. Легче мне стало. Покосился я —
парень ладный, статный, но понимаю — нельзя спускать глаз с
Афанасьевых, они только и ждут, как бы я отвернулся.

— Что тут такое? — спрашивает красноармеец.

— А вы уже с заставы? — спрашиваю его в свою очередь. —
Скоро! Вам небось объяснили там

— Нет, не с заставы
— говорит красноармеец. — Я тут в обходе был.

— А к вам мой паренек побежал, — говорю. — Задержали мы тут с ним белогвардейских пособников.

— Да вот и мои товарищи, кажется, идут! — говорит красноармеец. — Вы присмотрите еще немного за ними, а я побегу, потороплю товарищей

Действительно, слышу — доносится хруст валежника, идут какие — то люди

Афанасьевы стоят, слушают наш разговор, молчат.

Красноармеец крикнул мне что — то на прощанье и также стремительно, как и появился, скрылся за деревьями. Не очень — то понравился мне его поступок, не по — товарищески было оставлять меня опять одного, но извинил я его — сгоряча все сразу не сообразишь.

Вскоре прибежали красноармейцы, человек десять, и начальник заставы вместе с Виктором. Забрали и отца, и сына, обезоружили их, и я смог спокойно расправить плечи. Подошли мы с начальником заставы к застреленной собаке, и при виде убитого мною великолепного пса еще раз сжалось у меня сердце. Как нес он в зубах кость, так и не выпустил ее. Разжали мы у пса челюсти, взяли кость, и все нам стало понятно: служила эта кость как бы футляром для бумаг.

Затем отправились мы в Соловьевку.

— Рассердился я было на вашего красноармейца, что одного меня с этими бандитами оставил, — говорю я по дороге начальнику заставы.

— Какого красноармейца? — спрашивает тот.

— Да вот, который в обходе был, — объясняю. — Он же к вам навстречу побежал.

— Да тут никакого красноармейца быть не могло, — говорит начальник. — Чудно что — то

И тут я догадался, что это был тот самый человек, который на той стороне собаку дожидался и, не дождавшись, пришел выяснить причину задержки. Представил я себе мысленно его обличье, вспомнился мне его бархатный голос, и сообразил я, что всего час назад разговаривал не с кем иным, как с тем самым "племянником" госпожи Борецкой, который так ловко когда-то надо мной посмеялся.

— Да ведь это же оттуда! — принялся я объяснять начальнику и указывать в сторону границы. — Не мог он далеко уйти

Рассыпались красноармейцы по лесу Нет, не нашли.

В Соловьевке сделали мы у Афанасьевых обыск. Старик был потверже и поупрямее, — ничего бы, пожалуй, не указал, но сын струсил, привел нас в коровник, — там мы и нашли под навозом жестянку с частью документов.

Позже, когда Афанасьевых привезли в Петроград, он же сказал, где хранился в особняке архив.

В дровяном сарае, посреди всякой рухляди, запрятан был врытый в землю и засыпанный мусором ящик с бумагами. Никто бы и не подумал заглянуть в этот угол

Часть архива старик Афанасьев успел переправить за границу, но и то, что осталось, сослужило нам службу и поведало о деятельности лейтенанта Роджерса, назвавшегося при знакомстве со мной племянником Борецкой и примерно год назад ночевавшего у меня в комнате.

Наступил новый год. Я зашел навестить Железновых. Виктор сидел за книжкой. Зинаида Павловна варила на керосинке кашу. Мы поговорили с ней о сыне, и он не вмешивался в наш разговор. Но когда она зачем-то вышла из комнаты, он быстро подошел ко мне и заговорил вполголоса, потому что при матери никогда со мной о делах не разговаривал.

— Я вот все думаю, — сказал он. — Напрасно ты меня тогда услал. Я даже не понимаю, как этот белогвардеец тебя не убил.

— Потому и не убил, что я тебя на заставу послал, — сказал я, ероша мальчишеские вихры. — Он услышал приближение красноармейцев и ушел. Рискованно было напасть на меня, он бы к себе вниманье привлек. Вот он меня и не тронул, бесполезно было. Предпочел скрыться.

— А товарищей спасти? — спросил Виктор. — Ведь Афанасьевы ему были товарищи?

— Видишь ли, — сказал я, — эти люди товарищество понимают по-своему. Афанасьевы для него свое дело сделали, вот он ими и пожертвовал. А сами Афанасьевы не решились его выдать, а, может быть, надеялись, что он их спасет.

Заблестели у Виктора глаза.

— А как ты думаешь, этот Не ушел за границу?

— Поручиться не могу, но вполне возможно, что он находится где-нибудь среди нас.

Прижался ко мне Виктор.

— Поедем? — говорит. — Поедем искать этого человека?

Взял я его за плечи, подтолкнул к стулу, посадил.

— Сиди, — говорю. — Может быть, и поедем. Но пока об этом забудь. Вспомни, что ты матери обещал? После каникул учиться лучше всех.

Сказка о трусливом черте

Кончилась Гражданская война. Начиналась мирная жизнь. Надо было засеять землю, восстанавливать фабрики и заводы. Везде оставила следы военная разруха. Многого предстояло сделать, чтобы навести в стране порядок

Враги повели себя хитрее, действовали исподтишка, и не всегда легко было распознать — кто враг, а кто друг.

Меня перевели на работу в Москву, и Виктор переехал вместе со мной. Зинаида Павловна вышла замуж за соседа по квартире, у

нее появились новые заботы, и я уговорил ее отпустить сына.

С Виктором мы, понятно, ни о чем не улавливались, но как — то само собою подразумевалось, что, закончив образование, он будет работать вместе со мной, — уже с тринадцати лет он начал считать себя чекистом.

Летом 1922 года на Урал отправлялась комиссия для осмотра железных рудников. Комиссия состояла из инженеров и работников хозяйственных учреждений, и я включен был в нее в качестве представителя Государственного политического управления.

Комиссии поручено было наметить меры для восстановления и расширения железных рудников, но по существу обследование имело гораздо большее значение. Официально об этом не говорилось, но было известно, что руководители некоторых советских учреждений, разоблаченные впоследствии нашей разведкой, предлагают сдать в аренду иностранным капиталистам важнейшие отрасли народного хозяйства, и доклад комиссии о состоянии рудников мог иметь немаловажное значение при решении правительством этого вопроса.

Выехать следовало в начале июня, вся поездка была рассчитана месяца на три. Точный маршрут в Москве установлен не был. По приезде на Урал члены комиссии должны были связаться с местными организациями, наметить совместно с ними план работы и объехать крупнейшие рудники.

Виктор просил меня взять его с собой, и я ничего не имел против. Неплохо было бы использовать ему лето для того, чтобы познакомиться с Уралом. Сначала я решил было, что Виктор будет сопутствовать мне самым обычным образом, но потом в голову мне пришла идея использовать поездку для тренировки, которая могла пригодиться Виктору в будущем.

— Хорошо, я тебя возьму, — сказал я. — Но поедешь ты самостоятельно. Я должен и не видеть тебя, и не слышать. Но время от времени, через день — два, ты будешь находить способы встретиться со мною наедине.

Виктор не сразу понял.

— Это что же такое? — спросил он. — Игра?

— Скорее экзамен, — сказал я. — Вскоре тебе придется работать самостоятельно и, возможно, заниматься более крупными

делами.

Виктор задумался.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я попытаюсь. Ты скажешь, когда начинать?

Нетрудно было догадаться, что озадачивало Виктора, но мне понравилось, что сам он не промолвил об этом ни слова.

— Успокойся, испытание не будет таким жестоким, как ты предполагаешь, — сказал я мальчику. — Тебе не придется добывать средства к существованию и изворачиваться перед каждым встречным. Ты получишь и деньги, и предлог для поездки, чтобы не возбуждать подозрений. Игра идет между нами двумя, и больше никого не надо в нее вмешивать.

— Тогда я совсем согласен! — воскликнул Виктор. — Ты двадцать раз будешь находиться рядом и не сумеешь меня заметить!

— Но, смотри, никаких глупостей, — предупредил я его.

Я не боялся за Виктора. Парню исполнилось шестнадцать лет, за последний год он сильно возмужал и был достаточно благоразумен.

Незадолго до отъезда члены комиссии собрались на заседание. Это были инженеры—геологи и один металлург, хозяйственники и представитель профессионального союза горнорабочих. Комиссию возглавлял профессор Савин, известный геолог, подвижный и говорливый толстяк, больше всего, кажется, боявшийся не выполнить в жизни все, что предположено было им сделать. Явился на заседание и видный в то время советский деятель. Ну, назовем его, что ли, Базаров.

Мы поздоровались, расселись за круглым столом, стоявшим среди просторной комнаты, и потом как—то невольно склонились все над картой Урала, лежавшей на столе, перебирая возможные варианты нашего маршрута.

— Уважаемые коллеги! — скороговоркой сказал Савин, открывая заседание. — Мы должны действовать энергично и не теряя времени. Надо так осмотреть рудники, чтобы взять на учет каждую вагонетку. В результате обследования мы создадим план восстановления бездействующих рудников, развертывания горных работ, увеличения добычи

— Вы несколько углубляете задачи комиссии, — очень вежливо и спокойно вмешался в разговор Базаров. — Комиссия должна беспристрастно обрисовать нам состояние рудников, а уж как поступать дальше — вопрос будет решаться в Москве, с точки зрения общих государственных интересов

Савин возразил, и они с Базаровым поспорили, но Базаров, пользуясь своим видным положением, очень уверенно оборвал профессора, и Савин смутился, что — то забормотал и смолк.

Тогда я не придавал этому разговору значения, и легкая перепалка запомнилась, правильнее, — вспомнилась мне значительно позже, спустя много лет, когда вражеская деятельность Базарова была разоблачена, в те же дни я предположить не мог, насколько умело и ловко могут маскироваться предатели.

Вечером я дал Виктору денег, дал удостоверение о том, что он является агентом по распространению каких — то журналов, — в те годы по нашей провинции разъезжали множество всяких торговых посредников и агентов, и спросил:

— Ты ведь Уэллса читал, "Человека — невидимку"?

— Ну читал, — сказал Виктор.

— Так вот, — продолжал я, — ты тоже становишься невидимкой. Единственное, о чем я могу поставить тебя в известность, так это о своем отъезде: завтра, восемь часов вечера, Ярославский вокзал.

У Виктора дрогнули губы.

— Ну что ж, — сказал он, — постараюсь не осрамиться.

Выехала наша комиссия в положенное время, никто не отстал, не опоздал — в общем, как говорится, с места тронулись легко.

От Москвы до Урала не близко, но скучать в поезде не пришлось. Чем дальше мы отъезжали от Москвы, тем сильнее чувствовалось возбуждение, испытываемое моими попутчиками. Предстояла работа, имевшая большое значение для всей нашей промышленности. За годы войны инженеры изголодались по работе, требовавшей размаха и творческой выдумки, Савин высказывал различные предположения и сочинял проекты реконструкций рудников, и все охотно ему вторили. Конечно, не все вначале

одобряли радужные проекты профессора, но в разговоре он как бы случайно напомнил старое суждение о превосходстве иностранных инженеров над русскими, задел больное место своих спутников, и их невозможно уже стало унять.

Пожалуй, среди всей компании я один был несведущим человеком. Но я не стеснялся задавать вопросы, и мои спутники терпеливо делились со мной своими знаниями. В течение трех суток я прослушал целый курс горного училища!

Меня интересовало, едет ли в этом поезде Виктор. Не один раз обходил я вагоны, заходил к проводникам в служебные отделения, заглядывал даже к машинисту на паровоз, но усилия мои оказались тщетными: Виктора нигде не было. Однако, выходя на какой-то остановке на платформу и накидывая на себя шинель, я нашел в ее кармане записку: "Не ищи меня, я тут".

Прибыв к месту назначения, мы устроили несколько совещаний, затем началось наше путешествие по уральским городкам и поселкам. Мы передвигались на поездах, на лошадях, на пароходах и, стараясь осмотреть возможно больше рудников, знакомились с участками, лазили по карьерам и отвалам, спускались в шахты, брали на учет годные и негодные машины и подолгу беседовали с тамошними рабочими и служащими. Настроение у них всех было одинаковое: все соскучились по работе, все охотно нам помогали, жаловались на неполадки и ждали помощи от нас.

Пример нам подавал Савин. Тучный старик, точно мальчик, взбегал по уступам открытых разработок и нырял в забой шахт, все ему надо было обязательно увидеть самому, никому из нас не давал он покоя, каждый день он заставлял нас составлять десятки отчетов, описей, актов, крикливо повторяя одну и ту же фразу: "Учтем все ресурсы, разумно используем, и не понадобится нам никакая помощь от иностранцев!"

Но далеко не все шло так, как хотелось Савину. Многие рудники были заброшены, разработка других велась хищническим способом, рудничное оборудование было разворовано, и, самое главное, мы то и дело, к удивлению местных работников, находили затопленные шахты, обвалы и оползни. Никто не знал, когда произошли эти бедствия, ничего о них не было известно, и эти печальные открытия все чаще и чаще портили наше настроение.

— Позвольте, почему же эта затопленная шахта числится у вас исправной? — сплошь да рядом ворчал профессор на местных работников.

— Но мы были здесь месяца четыре назад, и все было в порядке, — оправдывались те.

— Врете — с, врете — с, — ворчал профессор. — Не любите вы свой край, не изучаете его, бумажкам доверяете

Такие открытия нам приходилось делать чуть ли не на каждом большом руднике, и они лишь подтверждали сообщения о тяжелом положении уральской горной промышленности. Что ж, с этим приходилось мириться, как и с естественными последствиями Гражданской войны. Удивительным было другое. Местные работники, казалось бы, обязанные знать состояние рудников в своих районах, выражали не меньшее изумление по поводу этих обвалов, оползней и затоплений, чем мы, впервые приехавшие сюда люди. Странными казались их заверенья в том, что они не знали о происшедших на рудниках бедствиях

Однако не могут же все быть ротозеями, слепцами и обманщиками. Слишком много неожиданностей И тогда я подумал о том, что мы начинаем наступление против капитализма, и враг оказывает нам сопротивление. Наша комиссия была разведкой. Мы должны были донести о состоянии горной промышленности на Урале "Не связаны ли все эти оползни и наводнения, — подумал я, — с приездом комиссии? Не заинтересован ли кто-нибудь в том, чтобы преувеличить трудности восстановления уральских рудников?"

Как следовало мне поступить? Продолжать ездить с Савиным и вместе с ним находить затопленные и разрушенные шахты?

Если бы даже я предположил, что кто-либо из членов комиссии заранее предупреждает кого-то на рудниках о нашем приезде, все равно подготовка обвалов и затоплений требовала времени, и они происходили до нашего появления.

Маршрут поездки был намечен и опубликован в статье Савина, напечатанной в местной газете накануне отправления комиссии по рудникам. В конце поездки комиссия должна была посетить Крутогорск и осмотреть знаменитые крутогорские рудники, одни из самых больших и богатых в крае. Вот я и решил поехать навстречу комиссии, с другого конца. Мое отсутствие вряд ли могло отразиться

на ее работе.

Савин не стал меня задерживать. Он несколько удивился, услышав о моем намерении, но я объяснил, что хочу лучше подготовить круто горские организации к приезду комиссии, и в конце концов профессор меня даже одобрил. Больше того, я даже уговорил его написать небольшую статейку о том, что комиссия разбилась на две группы, решив немедленно заняться подготовкой к осмотру крутогорских рудников, обследование которых имеет решающее значение для выводов комиссии. Статья эта нужна была для того, чтобы поторопить преступников, если такие только существовали, перенести свои действия в Крутогорск.

Отправляясь туда, я решил предупредить Виктора о своем отъезде.

В поезде я его тогда так и не нашел, и когда он неожиданно остановил меня в коридоре гостиницы, я прежде всего поинтересовался, где он от меня прятался. Он хотел было ничего не говорить до возвращения в Москву, но не удержался и признался. У сестры своего приятеля он выпросил платье, и в нем совершил все путешествие в поезде. Оказывается, я раз пять проходил мимо, но мне, конечно, и в голову не пришло, что он переоденется девчонкой.

— Это уж какой — то балаган, — сказал я.

— Однако ты меня не узнал? — обидчиво возразил Виктор.

— Все равно это нелепо и неостроумно, — сказал я. — Я — то не узнал, но десятки людей могли легко уличить тебя в обмане.

Но Виктор упорствовал.

— Однако цель достигнута?

Я действительно был им недоволен, потому что хотя Виктор и сумел провести меня, но в своем маскараде переборщил, казалось мне, и превратил серьезное дело в игру.

Поэтому дальше он следовал за мной в более естественном обличье, иногда подбегая в виде мальчишки, желающего поднести вещи и заработать немного денег, иногда сопутствуя мне на улице в виде случайного прохожего. Раз он остановил меня в темном забое, и я просто не мог понять, как он там очутился, в другой раз днем столкнулся со мной носом к носу на улице, и даже я не сразу узнал его в растрепанном и неряшливом оборванце. Хотя нередко бывало и

так, что я замечал Виктора еще издали, и он всегда злился, когда я сообщал ему об этом. Но, во всяком случае, никто из моих спутников ни разу не заметил, что мы с ним знакомы.

Уезжая в Крутогорск, я пожалел парня. Наблюдая за мной, он ориентировался, конечно, по местонахождению комиссии и теперь легко мог потерять меня из вида, но мне самому не хотелось расставаться с ним.

Поэтому, высмотрев его в толпе на улице, я незаметно проследовал за ним до городского садика и, дождавшись момента, когда он, присев на садовую скамейку, принялся с увлечением наблюдать за игрой каких-то двух старичков в шашки, тихо подошел сзади и, не глядя на него, сказал:

– Сегодня я уезжаю в Крутогорск.

Он вздрогнул от неожиданности, повернулся ко мне и сердито зашипел, смотря мне прямо в лицо:

– А зачем ты мне об этом сообщаем?

Я сделал вид, что ничего не слышу, и равнодушно проследовал дальше.

Через день мы уже находились в Крутогорске.

Старинный небольшой городок раскинулся на обоих берегах медлительной многоводной реки, запруженной плотиной. Здесь было найдено одно из первых месторождений железа на Урале и чуть ли не двести лет назад возник железоделательный завод.

При въезде в город бросаются в глаза старинные здания первых заводских контор и каменных палат прежних заводладельцев, на холмах высятся церкви, тянутся широкие и неровные улицы. У реки виднелись потухшие доменные печи, а еще ниже чернели высокие трубы и закопченные крыши заводских корпусов. Широкий пруд уходил вдаль, а пологие холмы вокруг него тонули в лесах. Только крутых гор не было видно в Крутогорске, и лишь от усталости или спяну могли первые поселенцы дать такое название здешней местности.

В Крутогорске, оживленном торговом пункте, всегда бывало много проезжих, и двухэтажная каменная гостиница отличалась поместительностью и удобствами, в номерах имелись и электрическое освещение, и водопровод, и даже звонки для вызова

коридорных.

Мне отвели чистенький и щеголеватый номерок, но я не собирался в нем прохладиться и прямым ходом отправился на знаменитые крутогорские рудники. Мне хотелось сразу же увидеть, в каком состоянии они находятся.

В рудничном управлении мне удивились, — не так скоро ждали они к себе комиссию, но встретили хорошо. Я выразил желание осмотреть рудники, и один из техников вызвался меня сопровождать. Фамилия его была Губинский. Произвел он на меня впечатление человека серьезного и вежливого, и только глаза у него были какие — то голодные: все смотрит, смотрит, точно хочет что — то попросить и не решается.

В те годы работа на рудниках шла плоховато. Разрабатывались главным образом участки, где руда лежала на поверхности. Большинство шахт было заброшено. Работа, по существу, находилась в руках подрядчиков — богатых кулаков, владевших девятью — десятью лошадьми, снимавших отдельные небольшие участки и от себя уже набиравших рабочих, — обычай, сохранившийся от дореволюционного времени.

Ходим мы с Губинским по руднику, показывает он мне шурфы, карьеры да отвалы, показывает очень обстоятельно, объясняет, как производятся работы, жалуется на затишье.

— Как услышал, что вы прибыли, — говорил он, — так даже вздохнулось легче. Вот, думаю, может, и начнется все по — старому, закипит рудник, пойдет работа по — прежнему. Многие уж отвыкли от рудника

Дня три ходили мы, и с его помощью я действительно все как следует осмотрел, только в нижние штольни не пустил меня Губинский.

— Обвалились они, опасно, — объяснил он. — Еще при Колчаке рухнули.

Впечатление от осмотра сложилось у меня неважное. Работы — непочатый край, все запущено, порядок навести будет нелегко, трудов и денег придется потратить много, но ведь такие дела у нас по всей стране.

Осмотрел я, значит, рудник,
и Нечего мне стало

делать. Живу в гостинице и жду у моря погоды. Думаю — гадаю: случится или не случится какое —нибудь происшествие на руднике. И, признаться, хотелось мне, чтобы случилось.

Виктор на глаза мне не показывался, но мельком я заметил, что он в той же гостинице остановился и особенно прятаться от меня не старается, — надоела ему эта игра, да и мне самому она надоела. Рад бы его позвать, но характер выдерживали оба, и никто из нас не хотел первым нарушить условие, которое заключили перед поездкой.

А тут еще пришло письмо от Савина. Передвигаются они с рудника на рудник, и, точно назло, вместе с моим отъездом кончились всякие неприятные сюрпризы. Ни тебе обвалов, ни затопленных шахт
Настроение у Савина, судя по письму, превосходное, и принялся я упрекать себя в склонности выдумывать лишние страхи там, где их вовсе не существует.

Вот в таком невеселом настроении поужинал я однажды вечером в ресторанчике при гостинице, захожу к себе в номер, зажигаю свет, взял какую —то книжку, лег на кровать и вдруг слышу из — под кровати голос:

— Лежи — лежи, не ворочайся. Смотри в книжку, будто читаешь.

Виктор!

— Довольно тебе дурака валять, — говорю я ему спокойно. — Хватит нам в прятки играть. Точно дети балуемся. Ты бы еще маску пострашнее сделал да ночью пугать бы меня пришел. Вылезай да садись на стул, поговорим по —человечески. А то, смотри, встану да вытащу за уши

— Я тебе говорю — лежи, — отвечает Виктор. — Потерпи минутку. За тобой следят.

— Как так? — спрашиваю и на всякий случай раскрываю книгу и делаю вид, будто ее читаю.

— А так, очень просто, — отвечает Виктор. — Небось и сейчас какой —нибудь дядька против твоих окон торчит и следит за тем, что ты делаешь.

— Ты не ошибаешься? — спрашиваю.

— "Ошибаешься", как же! — бормочет Виктор под кроватью. — Куда ты ни идешь, за тобой обязательно какой-нибудь тип следует. Второй день наблюдаю. Он за тобой, а я за вами. Вчера ты зашел в номер, спустил на окнах занавески, так он чуть носом к стеклу не приплюснулся.

— А где же ты был? — спрашиваю.

— А я во втором этаже помещаюсь. Открыл окно и дышу свежим воздухом

— Какие они из себя? — спрашиваю.

— Да простые такие, по виду рабочие. П(е же мне все узнать!
Боялся тебя оставить. Еще убьют

— Ладно, посмотрю, — говорю. — Пойду пройду по городу. Ты куда выбирайся, а завтра часам к трем прошу на это же место.

— Проверь-проверь, — шепчет Виктор. — Свет погаси, а дверь не запирай, мой ключ что-то не очень к твоей двери подходит

Мне, конечно, и в голову не приходило, что в Крутогорске будут за мной следить!

Вышел на улицу,
пошел Нет, никого не замечаю. Пошел быстрее
Никого! Тогда решил я действовать старым испытанным способом. Пошел потише, чтобы тот, кто за мной следует, отстал, внезапно свернул за угол — и в ближайшие ворота. Слышу — остановился кто-то на углу, а потом мимо ворот пробежал. Выглянул я: какой-то мужчина в ватной куртке. Вышел обратно в переулок, иду вслед за ним. Добежал мужчина до угла, смотрит по сторонам, оборачивается — увидел меня. Растерялся, явно видно. Стоит на месте и смотрит.

— Эй, гражданин! — кричу я ему. — Где тут Емельяновы живут? Заходил в тот дом, говорят — нету.

— Какие Емельяновы? — спрашивает он.

— Как "какие"? — говорю. — Назар Егорыч Емельянов!

— Не слышал, — отвечает мой преследователь. — А вам зачем они?

— Да свататься к его дочери хочу, — говорю, поворачиваюсь и иду обратно

И что бы вы думали! Помедлил он, помедлил и пошел за мной
Действительно, думаю, неопытные, нашли кого посылать!

Пораскинул я тогда мыслями. Коли кто — то мной интересуется, думаю, может, и Губинский не зря ко мне привязался. Ей — богу, думаю, не зря

Выхожу утром из гостиницы — опять за мной какой — то хлюст тащится. Дошли до рудника. У конторы Губинский уже дожидается.

— Куда сегодня? — спрашивает.

Обернулся я — исчез мой спутник. Фигурально выражаясь, передал меня с рук на руки.

— Сейчас надумаем, — отвечаю. — Только сперва минут на пять в рудничный комитет зайдем.

Народ там постоянно толпится. Поговорили мы с людьми, посмеялись, Губинский с кем — то поспорил.

А я отозвал в сторону председателя рудничного комитета и говорю ему вполголоса:

— Даю тебе задание как коммунисту и красному партизану. Сослужи службу, удержи Губинского часа на два. Только деликатно, чтоб комар носу не подточил
Понятно?

— Вот это правильно, — отвечает председатель. — Губинский при отступлении колчаковцев неведомо где недели три пропал. Мы хоть и приняли его обратно в горный отдел, но я сам мало ему доверяю.

Отошел я к Губинскому.

— Пошли, что ли?

— Погоди, Викентьич, — обращается тогда председатель к Губинскому. — Мне с тобой по одному делу надо посоветоваться. Тут ребята насчет расценок волынят. Давай проверим

— Не могу я, — отвечает Губинский. — Меня к товарищу Пронину прикомандировали. Вечером — пожалуйста

— А вы не стесняйтесь, — говорю я. — Я пока в рудничное управление схожу. Там вас и подожду.

— Останешься? — спрашивает председатель Губинского.

— Ладно, — согласился он. — А захотите пройтись куда —нибудь — пошлите за мной, — говорит мне. — Одному —то вам несподручно

Оставил я Губинского в рудничном комитете, ни в какое управление, конечно, не пошел, и скорее к шахтам, тем самым, которые Губинский отсоветовал мне осматривать.

Нашел себе по дороге попутчика — и вниз. Дошли до самых нижних штолен Никаких разрушений! Так Что же за смысл был, думаю, ему врать? Все равно обман откроется. Приедет комиссия, будет осматривать все шахты, и разрушенные, и затопленные Интересно! Теперь только не зевать

Нашел меня Губинский в рудничном управлении.

— Еле освободился, — говорит. — Чуть у наших организаций какая заминка, всегда ко мне обращаются.

— Я все —таки думаю, — говорю ему, — спуститься в нижние штольни, может, можно пройти.

— Что вы! — смеется Губинский. — Клетки не поднимаются, и стремянки в колодцах поломаны. Вот через недельку, к приезду комиссии починим, тогда и спустимся.

“Уговорил” он, конечно, меня, отказался я от своей затеи. Походили мы по открытым разработкам и разошлись по домам.

После обеда прилег я отдохнуть.

— Ты здесь? — спрашиваю.

Парень мой, разумеется, на посту.

— Вот и кончилась наша игра, — говорю. — Теперь, брат, держи ухо востро. Обо мне можешь не беспокоиться, я предупрежу кого следует. А тебе следующее поручение. Последи за всей этой публикой, которая у меня под окнами околачивается и за мной по пятам ходит. Кто они, откуда, где встречаются. Излишнего рвения не проявляй, ни в коем случае не дай заметить, что мы ими интересуемся. А завтра вечером, как стемнеет, жди меня у церкви за телеграфом

Поутру я не без удовольствия привел Губинского в замешательство.

— Ну вот, скоро и расстанемся, — сказал я. — Получил телеграмму. Комиссия решила сократить срок своего пребывания на Урале. Все более или менее ясно. Дня через два, через три приедет в Крутогорск, осмотрит здешние рудники, тем дело и кончим.

Губинский явно почувствовал себя беспокойно. Он задал мне несколько ничего не значащих вопросов, все время порывался уйти и вскоре действительно покинул меня, убедившись, что я полностью поглощен мыслями об устройстве приезжающих товарищей.

Я и в самом деле проявил все то беспокойство, какое полагается обнаруживать в подобных случаях. Предупредил рудничное управление о том, что комиссия собирается ускорить свой приезд, поговорил в гостинице о номерах, зашел к уполномоченному Государственного политического управления Откровенно говоря, только он и был мне нужен. Я договорился с ним о том, чтобы люди были наготове и в любой момент могли произвести операцию.

В запасе у меня оставалось несколько часов. Читая книжки, написанные сотрудниками различных разведок, я всегда с недоверием отношусь к их рассказам о необыкновенной выдержке и спокойствии одних или обостренной нервной чувствительности других. Даже в самых исключительных обстоятельствах люди, как и всякие прочие живые существа, ведут себя естественнее и проще. Разумеется, я нервничал, но пересилил себя и заставил пообедать, заставил заснуть, хотя спал недолго. В сумерках проснулся и, выглянув в окно, увидел на ступеньках гостиничного крыльца

какого — то подозрительного типа, тщетно пытающегося изобразить на своей физиономии полное равнодушие. Я походил по комнате, позевал, бросил на подоконник фуражку, повесил на спинку стула брюки, взбил одеяло так, чтобы казалось, будто на кровати спит человек, и незаметно выскользнул в коридор. Хотя я и не очень верил в предусмотрительность своих противников, но все же допустил возможность того, что и у заднего крыльца дежурит какой — нибудь субъект. Поэтому я прошел в конец коридора, распахнул выходящее в переулок окно и быстро перемахнул через подоконник, прикрыл раму, нырнул во двор стоящего напротив дома и через несколько минут находился вне досягаемости своих надзирателей.

Как и было условлено, я нашел Виктора за церковью. Он сидел на скамеечке у чьей — то высокой могилы, уныло поглядывая на густой дерн.

— Ну как твои успехи? — спросил я, садясь с ним рядом.

— Так себе, — сказал он, чертя каблуком по земле. — Все какие — то подрядчики. Глотов, Кирьяков, Бочин Их там, по — моему, человек пятнадцать. Сыновья их, а может, и работники ихние Чаше всего они у Кирьякова собираются. Приходят, уходят. Прямо штаб там. у них какой — то

— А Губинский бывает?

— Техник, который с вами ходит? Нет, не замечал.

— Сейчас пойдем на рудник, — сказал я. — Я спущусь в шахту, а ты останешься наверху. По моим соображениям, сегодня там обязательно должны быть посетители. Ты по — прежнему не виден и не слышен. Но как только они вылезут обратно, отправишься за ними, узнаешь, куда они пойдут, и вернешься сюда.

Виктор взглянул на меня исподлобья.

— А что с тобой будет?

— Я тоже вернусь сюда. А если до двенадцати не приду, отправишься в наше отделение, спросишь Васильева и расскажешь все, что тебе известно.

— А если я с тобой вниз?

Виктор зацарапал ногтем по скамейке.

— В следующий раз, — сказал я. — Понятно?

Низом, от реки, прошли мы к руднику, миновали уступы карьеров и подошли к той самой шахте, которую рабочие прозвали Богатой и куда особенно не хотел допустить меня Губинский.

— Ну, марш

Я прикоснулся к плечу Виктора, и он послушно отстранился от меня и сразу растаял в ночном, внезапно сгустившемся мраке.

Я ощупал в карманах револьверы, достал электрический фонарик, но зажечь не рискнул. Постепенно освоился Подошел к колодцу. Прислушался. Все тихо Ну, была не была! Пополз вниз по стремянкам Темь. Тишь. Только слышу, как сердце колотится.

Спустился кое—как вниз, чуть отошел в сторону и притаился. Ночь. Будто во всем мире наступила вечная ночь и я остался один. Тихо—тихо. Только из каких—то бесконечных глубин доносятся чьи—то вздохи Страшно ли? Немного. И очень—очень грустно. И такое ощущение, будто время мчится, неудержимо сменяются минуты, часы, сутки. Сердце в груди бьется быстро—быстро, и кажется, точно сам ты несешься стремглав куда—то

Вдруг — шорох, и слабый стук, и слабый свет Пришли! Спускается кто—то в шахту!

Я — не шелохнусь.

Так и есть К Спускаются. Двое. Трое К поясам шахтерские лампы прицеплены. Я еще подальше отполз. Встали они, переговариваются. Лиц не рассмотреть, но слышу по голосам — нет среди них Губинско—го. А я надеялся в шахте встретить его!

— Динамит у тебя где сложен? — спрашивает один.

— Близко, — отвечает другой.

— Сегодня надо перенести, — говорит третий.

Пошли они вниз, и я движусь за ними в отдалении по свету их ламп.

Неужели, думаю, они сегодня шахту взорвать собираются?

И шахту спасти надо, и взять мне их здесь не удастся, в трудное попал положение
Оступлюсь, думаю, загремлю, придушат они меня тут, как мышшь клетью, и пистолет мой не поможет.

А ночные посетители знай себе носят, переносят, устраивают что — то

Тут опять слышу — спрашивает кто — то из них:

— А запаливать кто же будет?

— Завтра Филю пошлем, — отвечает другой

Отлегло у меня от сердца.

Сравнительно недолго возились они в штольнях, быстро управились. Полезли обратно.

“Недолго вам гулять да лазить осталось”, — думаю.

Дал я им время выбраться и еще переждал, чтобы как — нибудь случайно на них не наткнуться, и сам полез, прижимаясь к шершавым и грязным перекладам стремянок.

Очутился на свежем воздухе, вдохнул его полной грудью, и так мне все показалось кругом хорошо: звезды светят, девки где — то вдали песни поют, и даже ночь вовсе не такая темная, как была недавно.

Дошел обратно до церкви. Виктора еще не было. Прибегает запыхавшийся.

— У Кирьякова они, — говорит. — Там что — то много народу собралось. Мужиков восемь.

— Веди — ка меня туда, — говорю.

Повел меня Виктор крутогорскими переулками. Дом Кирьякова почти на окраине стоял, и улица на городскую не походила — широкая, немощеная, как в деревне. За домами поле начинается, а дальше — лес. Дом у Кирьякова одноэтажный, деревянный, но из доброго теса сложен, под железо, с большими окнами, и высоким забором огорожен. В окнах свет горит, во дворе собака брешет.

— Здесь они, — говорит Виктор.

Подтянулся я на руках, взглянул через забор. Собака в глубине двора цепью позвякивает, не спустили ее, посторонние в доме есть. В окно видно, что в комнате за столом люди сидят и закусывают.

Эх, думаю, когда они еще так соберутся? Лови их потом всех порознь по городу

— А ну, — говорю Виктору, — лети к Васильеву. Пускай приезжают, берут. А я покараулю.

Виктор убежал, я на всякий случай к соседнему дому в тень отошел. Стою, заглядываю через забор, нетерпение меня мучает

И вдруг слышу позади себя ласковый голос:

— Интересуетесь нашей жизнью, товарищ Пронин?

Повернулся я: стоит передо мной Губинский и рядом с ним два парня — медведи, а не люди, каждый косая сажень в плечах.

— Да так, — говорю, — загляделся. Гулял по городу. Именины там, что ли?

— Да нет, — говорит Губинский. — Здесь Кирьяков живет. У него всегда люди собираются. Он сказки сказывать любит. А тут еще приезжий один зашел, записать их хочет. Нарочно для этого ездит.
Песнями интересуется,
былями Да вам не угодно
ли зайти?

— В другой раз как —нибудь, — говорю. — Поздно уж.

— Ничего не поздно, — отвечает Губинский. — Хозяин рад будет. Право слово, зайдете.

— Спать хочется, — говорю. — В другой раз.

— Идемте — идемте, — зовет Губинский.

Вижу — не уйти мне от них. Встали парни с боков у меня — не пойду, так поднимут и унесут.

— Если уж вы так настаиваете, — пойдемте, — говорю.

Подшли к калитке. Калитка заперта. Застучал Губинский, как — то не по — простому, с перерывами. Условный стук, конечно.

Выходит кто — то из дома, отодвигает засов, открывает калитку — показывается невысокий человек, немолодой, с бородкой.

— А я к тебе, Павел Федорович, гостя привел, — говорит Губинский. — Сказки твои пришли слушать.

— Что ж, милости просим, — отвечает хозяин. — Гостям всегда рады.

Запер калитку Иду
один в логово к зверю, и не могу не идти.

Заходим в горницу. Под потолком керосиновая лампа висит. За столом люди сидят. Действительно, человек семь или восемь. Лица сытые, одеты прилично. По облику — зажиточные обыватели. Среди них только приезжий этот самый выделяется — и одет по — другому, и лицо интеллигентное. На столе бутылка водки, закуска, но по окружающим незаметно, чтобы они много выпили.

— Вот еще одного гостя привел, товарищ Пронин, — называет меня Губинский.

— Вы уж лучше скажите нам, как вас по имени — отчеству величать? — спрашивает хозяин.

— Иван Николаевич, — говорю.

— Вот и хорошо, — отвечает он. — Будьте как дома, присаживайтесь.

Вижу, рассматривают меня.

— Где это вы так выгваздались? — спрашивает Губинский с

насмешечкой. — Точно где пьяный на земле валялись. Упали, что ли?

— Поскользнулся, — говорю, а самого досада точит, понимаю ведь, что он надо мной издевается, сдерживаю себя.

Поздоровался я со всеми за руку, как полагается, сел. Наливают мне в рюмку водки, пододвигают студень.

— Спасибо, — говорю. — Напрасно беспокоитесь.

— Благодарить после будете, — говорит хозяин. — Кушайте.

— А ты продолжай, продолжай, Павел Федорович, — говорит Губинский. — Мы ведь для того и зашли, чтобы тебя послушать.

— В таком разе я спервоначалу скажу, — говорит Кирьяков. — Другие не посетуют. А то Ивану Николаевичу неинтересно будет.

Все идет мирно и приятно. Придвигаю тарелку со студнем, накладываю хрена из стакана, беру ломоть хлеба
Что — то дальше будет?

— Я тут один уральский сказ сказываю, — обращается ко мне Кирьяков. — В старину еще наши мастеровые сложили. О том, как черт с кузнецом местами меняться задумали. Вот начнет кузнец работать в кузнице, наломает себе бока за четырнадцать часов, постоит у огня, перемажется весь черной сажей, и впрямь на черта станет походить. Ну а потом куда кузнецу деваться, кроме как в кабак? Кто тогда не пил, — тогда каждый пил. Придет кузнец в кабак, напьется в долг пьяным и начнет буянить. Тут его кабатчик за шиворот да на улицу: "Проваливай, черт грязный!" А сам лишнюю полтину в книжку за кузнецом запишет. Пойдет кузнец домой. Болит у него сердце, на всех серчает и кроет почему зря приказчиков, хозяина, кабатчика, одним словом, всех чертей, которые у него из жил кровь тянут. Много побасок про эту жизнь сложено, а говорить их боялись. Не ровен час, услышит гад какой и донесет приказчику. Вот одну из них я и сказываю

Сидят все, слушают. Едой так, между прочим, занимаются. Я тоже ковыряю свой студень и к соседям приглядываюсь. Все — здоровые мужики и хитрые, должно быть, подрядчики или десятники. Рассматриваю их и сам соображаю: дошел Виктор или еще не дошел.

А Кирьяков продолжает рассказывать: — Вот раз вытолкнули кузнеца из кабака: "Иди, чертяка страхолюдный!" Пошел кузнец по улице, идет и думает: "Хоть я и не черт, а с удовольствием согласился бы стать чертом и в аду жить. Пускай черт на моем месте поживет, узнает, как здесь сладко". А черт — известно, черт. О нем скажешь, а он тут как тут. Услыхал, как кузнец чертыхается, и думает: "Постой, друг, ты, видать, не знаешь моего житья, вот поведу я тебя в ад, будешь помнить". Приходит черт к кузнецу и говорит: "Здорово, кузнец, давно я тебя хотел видеть". Спрашивает его кузнец: "А ты кто такой?" Черт покрутил хвостиком, подмигнул глазом и говорит: "Не узнаешь, что ли? Ты же со мной местами меняться хочешь. Вот я черт и есть". Кузнецу что — черт так черт. Не любил кузнец словами зря бросаться и говорит: "Давай меняться. Я к тебе в ад пойду, а ты ко мне в кузницу. У тебя лучше". Черт и говорит: "Ты в аду не бывал, смерти не видал, потому так и говоришь". Одним словом, черт свое, а кузнец свое. Тут черт осерчал на кузнеца за то, что тот ему перечит, и поволок в ад показывать, как мученики да грешники жарятся в смоляных котлах

Тем временем я продолжаю рассматривать своих соседей по столу, приглядываюсь к ним и запоминаю. С одного на другого глаза перевожу, и только приезжего этого не удастся рассмотреть. Сидит он в тени и низко — низко склонил лицо над записной книжечкой — все пишет, сказку, должно быть, записывает. Долго он так сидел, но вижу я, что чувствует он на себе мой взгляд. Поднял голову Не стану хвастаться, мерзко стало у меня на душе, будто сам я в смоляном котле очутился. Узнал я его. В девятнадцатом году знал как учителя из — под Пскова, в двадцатом году принял за красноармейца с заставы Неужели, думаю, обманет он меня и на этот раз? Где же, думаю, наши? Чего они медлят?..

А Кирьяков все рассказывает:

— Пришли в ад, повел черт кузнеца по геенне огненной, показывает все, а сам думает, что кузнец устрашится и назад запросится. А кузнец идет и хоть бы что ему, как дома себя чувствует. "Кому ад, а мне рай", — говорит. Ходили они, ходили, черт и спрашивает кузнеца: "Ну как, страшно? Видишь, как грешники в смоле кипят?" Осерчал кузнец и говорит черту: "Иди ты к своей чертовой матери, не морочь мне голову. Вот я тебе покажу настоящий ад. Идем обратно на

Делаю я вид, что слушаю сказку, а сам совсем об ином думаю, и удивительно мне теперь, как я эту сказку на всю жизнь запомнил. Смотрю на своего знакомца и вижу — узнал он меня. Не только узнал, но и понимает, что я его тоже узнал. Смотрим мы друг на друга, точно ждем чего-то, и думаю я — кто первый из нас не выдержит.

— А что, — вдруг прерывает он хозяина, — конец этой сказке нескоро?

— Почему "нескоро"? — отвечает хозяин. — Близко конец. Самую малость досказать осталось. Потацил кузнец черта в кузницу. Пришли, идут, а в кузнице ночь черная от пыли да от сажи. Сто горнов горят, четыреста молотов стучат. Рабочие ходят, рожи у них, как полагается: нет кожи на роже. Кузнец впереди, черт позади. Тут начали железо из горна доставать и мастеру на лопате подавать. У черта искры из глаз посыпались, он уже и дышать не может. А тут еще беда: увидал хозяин кузнеца и закричал: "Ты что, черт, без дела расхаживаешь, морду побью!" Испугался черт, спрашивает кузнеца: "Что это он?" Покосился кузнец на черта. "Морды всем бить хочет, и тебе побьет", — говорит

Слышу я — стоит кто-то позади меня, дышит в затылок
Неужели, думаю, заметили что-нибудь? Неужели наши не могут подойти тихо? А сам смотрю на Кирьякова

— Собрался черт уходить. Кузнец и говорит ему: "Куда ты? Ты хоть погляди, как хозяин с нами расправляется, поучись с грешниками в аду обращаться". Но черт от страха говорить разучился, крутнул хвостиком, только его и видели.

Взглянул Кирьяков на меня — глаза у самого смеются, пригладил ладонью бороду, слегка кивнул и сказал:

— Вот вам и конец.

И тут же на меня обрушилось что-то тяжелое, перед моими глазами точно встал лиловый туман, и показалось мне, что у меня раскалывается голова

Нет, не показалось мне это, а на самом деле произошло. Очнулся я спустя неделю в больнице. Оказалось, ударили меня по голове поленом. Удивительно,

как выжил.

Вызвали ко мне Виктора.

— Что было? — спрашиваю.

— Услышали, что мы подъезжаем, вот и хлопнули тебя, — рассказал Виктор. — Двое пытались отстреливаться, да увидели, что нас — отряд, и тоже сдались.

— А шахта?

— С утра все облазили. Сколько они динамита туда нанесли! Теперь все в порядке. Рудничное управление собирается в шахтах работы возобновить.

— Все взяты?

— Конечно, все. Их тут целая банда оказалась.

— Особенно смотрите за Роджерсом.

— За каким Роджерсом? — спрашивает Виктор.

— Как "за каким"? — говорю. — У Кирьякова, кроме местных жителей, находился еще приезжий?

— Был там один, — говорит Виктор. — Какой-то научный работник. Всякие песни да сказки собирает. Так он как кур во щи попал. Зашел к Кирьякову сказки послушать, а тут такая история. Его, конечно, тоже задержали, но документы у него оказались в порядке, сам он страшно возмутился, потребовал, чтобы относительно его послали в Москву телеграмму, и в ответ сам Базаров телеграфировал: немедленно освободить.

— Ну?

— Ну его и
отпустили

Даром что я был болен, а хотел встать и бежать. В третий раз ушел! Был в руках и ушел

В общем, наша комиссия поехала, и враги наши тоже послали

свою комиссию. Весь Урал объездил Роджерс под видом собирателя фольклора, вербуя и инструктируя вредителей и диверсантов, а попутно принимая все меры к тому, чтобы ухудшить и без того тяжелое состояние горной промышленности и тем самым побудить Советское правительство сдать уральские рудники в концессию.

Когда стало известно, под какой личиной он ездил, нетрудно было проследить, где бывал и с кем встречался этот фольклорист. Целые гнезда бывших промышленников и торговцев, кулаков и колчаковцев удалось тогда выловить.

О самом Роджерсе сейчас же сообщили в Москву, но он успел уже удрать за границу. Один иностранец—коммерсант, весьма похожий на Роджерса, заявил об утере паспорта, — правда, подозрительно поздно заявил, когда тот успел перемахнуть с его паспортом через рубеж. Тут уж ничего нельзя было поделать.

Базаров тогда был вне подозрений — его разоблачили много позже и в связи с другими событиями, и рассказывать об этом надо особо.

А что касается концессий — партия большевиков дала решительный отпор всем, кто предлагал сдать в концессию иностранным капиталистам важнейшие отрасли нашей промышленности. Мы сами навели порядок на уральских рудниках и построили там десятки новых шахт и заводов.

Рассказы о майоре Пронине

Куры Дуси Царевой

Виктор только что закончил следствие по делу о гибели нескольких советских работников в одной из национальных республик, подготовленной врагами Советской власти. Об этом деле Виктор не любил вспоминать. Не то чтобы оно было очень сложное, но целый ряд тяжелых обстоятельств не вызывал у Виктора охоты лишний раз перебирать подробности

Сдав отчет и доложив о результатах поездки, Виктор направился к Пронину, но не застал его в кабинете.

— А где Иван Николаевич? — спросил Виктор.

— Дома, — ответили ему. — Взял на неделю отпуск и просил не беспокоить.

Виктор позвонил Пронину домой, но к телефону подошла Агаша, домашняя работница Пронина и самая верная хранительница его покоя.

— Это я, тетя Агаша, — сказал Виктор. — Здравствуй!

— Здравствуй — здравствуй, — отозвалась Агаша.

— Иван Николаевич занят? — поинтересовался Виктор.

— Книжки читает, — миролюбиво ответила Агаша, и по ее тону Виктор догадался, что Пронин все эти дни сидел дома и Агаша полностью могла проявлять свои опекунские наклонности, большей частью пропадавшие втуне.

— Ну так я сейчас приеду, — сказал Виктор и поехал к Пронину.

В комнате все находилось на знакомых местах, стол, как обычно, был пуст, на нем не было ничего, кроме маленького гипсового бюста Пушкина. Стену сзади письменного стола закрывала карта страны, возле двери висела потемневшая от времени гитара, подарок Ольги Васильевой, цыганской певицы, спасенной некогда Прониним, у окна стояла тахта, на которую спускался дорогой текинский ковер, украшенный старинными саблей и пистолетами, среди них терялся невзрачный короткий кривой кинжал — единственное напоминание о давнем деле, едва не стоившем жизни самому Пронину.

Сам хозяин лежал на тахте, а вокруг него — и на тахте, и на подоконнике, и на придвинутом стуле — валялись десятки книжек и брошюр, и, судя по расстегнутому вороту гимнастерки и ночным туфлям, Иван Николаевич был всерьез увлечен чтением.

— Долго, брат, пропадал, — добродушно упрекнул он Виктора, не вставая ему навстречу. — Чаю хочешь?

— Судите сами, Иван Николаевич, — пожаловался тот. — Вокруг небольшого дела навертели столько

Питомец Пронина чуть ли не с тринадцати лет, Виктор прежде говорил с ним на "ты", но выросши и начав работать под

руководством Пронина, обязанный по службе обращаться к нему на "вы", Виктор невольно усвоил эту манеру обращения, — так теперь всегда они и разговаривали друг с другом: Пронин на "ты", а Виктор на "вы".

— Слышал—слышал о твоих подвигах, — остановил его Иван Николаевич. — Даром что на диване лежу, а о твоих похождениях осведомлен. Ты мне лучше скажи, какие насекомые паразитируют на домашней птице?

Виктор наклонился к разбросанным повсюду брошюркам. "Птицеводство", "Промышленное птицеводство", "Устройство инкубаторов", "Куры и уход за ними", "Уход за домашней птицей", "Куриные глисты и борьба с ними" — прочел он названия нескольких книжек.

— Агаша, чаю! — весело закричал Иван Николаевич и хитро прищурился. — А известно ли тебе, Виктор Петрович, чем отличаются плимутроки от род-айландов? Какая температура поддерживается в инкубаторах? Чем надо кормить вылупившихся цыплят?

Агаша внесла стаканы с чаем, и хотя Пронин собирался отпраздновать десятилетний юбилей пребывания Агаша на служебном посту и знал всю ее подноготную, он никогда не говорил в ее присутствии о делах. Агаша знала об этом и давно уже перестала обижаться за это на хозяина. Она расставила на столе варенье, печенье, закуски, вопросительно взглянула на Пронина и не без колебаний достала коньяк, — она так и не могла понять — работает Пронин, сидя все эти дни дома, или отдыхает, а Пронин, любитель коньяка, во время работы не позволял себе прикоснуться к рюмке.

Агаша вышла. Пронин придвинул к Виктору стакан с чаем.

— Налить? — спросил Виктор, берясь за бутылку.

— Себе, — сказал Пронин. — Мы непьющие. — Он достал из письменного стола стопку ученических тетрадок и положил их перед Виктором. — Любишься.

— Ничего не понимаю, — с досадой сказал Виктор, перелистав тетрадки. — Куры, куры, куриные сердца, куриные желудки. Зачем это вам понадобилось?

— Вся разница в том, — наставительно объяснил Пронин, —

что обычно любой гражданин, для того чтобы стать в какой—либо отрасли специалистом, должен проучиться года три—четыре, а то и больше, а чекист должен уметь стать специалистом в неделю

Конечно, — усмехнулся Пронин, — такому недельному врачу я бы не посоветовал браться за лечение людей, но в обществе других врачей он должен вести себя так, чтобы те не могли заподозрить в нем сапожника.

— Значит

— В течение недели я намерен стать сносным орнитологом.

Виктор задумчиво помешивал ложечкой в стакане

В продолжение двух десятков лет он не переставал удивляться работоспособности и прилежанию этого человека, не учившегося ни в одном учебном заведении. Надо было обладать способностью Пронина, чтобы за короткий срок так ознакомиться с изучаемым предметом, чтобы потом вызывать специалистов на споры и подчас выходить из этих споров победителем.

— Так какие же это куры заставили вас заняться орнитологией, если это не секрет? — спросил Виктор.

— Для тебя не секрет, тем более что тебе придется помочь мне разобраться во всей этой куриной истории, — сказал Пронин. — Не знаю, известно тебе или неизвестно, но неподалеку от — он назвал один из городов Центральной России, — находится крупный птицеводческий совхоз. Были там, конечно, и недостатки, и пробелы в работе, но в общем числился он на хорошем счету. И вдруг громадное стадо кур погибает в течение нескольких часов. Злокачественная куриная холера! В чем дело, отчего, откуда — никто не знает. Установили карантин, изолировали заразный птичник и как будто локализовали опасность. Проходит неделя, и вдруг опять та же история: другого стада кур как не бывало. Проходит еще неделя, все спокойно, и вдруг опять какая—то невидимая рука опустошает птичник. Куриная холера, говорят специалисты. Но откуда? Откуда, черт побери! Управление птицеводством отнеслось к этому довольно спокойно — ничего не поделаешь, эпидемия, торговли, мол, без усушки не бывает. Ну а мы подумали—подумали, да и решили, что не мешает этим делом заинтересоваться. Сейчас бактериологи производят много опытов в поисках средств для борьбы с эпидемиями. Но ведь наши враги могут заняться и экспериментами обратного порядка? Одним словом, профилактика не помешает. Поэтому в совхоз выедет еще

одинследователь

—
оследователь

И

этот

— Сидит, как видишь, перед тобой.

— Да, чем только нашему брату не приходится
заниматься — Виктор
вздыхнул. — Когда думаете двинуться?

Иван Николаевич взглянул на книжки.

— Вот дочитаю
через три, пожалуй. Дня

— Ну а что придется делать мне? — спросил Виктор и кивнул
на брошюры. — Тоже читать все это?

— А ты не огорчайся так, — Пронин усмехнулся. — Я, знаешь,
даже увлекся

Но тут беседу их прервала Агаша.

— Иван Николаевич, спрашивают вас, — сказала она, входя в
комнату. — Пакет со службы. Говорят,
срочный

Пронин вышел в переднюю, расписался в получении пакета и
вернулся обратно. Он не спеша распечатал конверт, вытряхнул на
скатерть телеграфный бланк, прочел бумажку. Брови его сдвинулись,
глаза потемнели, и он медленно протянул листок Виктору. Это была
телеграмма из совхоза. Текст ее был краток: "Вчера умерла
признаках отравления мышьяком птичница совхоза Царева начато
следствие".

— Да — задумчиво
протянул Иван Николаевич, не глядя больше на свои книжки. — Не
придется, видно, дочитывать мне эту беллетристику. Выеду в совхоз
сегодня.

Пронин вышел из поезда. На перроне было солнечно и
пустынно. Приземистое кирпичное здание станции утопало в зелени.
Начальник станции, стоявший в конце платформы, быстро проводил
поезд, и не успел еще поезд скрыться за поворотом, как Пронин
услышал попискивание каких-то пичужек, шелест листвы,

производимый слабым летним ветерком, и прерывистые хриплые выкрики петуха, должно быть, нечаянно вспугнутого, и сразу ощутил, что находится в деревне. Он прошел через станционную залу. Там было прохладно и скучно. Несколько женщин сидели на деревянных скамьях и, прикорнув друг к другу, сонно ожидали прихода местного поезда. Пронин вышел на вымощенную площадь. Четыре повозки стояли возле забора. Разнузданные лошади, привязанные к изгороди, лениво жевали сено, охапками положенное прямо на землю. Возчики собрались у крайней повозки и попыхивали папиросками.

— Здравствуйте, товарищи, — сказал Пронин, подходя к ним.
— Попутчика мне не найдется?

— А вы откуда? — спросил его низенький паренек, с любопытством рассматривая приезжего.

Пронин и на самом деле выглядел необычно возле этой побуревшей станции и пыльных телег. В добротном костюме, мягкой фетровой шляпе, с перекинутым через руку пальто, особенно бросающимся в глаза благодаря вывороченной наружу блестящей шелковой подкладке, с небольшим чемоданом в другой руке, он казался здесь чуть ли не иностранцем.

— А я из Москвы —
сказал Пронин. — Мне — в птицеводческий совхоз, знаете?

И так как ему никто ничего не ответил, он добавил:

— Совхозов — то тут у вас вообще много?

— Совхозов — то? — переспросил все тот же низенький паренек.
— Есть тут совхозы — И замолчал, так и не договорив фразы.

— А вы, собственно, туда зачем? — спросил пожилой крестьянин с рыжей бородкой.

— А я из Москвы, — повторил Пронин. — Обследовать. Я заплачу, конечно, — добавил он поспешно. — В обиде не останетесь.

— Да ведь там карантин, — сказал паренек.

— Не слышали? — спросил другой паренек, повыше, с лиловым мундштуком в зубах. — Или по этому самому делу и едете?

— По этому самому и еду. — Пронин усмехнулся. — Так как же?

— Вы, что же, врач будете? — спросил крестьянин с рыжей бородкой.

— Да, — признался Пронин. — Вроде. Но везти его все дружно отказались.

— Отвезти отвезешь, а там возьмут и задержат в совхозе, — объяснил паренек с лиловым мундштуком. — Попадешь в карантин, нескоро вырвешься

Пришлось Пронину идти в совхоз пешком. Пылила укатанная проселочная дорога, легким слоем оседала пыль на коричневые ботинки, по сторонам зеленели овсы, и Пронин напоминал дачника, случайно попавшего в поле.

Да он и на самом деле чувствовал себя легко и покойно и искренне наслаждался случайной этой прогулкой.

Когда позволяли обстоятельства, Пронин умел забывать о делах и полностью отдаваться отдыху, чтобы с еще большей энергией и ясностью снова приниматься за работу.

Он пришел в совхоз засветло. Легкая изгородь, огораживавшая со всех сторон службы, дома и огороды совхоза, была вынесена далеко в поле. Издалека виднелись выбеленные постройки, бросаясь в глаза много раньше, чем сероватые избы соседней деревни, вереницей разбросанные на рыжем пригорке.

У низких ворот, сбитых из длинных жердей, Пронина остановил старик сторож, не по сезону обутый в серые валенки.

— Куда идешь, мил человек? В совхозе карантин, а на деревню стороной надо

И Пронину пришлось долго убеждать сторожа, покуда тот согласился его пропустить, хотя карантин был весьма условный, — стоило отойти в сторону, и можно было без спросу в любом месте легко перелезть через изгородь.

Тянулись инкубаторы и птичники, почти черным казался в лучах заката кирпичный холодильник, поодаль находились сарай, склады, коровники и конюшни, а еще дальше стояли жилые дома

рабочих и служащих. По пути Пронину встречались рабочие и работницы, подростки и дети, и все они с любопытством рассматривали необычного посетителя.

Он миновал огороженные загоны, где гуляли тысячи квохчущих кур, спустился к пруду, обсаженному корявыми ветлами, и по земляной насыпи поднялся к бревенчатому двухэтажному флигелю, в котором помещались и контора, и квартира директора. Пронин нашел директора в конторе. Звали его Коваленко; это был усталый и, должно быть, резкий человек со строгими голубыми глазами, одетый в зеленую выцветшую гимнастерку. Вместе со счетоводом и зоотехником он занят был составлением отчета о расходовании кормов.

Узнав, что Пронин приехал из Москвы, Коваленко принялся рассказывать о мерах, принятых в совхозе для борьбы с инфекцией, спрашивать советов, и даже предложил собрать работников совхоза на совещание. Но Пронин отклонил это. Он решил уподобиться самому заурядному обследователю и заявил, что прежде всего хочет ознакомиться с анкетами рабочих и служащих. Так поступали почти все обследователи. Чтение анкет результатов давало немного, и директор сразу разочаровался в приезде. Совхоз нуждался в помощи опытного птицевода, а вместо него приехал присяжный канцелярист, меньше всего интересующийся птицей. С самого начала Пронин повел себя как неопытный следователь, впервые дорвавшийся до дела, и придирчивыми своими вопросами и недомолвками сумел быстро испортить настроение и директору, и счетоводу, и зоотехнику.

Пронин долго оставался в канцелярии вдвоем с Коваленко. Смерклось. Директор сам зажег большую и яркую лампу – молнию, висевшую под потолком. Они сидели за узким столом, друг против друга, и Пронин изводил Коваленко, задавая ему докучливые и мелочные вопросы. За директором несколько раз приходили, звали по делам, спрашивали распоряжений, но Пронин не отпускал его, и Коваленко томился, не решаясь прервать беседу.

Не один раз приходилось Коваленко выслушивать подозрение, высказанное и следователем, и санитарным инспектором о том, что в совхоз пробрался враг, который и отравил кур. Были люди, которые прямо обвиняли в этом Цареву, покончившую, как они говорили, с собой из – за боязни разоблачения. Но Коваленко отвергал эти предположения. Он хорошо знал работников совхоза и не верил, что кто –нибудь из них мог совершить подобный поступок. Куры в окрестностях не болели, инфекция была занесена случайно. Единственное, что вначале допускал Коваленко, так это самоубийство

Царевой: старательная работница не простила себе оплошности, виновницей которой могла себя посчитать

Все то, что Пронин еще в Москве узнал о Коваленко, заставляло исключить его из числа тех, кто мог иметь причастность к преступлению. Красногвардеец, дравшийся и с красновцами, и с деникинцами, хороший коммунист, болеющий за порученное ему дело Жизненный путь Коваленко был прям и ясен. Но Пронин не пренебрегал лишней проверкой, хотя отлично видел, что Коваленко, разговаривая, с трудом подавляет раздражение.

Лишь после двухчасовой беседы с Коваленко Пронин признался, наконец, кто он такой.

— Фу—ты, черт! — облегченно воскликнул директор совхоза, явно польщенный оказанным ему доверием. — А я уж было ругаться с вами собрался

Как и многие бактериологи, с которыми тем временем встречался Виктор в Москве, Пронин допускал предположение, что птицу мог заразить какой—нибудь кулацкий последыш, из мести готовый пакостить и вредить, где только представится случай. Поэтому он внимательно расспрашивал Коваленко о всех, кто работал в совхозе, и особенно подробно о Царевой.

— Видите ли, — сказал Коваленко, — меня обязали не говорить об этом, но к вам, я думаю, запрещение не относится. Вскрытие показало, что у Царевой было холерное заболевание. Азиатская холера и холера куриная — вещи разные. Люди от кур не заражаются, и мы не связываем эти явления. Но факт остается фактом. Панику мы разводить не хотим. Конечно, приняты все меры. Исследованы источники, колодцы Нигде ничего. Других заболеваний тоже нет. Квартира, где жила Царева, опечатана. Прошло три дня. Опасности как будто нет, и решили зря людей не тревожить. Внешние признаки при отравлении мышьяком и холере схожи, — продолжал он, — и конечно, никому в голову не пришла мысль о холере. Девушки тут у нас сразу решили, что Царева отравилась. Люди, знаете, падки на такие выдумки

— У меня к вам серьезная просьба, — обратился Пронин к

директору. — Я прошу вас всюду рассказывать о неотразимом впечатлении, какое я на вас произвел. “Этот докопается, почему отравилась Царева”, — должны говорить вы. “От этого ничто не скроется”, — говорите всем, кого только ни встретите, и одновременно оповестите, что я прошу зайти ко мне всех, кто может хоть что —нибудь сообщить мне о Царевой.

Виктору казалось, что он зря выполняет поручение Пронина, что Пронин ошибся и никакого преступления вообще не произошло, — передохли куры и передохли, с кого —то за это взыщут, и все этим кончится. Но Виктор знал: что бы там сам он ни думал, если ему дано поручение, оно должно быть выполнено точно и добросовестно.

А Пронин поручил Виктору поискать среди бактериологов таких ученых, которые специально занимались изучением инфекционных болезней домашней птицы, чьими опытами мог воспользоваться преступник

И Виктор ездил по Москве от бактериолога к бактериологу. Назвавшись работником совхоза, он каждому из них рассказывал об эпидемии, поразившей кур в совхозе, задавал однообразные вопросы и выслушивал однообразные объяснения.

Первый же бактериолог, к которому Виктор явился, прочел ему подробную лекцию об эпидемиях, поражающих домашних птиц, и посоветовал немедленно обратиться в местное ветеринарное управление. Такой же разговор повторился у второго бактериолога, у третьего, и только свойственная Виктору дисциплинированность заставляла его точно выполнять задание Пронина и ездить от ученого к ученому с одними и теми же вопросами.

Так, путешествуя по Москве, Виктор добрался до профессора Полторацкого, старого ученого и опытного педагога, вырастившего не одно поколение научных работников.

Виктора провели в лабораторию. Большая комната была тесно заставлена высокими белыми столами с бесчисленными банками, колбами, пробирками и мензурками и все —таки казалась просторной и светлой, — такое впечатление создавало изобилие хрупкой и прозрачной стеклянной посуды.

Полторацкий, румяный старик с седой бородой, в своем халате больше похожий на повара, чем на ученого, стоял возле спиртовой горелки и подогревал колбу с бесцветной жидкостью, а вокруг него толпились студенты, — восемь человек, быстро сосчитал Виктор, — и с интересом слушали наставника.

— Ну—с, батенька, зачем вы ко мне пожаловали? — спросил профессор посетителя тем небрежным, покровительственным тоном, каким разговаривают все старые профессора со своими юными студентами.

— Мне необходимо с вами посоветоваться, — сказал Виктор. — Мы нуждаемся в вашей консультации

— А вы поступайте ко мне в ученики — Профессор засмеялся. — Обучим, и не понадобятся никакие консультации — Он отставил колбу, задул спиртовку и разлил жидкость из колбы по мензуркам. — А теперь, товарищи, — обратился он к студентам, — попробуйте оживить этот бульон, и тот, кому раньше всех это удастся

Не договорил и прикрикнул:

— Беритесь за микроскопы!

Подошел к Виктору.

— Что ж, давайте поговорим, — сел на табуретку и указал на другую посетителю.

Педантично и монотонно Виктор вновь изложил историю заболевания кур и вновь повторил все те же вопросы, заранее зная ответы, которые должны были последовать.

Но, к удивлению Виктора, профессор задумался и, точно что—то вспомнив, оживился и сам принялся расспрашивать посетителя.

— Куриная холера, говорите, так—так, — приговаривал ученый. — Любопытно. Каких—нибудь два—три часа, и все куры лежат вверх лапами Откуда могла быть занесена инфекция? Это не так интересно. Какой—нибудь голубь, случайность

Несущественно! Гораздо интереснее быстрое течение болезни. Вы не ошиблись: это действительно холера, а не какое—нибудь отравление? — Он вскочил с табуретки и позвал студентов. — Молодые люди, идите — ка сюда Товарищ

рассказывает об очень интересном случае молниеносной холеры — Он как будто даже радовался. — Три стада кур точно корова языком слизнула. Обыкновенно холера протекает менее интенсивно

Виктор не понимал возбуждения профессора, но уже одно то, что он не получил стандартных ответов на стандартные вопросы, заставило его самого оживиться и с интересом слушать старика.

— Лет пятнадцать назад под моим руководством работал доктор Бурцев, — продолжал профессор, усаживаясь опять на табуретку. — Это был талантливый и многообещающий бактериолог. Потом он отдался от меня, начал работать самостоятельно, но я продолжал интересоваться его опытами. Лет семь или восемь назад Да, лет восемь назад Бурцев принялся экспериментировать с бактериями азиатской холеры и холероподобных заболеваний. Экспериментировал он, разумеется, на кроликах, на курах. Потом перешел на одних кур и добился удивительных результатов. Болезнь протекала необыкновенно интенсивно. Зараженная курица околевала у него в течение часа! Бурцев утверждал, что он создаст такую антихолерную сыворотку, которая будет воскрешать умирающих — Профессор помолчал. — Но Бурцев погиб. — Ученый даже не нахмурился, он просто излагал один из многих эпизодов из истории медицины. — В лаборатории Бурцева произошел трагический случай: ассистентка и два лаборанта, работавшие вместе с Бурцевым, внезапно заболели и погибли. Небрежность? Вероятно. Чья? Неизвестно. Нервы Бурцева не выдержали испытания, а может быть, он побоялся ответственности, — и он покончил с собой, утопился.

Виктор и студенты с любопытством слушали ученого. Профессор взял со стола какую-то пробирку, задумчиво посмотрел на свет, поставил обратно. По-видимому, он припоминал все, что знал об опытах Бурцева.

— Видите ли, — точно оправдываясь, сказал Полторацкий, — у всех нас тысячи своих забот, никто не продолжал работу Бурцева. Его записки и тетради, в которых регистрировались опыты, остались у жены. Они заключали в себе гипотезы. Ничего точного, ничего определенного

Тут профессор опять встал и, стуча ребром ладони по столу,

строго сказал:

— Но если нечто подобное произошло не только в лаборатории, мы обязаны обратить на это внимание. Надо еще раз пересмотреть бумаги Бурцева и, возможно — Он вопросительно посмотрел на Виктора. — Угодно вам сегодня вечером вместе со мной посетить вдову доктора Бурцева?

Подруги Царевой пришли в контору стайкой. Застенчиво подталкивая друг друга, они нерешительно остановились у порога. Это были здоровые и смешливые девушки, которых чуть смущала только встреча с незнакомцем да серьезность причины, из-за которой их вызвали. Пронин подумал, что Царева, должно быть, походила на своих подруг. Он пошутил над их застенчивостью, и девушки усмехнулись, — им, конечно, жаль было подругу, но они были молоды и не расположены к продолжительной грусти, да и грустить долго просто было некогда.

Пронин потолковал с ними о работе, о песнях, о разных разностях, незаметно заговорил о Царевой, расспрашивал: какая она была, чем интересовалась, с кем ссорилась, с кем гуляла

Одна девушка вспоминала одно, другая другое, если кто —нибудь что —либо запомнил или ошибался, другие напоминали или поправляли, и Пронин легко узнал о Царевой все, что можно было о ней узнать.

Дуся Царева родилась в соседней деревне, родители ее давно умерли, брат служил на заводе в Ростове, сама она вот уже четыре года работала в совхозе птичницей. Она считалась хорошей работницей, была ударницей, и в прошлом году ее даже премировали отрезом шелка на платье. Но ей не хотелось оставаться птичницей и поэтому замуж она не выходила, а собиралась уехать в город учиться — или в фельдшерскую школу, или в ветеринарный техникум. В селе Липецком, находящемся от совхоза в пяти верстах, в школе — семилетке открылись вечерние курсы для взрослых, и зимой Дуся ходила туда заниматься, ходила она еще на деревню к фельдшеру, он помогал ей готовиться к поступлению в школу. Ходила Царева вместе со своей подругой Жуковой, но весной Жукова бросила заниматься, а Дуся занималась с фельдшером до самой смерти.

— Может, это она от любви к фельдшеру отравилась? — внезапно спросил Пронин.

Но девушки не смогли даже сдержать смешка.

— Что вы! Он совсем
старый

Разговор с девушками подтверждал представление о Царевой, которое создал себе Пронин, но мысль о преступлении становилась все более шаткой.

Со своей стороны, Коваленко сделал все, чтобы лучше выполнить поручение Пронина, и с утра к приезжому потянулись посетители.

Все сходились на том, что девушка, видно, сильно растерялась, посчитала себя виноватой и хлебнула с горя отравы. Один огородник Силантьев, придя в контору и тщательно затворив за собой дверь, шепотом высказал предположение, что отраву мог подсыпать Алешка Коршунов, который давно и понапрасну ухаживал за девушкой. Силантьева можно было успокоить сразу, сказав, что Царева умерла не от мышьяка, но Пронин вызвал к себе и Коршунова, хотя разговаривал с ним менее строго, чем с другими, потому что, глядя на его покрасневшие и вспухшие от слез глаза, Пронину всерьез стало жаль парня.

Без особого труда создал Пронин у большинства своих собеседников впечатление о необыкновенной своей проницательности, и разговоры о том пошли и по совхозу, и по деревне, где жили и куда ходили обедать многие рабочие совхоза.

Пронину хотелось осмотреть птичники, побывать в деревне, побеседовать с фельдшером, но он упорно не уходил из конторы, поджидая новых посетителей, и охотно беседовал с каждым, хотя некоторые являлись главным образом из любопытства.

Часов около четырех в контору вошел плотный мужчина лет сорока с обветренным худым лицом, с желтыми щеками, поросшими рыжеватой щетиной, с ершистыми темными бровями, из-под которых смотрели умные серые глаза, одетый в дешевый синий костюмчик и сандалии на босу ногу.

— Фельдшер Горохов, — представился вошедший. — Разрешите?

— Вот и отлично! — обрадовался Пронин. — А я как раз собирался вечером к вам

— О Царевой хотели говорить? — спросил Горохов. — Жаль ее, очень жаль, хорошая была девушка. Но ведь вы, вероятно, знаете о результатах вскрытия

— Знаю, — сказал Пронин. — Но я хотел вообще поговорить

— Это, конечно, правильно, что запретили говорить об истинной причине смерти, зря тревожить население не стоит, — сказал Горохов. — Но все у нас делают и недоделывают. Цареву похоронили, а в квартире дезинфекцию не произвели. Я к вам, собственно, по этому поводу и пришел. Правда, больше у нас ни одного подозрительного желудочного заболевания нет, и все — таки — неосмотрительность. Дезинфекцию произвести недолго, а на душе станет покойнее

Горохов долго толковал с Прониным, рассказывал о совхозе, о своей практике, о том, как трудно работать в деревне без врача, и ушел домой, только получив от Пронина обещание добиться у следователя разрешения произвести дезинфекцию.

Ранним утром на полуторатонке, принадлежащей совхозу, Пронин поехал в Липецкое, где находился районный центр, встретился с местным следователем и вместе с ним вернулся в совхоз.

Следователь снял печати и открыл комнату, в которой жила Царева. Пронину захотелось самому осмотреть ее.

Он пробыл там часа два, и следователь, ожидая москвича на крыльце, посмеивался про себя, убежденный в беспечности этого обыска.

После осмотра они распорядились послать за Гороховым, и фельдшер не замедлил явиться, притащив с собой целую бутылку с формалином.

Втроем они составили опись имущества Царевой, подробно перечислив платья, платки, наволочки, бусы, тетрадки и книжки, письма брата, коробку с пудрой, все вещи, все пустые флаконы из — под духов и одеколona, стоявшие для красоты на тумбочке, — словом, сосчитали и уложили все, вплоть до шпилек и металлических кнопок.

Затем директор прислал в помощь фельдшеру двух работниц — мыть все и чистить, а Пронин и следователь ушли гулять в поле.

Вскоре комната Царевой заблестела чистотой и так запахла формалином, что у всякого зашедшего туда начинала кружиться голова. Вещи Царевой были упакованы и связаны, их взвалили на грузовик, и исследователь попросил Горохова поехать с ним в Липецкое, чтобы там оформить акт об изъятии вещей и дезинфекции квартиры. Пронин, позевывая, с ними распрощался, но, к удивлению Коваленко, не пошел в канцелярию, где ему была приготовлена постель, а заявил, что хочет перед сном побродить еще в окрестностях.

Вернулся Пронин в совхоз только на заре. Коваленко слышал из своей комнаты, как его гость осторожно поднимался на крыльцо, но спать он так, должно быть, и не ложился. Не успел утром грузовик въехать во двор совхоза, как Пронин, бодрый и веселый, вышел из дома, поздоровался с вышедшим вслед за ним Коваленко, взял у Горохова копию акта, присланного следователем, мимоходом сказал, что картина всего происшедшего в совхозе ему совершенно ясна, объявил, что ему пора возвращаться в Москву, и попросил отвезти его на станцию.

По широкой, неряшливо подметенной лестнице старого пятиэтажного дома Полторацкий и Виктор поднялись на четвертый этаж, нашли в списке жильцов, наклеенном возле звонка, имя Елизаветы Васильевны Бурцевой и согласно указанию позвонили три раза.

Дверь им открыла сама Елизавета Васильевна, женщина лет сорока, рано начавшая стариться, с болезненным бледным лицом, с реденькими, начавшими уже сесть волосами, заплетенными в косички, по старой моде закрученными над ушами. В полутемной передней она не сразу узнала Полторацкого, сухо спросила, что ему нужно, а когда он себя назвал, краска смущения залила вдруг ее щеки, она заволновалась и торопливо стала приглашать и Полторацкого, и Виктора пройти в комнаты.

Они вошли в обычную московскую комнату, служившую одновременно и столовой, и гостиной, и спальней, заставленную сборной мебелью, где резной дубовый буфет и обитая потертым бархатом кушеточка стояли тесно прижавшись друг к другу, точно в мебельном магазине.

— Нехорошо! Нехорошо, Елизавета Васильевна, забывать старых знакомых, — шуточно сказал Полторацкий, с побряхтываньем присаживаясь к обеденному столу. — Я-то ведь еще помню, как Алексей Семенович упрекал вас в том, что вы ко мне неравнодушны

Зря,

видно. — Он взглянул на Виктора. — А это

— Железнов, — назвал себя Виктор.

— Тоже занимается бактериологией, — добавил профессор подумав.

— Что вы, Яков Захарович, я вам очень рада, — сказала Бурцева, смущаясь еще больше.

— Ну как вы? Как живете? — полюбопытствовал профессор.

Минут пять расспрашивал он Елизавету Васильевну о ее жизни.

После смерти мужа Бурцева изучила стенографию, служила на крупном машиностроительном заводе, жила вместе со старшей сестрой — та занималась хозяйством

— А мы к вам по делу, — внезапно сказал Полторацкий, прервав расспросы. — Помните, у Алексея Семеновича были всякие там тетради, записи опытов и прочее. Сохранились они у вас?

— Алешины записки? — переспросила Елизавета Васильевна и покраснела еще сильнее. — Как могли вы подумать, что я их — сказала она с упреком и не договорила. — Как лежало все в столе у Алеши, так и лежит.

— А вы не сердитесь на меня, — смущаясь, сказал профессор. — Я сам все свои бумаги потерял

Он сердито посмотрел на Виктора — виновника и этого разговора, и того, что профессору приходилось врать, и решительно сказал:

— Тут у нас некоторые опыты думают повторить. С какой же стати пропадать трудам Алексея Семеновича. Так вот, — попросил он, — не одолжите ли вы мне эти записки на некоторое время?

— Отчего же, — просто согласилась Елизавета Васильевна. — Мне не жалко

Она вышла в соседнюю комнату, и слышно было, как вполголоса переговаривалась с сестрой, потом зазвенели ключи, слышно было, как выдвигаются ящики, и вдруг Елизавета Васильевна негромко вскрикнула и заговорила с сестрой тревожнее и громче

Растерянная, вышла она к гостям, следом за ней показалась в дверях и ее сестра.

— Я не понимаю, Яков Захарович — сказала Бурцева запинаясь. — Ящики стола, где лежали рукописи Алеши, пусты И Оля говорит — к ним не прикасалась. Никто из нас несколько лет не заглядывал в стол

Профессор растерянно взглянул на Виктора. Тот встал.

— Вы, может быть, разрешите нам взглянуть? — спросил он.

— Да—да, — поспешно сказала Бурцева. — Я сама хотела вас просить. Прямо что—то непонятное

Вместе вошли они во вторую комнату. Ящики письменного стола были выдвинуты — в них лежали какие—то книги и письма, раковины, высохший серый краб, но два ящика были пусты. Виктор осмотрел их — стенки покрывал легчайший налет пыли, осмотрел замок — замок был в порядке — никаких следов.

Забывая о своей роли спутника Полторацкого, Виктор принялся расспрашивать женщин, но те, встревоженные и растерянные, сами спешили высказать все свои догадки и предположения.

Большую часть времени они проводят дома. Утром Елизавета Васильевна уезжает на службу, а Ольга Васильевна выходит только за покупками. Иногда они вдвоем бывают в кино. Уходя из квартиры, комнаты всегда запирают. Изредка приходят гости. Обокрасть их никто не пытался. Ничего особенного они не замечали

Виктор все допытывался: кто бы мог находиться в комнатах в их отсутствие. Наконец, Ольга Васильевна вспомнила: полотер. Но он

натирает у них полы в течение семи лет, и за ним никогда ничего не замечали. Был месяцев шесть назад водопроводчик, вспомнила еще Ольга Васильевна, прочищал батареи центрального отопления

Больше ничего нельзя было добиться. Обе женщины, испуганные таинственным происшествием, вот-вот готовы были расплакаться. Виктор и Полторацкий с трудом их успокоили.

— Небось сами запрятали куда-нибудь, а теперь ахают. Бабья память! — сердито сказал профессор, спускаясь по лестнице, и вздохнул. — Одним словом, неудача.

— Как знать! — не удержался Виктор. — Знаете: нет худа без добра.

— Ну конечно! — внезапно рассердился профессор. — Вам интересно искать, а мне иметь.

— Но ведь, для того чтобы иметь, надо искать? — возразил Виктор. Профессор не ответил. Виктор вежливо проводил его до автомобиля, подсадил, а сам остался на тротуаре.

— А вы? — спросил профессор.

— А я задержусь, — сказал Виктор.

— Так вы заходите, — сказал профессор.

— Обязательно, — сказал Виктор.

Он все-таки решил навестить и полотера, адрес которого дала ему Бурцева, и водопроводчика, адрес которого надо было взять у дворника или управляющего домом.

Управляющего Виктор отыскал быстро.

— Где живет ваш водопроводчик? — спросил он.

— А мы приглашаем из соседнего дома, — сказал управляющий.
— Вам он, собственно, для чего?

— По поводу отопления, — сказал Виктор. — По поводу чистки батарей.

Управляющий смутился, — он принял Виктора за какого-то

контролера.

— При чем же тут водопроводчик? — обидчиво забормотал управляющий. — Года нет как прочищали, да и денег не хватает. Вот осенью опять будем прочищать

— А полгода назад разве не прочищали? — строго спросил Виктор.

— Зачем же полгода, когда я говорю — год, — обидчиво возразил управляющий. — Я же объясняю: не было средств.

— А в отдельных квартирах чистку производили? — спросил Виктор.

— С какой же стати предоставлять отдельным гражданам преимущества? — задиристо возразил управляющий. — Да отопление у нас не так уж засорено

Виктор все-таки сходил к водопроводчику, и тот в свою очередь заверил Виктора, что в девятнадцатой квартире он не бывал и к гражданке Бурцевой ни по какому делу не заходил.

Тогда Виктор побежал обратно к Бурцевой.

— Я вас прошу, — обратился он к женщинам, — припомните: как выглядел водопроводчик?

Как это часто случается, сестры плохо запомнили его наружность. Ольга Васильевна утверждала, что он блондин и красавец, а Елизавете Васильевне, видевшей водопроводчика мельком, показался он темноволосым и неприятным. Обе они сходились лишь на том, что был он высокий и моложавый.

— Да-а, — задумчиво протянул Виктор. — Во всяком случае, это другой водопроводчик. Здешний — маленький и пьяненький.

Он вернулся домой и задумался: ехать ли ему к Пронину или искать загадочного водопроводчика. Но найти в Москве человека, о котором известно только лишь то, что он высок и моложав, почти невозможно, и Виктор решил ехать к Пронину в совхоз. Но в это время в дверь постучали, и в комнату вошел сам Пронин.

— Вас-то мне и надо! — облегченно воскликнул Виктор,

увидев Пронина. — А я уж было к вам собирался

Пронин потрепал Виктора по руке и попросил:

— Чаю.

— Понимаете ли, нашел что-то, — продолжал Виктор. — И вдруг — провал

— Я тебя не узнаю, — вторично остановил его Пронин. — У тебя просят чаю, а ты вместо гостеприимства

Виктор с сердцем стал молча накрывать на стол. Включил электрический чайник, расставил посуду

— Есть хотите? — отрывисто спросил он Пронина.

— Нет, не хочу, — спокойно ответил тот, будто не замечая недовольства Виктора.

Пронин терпеливо дождался чаю, отхлебнул несколько глотков и только тогда обратился к Виктору:

— Ну а теперь рассказывай.

Виктор, все еще продолжая сердиться, рассказал о своих беседах с бактериологами, о посещении Полторацкого и исчезнувших бумагах, сухо передавая только одни факты.

— Вот видишь, как тут все туманно, — сказал Пронин. — Тебя следовало остудить, иначе ты засыпал бы меня предположениями. Я же видел, что ты захлебываешься словами. А сейчас ты следил за собой и передавал только действительно необходимое.

— Опять урок! — воскликнул Виктор, и досадуя, и остывая. — Губит меня характер!

Пронин усмехнулся.

— Это не характер, а возраст. Вот поживешь с мое — Он вдруг быстро взглянул на Виктора. — А был ли вообще водопроводчик? Может быть, дамочки просто не захотели дать бумаги? Вынули сами и

показали пустые ящики?

— А пыль?

— Разве что пыль. А может быть, они раньше их куда — никуда дели?

Виктор отрицательно покачал головой.

— Нет, водопроводчик был. Другие жильцы его тоже видели.

— Ладно. Но почему водопроводчик и есть похититель?

— Но ведь это был не водопроводчик?

— И что же ты предпринял, чтобы его найти? Виктор пожал плечами.

— Я нуждаюсь в вашем совете. Пронин улыбнулся.

— А что же я тут могу посоветовать? Виктор с досадой махнул рукой.

— Найти — то ведь нужно?

— Давай лучше делать то, что в наших силах, — назидательно сказал Пронин. — Мы ведь с тобой не Шерлоки Холмсы, и нам недостаточно найти на лестнице волосок, чтобы по его цвету определить внешность и характер преступника. Да и преступники что — то не всегда заботятся о том, чтобы оставлять улики. — Он достал из бокового кармана аккуратно свернутый носовой платок, осторожно его развернул и указал на ампулу, наполненную бесцветной жидкостью. — У меня для тебя несколько поручений. Во — первых, ты поедешь по магазинам лабораторного оборудования и в одном из них приобретешь сотню таких ампул. Затем отправишься в бактериологическую лабораторию и дашь исследовать содержимое этой ампулы. Утром ты привезешь ко мне на квартиру анализ и ампулы, а в течение дня соберешь сведения о всех сотрудиниках, которые работали вместе с Бурцевым в последние два — три года перед его смертью, и вечером я уеду обратно.

И, нагрузив своего помощника всеми этими поручениями, Пронин отправился домой, лег спать, и только приход Виктора разбудил Ивана Николаевича. Он взял анализ, просмотрел его и удовлетворенно стал что — то насвистывать, — анализ, видимо, ему понравился, потом взял сверток с ампулами, внимательно его

осмотрел и принялся насвистывать еще оживленнее.

— Все отлично, — похвалил он Виктора.

И поторопил:

— За тобой еще одно дело. Возвращайся не позже семи.

Но Виктор вернулся много раньше.

— У Бурцева была очень маленькая лаборатория, — виновато доложил он, чувствуя, что не такого ответа ждет от него Пронин. — Вместе с Бурцевым работали всего — навсего ассистентка и два лаборанта — бывший фельдшер и какая — то малограмотная сиделка. На всякий случай я собрал о них анкетные данные, но все они погибли и похоронены

Виктор передал листок со своими пометками Пронину.

— Жаль, — озадаченно протянул Пронин. — Я рассчитывал, что сотрудников у Бурцева было значительно больше. — Он помолчал, просмотрел заметки Виктора и задумался. — Ну ничего, решим как —нибудь и эту загадку, — утешил он своего помощника. — Сегодня, кажется, неплохой футбольный матч. Поезд отходит только в девять, а так как сейчас нет еще четырех, не отправиться ли нам на футбол?

Пронина встретили в совхозе как старого знакомого, да и сам он на этот раз держался проще.

Он встретился с Коваленко во дворе около конюшен, и директор, еще издали завидев приезжего, заулыбался ему, а подойдя, многозначительно спросил:

— Ну как?

Но так как к разговору их прислушивались обитатели совхоза, Пронин ответил совсем неопределенно:

— Ничего. Съездил, доложил. Осталось выполнить кое — какие формальности. На том, видимо, и кончим.

Позднее он попросил Коваленко послать кого —нибудь за следователем, и следователь, получив коротенькую записку Пронина, тут же собрался в совхоз, и поэтому за ужином у Коваленко сидели двое гостей.

— Придется вам завтра утром опять вызвать Горохова, — сказал Пронин следователю, когда они остались после ужина наедине. — Поговорите еще раз о Царевой, составьте еще какой-нибудь протокол. Задержите фельдшера часа на три, необходимых мне для одной дополнительной проверки.

— Неужели вы думаете, что Горохов имел хоть какую-нибудь причастность к заражению этой птицы? — недоверчиво спросил следователь. — Почти десять лет, говорят, он безвыездно здесь живет, все отлично его знают. Нет, ваши предположения кажутся мне маловероятными

— Там будет видно, — уклончиво сказал Пронин. — Но вас я пока что попрошу выполнить мое поручение.

— Хорошо, допустим, вы правы, — возразил опять следователь. — Но не сможет ли тогда это излишнее внимание спугнуть преступника?

— Нет, — уверенно сказал Пронин. — Если он не преступник, ему и пугаться нечего, а если и преступник, тоже не испугается. Мне кажется, он не слишком высокого мнения о наших с вами способностях. Так и быть уж, признаюсь вам заранее: если предположения мои окажутся верными, он захочет исчезнуть лишь после того, как я сам скажу ему одну невинную на первый взгляд фразу

Следователь не спал всю ночь, пытаясь разгадать мысли Пронина, но так ничего и не придумал, и поэтому решил, что предположения Пронина покоятся на очень зыбкой почве. Однако утром он вызвал Горохова и принялся уточнять различные подробности, касающиеся Царевой. Фельдшер пришел хмурым, жалуясь на обилие работы, потом разговорился, повеселел и с легкой снисходительностью сам принялся подсказывать следователю всякие вопросы.

Пронин же ушел из совхоза до появления фельдшера и пошел в деревню не по дороге, где мог встретиться с Гороховым, а тенистой низинкой, по мокрой от росы траве. Подойдя к деревне, он поднялся на взгорье, дошел до фельдшерского пункта, заглянул в амбулаторию. Там санитарка Маруся Ермолаева, степенная молодая женщина, утешала плачущую старуху, у которой нарывал палец.

— Кузьма Петрович у себя? — спросил Пронин.

— В совхоз ушел, — сказала Маруся.

— Ну так я на улице подожду, — сказал Пронин, вышел на крыльцо и через сени прошел в комнату Горохова.

Пробыл он там недолго, вернулся в амбулаторию, поговорил с Марусей о работе, о больных, о всяких обследованиях и ревизиях, о самом Горохове и ушел, так и не дождавшись фельдшера.

Когда Пронин вернулся в совхоз, следовательно все еще беседовал с Гороховым.

— А я к вам ходил, товарищ Горохов, — приветливо сказал Пронин, входя в комнату. — Здравствуйте.

— Очень приятно, — вежливо ответил Горохов, в свой черед улыбаясь Пронину. — Опередили вас, сюда позвали. Впрочем, если вам что угодно, я готов

— Да нет уж, все ясно, — весело сказал Пронин. — Пора кончать. Как это говорится: закруглять дело?

— Что ж, я очень рад, — сказал Горохов. — Признаться, оно и мне, и всем надоело.

— Разумеется, — согласился Пронин. — Мы и решили на месте здесь все покончить. Завтра к вечеру придет профессор Полторацкий, составим окончательное заключение

— Это еще какой Полторацкий? — спросил следователь.

— А известный бактериолог, — пояснил Пронин. — Мы там у себя в Москве посоветовались и решили осветить наше заключение авторитетом крупного специалиста. Вернее будет.

— Это очень справедливо, — сказал Горохов. — Профессор — это уж, конечно, высший авторитет.

— Вот я к вам потому и ходил, — обратился к нему Пронин. — Вы уж подготовьтесь к беседе с профессором. Кто знает, какие подробности интересуют его, а вы среди нас как — никак единственный медик.

— С великим удовольствием, — сказал Горохов.

Они еще поговорили втроем, потом следователь отпустил

Горохова, тот вежливо пожал им руки, тихо притворил за собой дверь, и Пронин и следователь долго еще смотрели в окно на фельдшера, неторопливо пересекающего просторный двор совхоза.

— Ну как? — спросил следователь, оставшись с Прониным наедине. — Подтвердилась ваша гипотеза?

— Почти, — сказал Пронин. — Будем надеяться, что сегодня ночью он постарается исчезнуть из деревни.

— Это что же, профессор Полторацкий так его напугал? — догадался следователь.

— Вот именно, — подтвердил Пронин.

— Но что же здесь будет делать профессор? — заинтересовался следователь.

— А профессора сюда никто и не приглашал, — сказал Пронин. — Это имя употреблено вместо лакмусовой бумажки.

— Однако реакции я что-то не заметил, — сказал следователь.

— Будем надеяться, — повторил Пронин, — что она произойдет нынешней ночью.

— Но вы говорите, он исчезнет? — встревожился следователь. — Быть может, вы собираетесь ему сопутствовать?

— Вот именно, — сказал Пронин. — А вас я попрошу завтра произвести в квартире Горохова тщательный обыск и о результатах его немедленно сообщить в Москву.

— Хорошо, — сказал следователь и опять не удержался от вопроса. — Скажите, а вам известно, куда он собирается скрыться?

— Почти.

Пронин усмехнулся и попросил:

— Вы уж больше не допрашивайте меня. Пока это все еще только предположения, и они легко могут быть опровергнуты. Потерпим еще немного.

Весь день Пронин удивлял следователя своим легкомыслием: он гулял, купался, вел с ребятами совершенно бесцельные и пустые

разговоры, рассказывал им диковинные истории о разведении карасей, учил делать удочки, ходил с Коваленко осматривать птичники, расхваливал золотистых род – айландов и рано лег спать.

Ночевали Пронин и следователь в одной комнате, и следователь, ни на секунду не забывая мрачное предсказание Пронина об исчезновении преступника, с недоумением убедился в том, что Пронин заснул и спит безмятежным детским сном. Следователь спал плохо и проснулся раньше Пронина, а тот встал бодрым и довольным, умылся, позавтракал, попросил Коваленко одолжить ему на часок машину и затем сердечно с ним распрощался.

– Поедьте, – пригласил он следователя. – Завезу вас по дороге в деревню, да и себя на всякий случай проверю.

Было еще очень рано. Деревня только просыпалась. Над трубами вились седые дымки. Они подъехали к деревенской амбулатории. Пронин соскочил на землю, легко взбежал на крыльцо и застучал в дверь. Никто не отзывался. Из – за угла вышла Маруся с ведром воды.

– Долго спите! – крикнул ей Пронин.

– А Кузьма Петрович уехал! – тоже крикнула в ответ ему Маруся. – Его срочно вызвали в здравотдел! Он еще затемно ушел к поезду!

– Видите?! – воскликнул Пронин, обращаясь к следователю. – Принимайтесь за работу. Жду известий. – Он пожал следователю руку. – А я на станцию.

Но до станции Пронин не доехал. Отпустив шофера неподалеку от вокзала, он пешком пошел к дому, в котором жил начальник станции. Жена начальника ждала мужа к чаю, но тот все не шел, и Пронин попросил сходить за ним, а когда начальник явился и они поговорили, между квартирой начальника и вокзалом началось необычное движение. Начальник сходил в кассу, вернулся, снова ушел, потом к Пронину явился телеграфист, и Пронин, по – видимому, остался всем очень доволен. Когда же подошел поезд на Москву и Пронин пошел садиться, то сел он в свой вагон не со стороны платформы, откуда садятся все пассажиры, а с другой стороны, и в течение всего пути беспечно играл с попутчиками по купе в преферанс и отсыпался.

Лишь минут за десять до прихода поезда в Москву вышел он в тамбур вагона и, не успев поезд остановиться, смешался с толпой

людей, снующих на перроне большого московского вокзала. Не отрываясь следил Пронин за одним из вагонов и облегченно вздохнул, когда в дверях его показался Горохов, одетый в серое потрепанное пальто, с помятой фуражкой на голове и брезентовым старомодным саквояжем в руке.

Горохов прищурился от яркого света, недовольно осмотрелся, не спеша сошел по ступенькам и тоже смешался с потоком людей, устремившихся к выходу. Шагах в двадцати позади него следовал Пронин, ни на мгновение не теряя его из виду. Горохов двигался в общем потоке, как — то напряженно глядя вперед. При выходе с перрона, где контролеры отбирали у пассажиров железнодорожные билеты, толпа стиснулась, Горохов тоже на мгновение задержался и вытолкнулся за ограду

Пронин вышел за ограду и закусил от досады губу. Он быстро оглянулся, но того, чего он искал, найти уже было нельзя. Горохов по — прежнему неторопливо шел к выходу, но саквояжа в руке у него уже не было.

Пронину не нужно было тратить время на размышления: его перехитрили, это было очевидно, и тут же на ходу ему приходилось менять весь план действий.

Пронин прибавил шагу и нагнал Горохова.

— Товарищ Горохов! — окликнул он его. — Добрый день!

— Ах, это вы, товарищ Пронин? — сказал Горохов с легким удивлением, оборачиваясь к Пронину, и Пронин почувствовал, с каким облегчением произнес Горохов эти слова. — Разве вы тоже ехали в этом поезде? Как же это я вас не заметил?

— Случается, — сказал Пронин и быстро спросил: — А где же ваш саквояж?

— Боже мой! — воскликнул Горохов спохватываясь. — Как же это я не заметил
Украли!
Хотя там и пустяки

Пронин осторожно взял его за руку.

— Я хочу вас попросить заехать со мной в одно учреждение.

— В Управление птицеводством? — с легкой усмешечкой спросил Горохов.

— По соседству, — добродушно ответил Пронин. — Пойдемте.

Они вышли на площадь. Виктор ждал Пронина в машине. Доехали до комендатуры. Пронин шепотом отдал Виктору какое-то распоряжение, и тот уехал на этой же машине. Затем Пронин распорядился, чтобы Горохову выдали пропуск, и сам повел его к себе в кабинет.

— Садитесь, — сказал Пронин, указывая Горохову на кресло и сядя за письменный стол. — Давайте побеседуем. Может быть, вы расскажете мне еще раз все, что известно вам о гибели кур?

Горохов сердито посмотрел на Пронина.

— Я ничего не знаю, — вежливо сказал он. — Я ни в чем не виноват.

— Ну что ж, — сказал Пронин, — тогда я сам вам кое-что расскажу.

Он вызвал по телефону стенографистку. Она пришла, поздоровалась с Прониным и села в стороне за маленький столик. Все молчали, и Пронин не нарушал молчания, точно чего-то ожидал.

Действительно, вскоре зазвонил телефон, и Пронин коротко сказал:

— Можно.

Дверь открылась без предупреждения, и в сопровождении Виктора в кабинет вошла женщина лет сорока, с болезненным бледным лицом, с реденькими, начавшими уже сесть волосами, заплетенными в косички, по старой моде закрученными над ушами.

— Елизавета Васильевич Бурцева, — громко назвал ее Пронин, хотя сам видел ее впервые.

Бурцева растерянно улыбнулась, смущенно обвела всех взглядом, остановила свой взгляд на Горохове, и точно тень мелькнула по ее лицу.

— Алеша, Алеша! — закричала она внезапно и вдруг пошатнулась и, не поддержи ее Виктор, вероятно, упала бы на пол.

Горохов приподнялся было с кресла и тотчас опустился.

— Алеша, где же ты находился все эти годы? — тихо спросила Елизавета Васильевна.

Горохов молчал.

— Что ж, расскажите вашей жене о своей жизни, — строго сказал Пронин.

— Я жил в деревне
— неуверенно пробормотал Горохов. — Ты меня прости,
Лиза Но я не мог. Я жил
в деревне и не мог

— И ни разу
разу — с горечью
проговорила Елизавета Васильевна. Ни

Потом резко повернулась к Пронину и глухо спросила:

— Что же вам от меня нужно?

— Нам нужно было только узнать, ваш ли это муж, — объяснил Пронин. — Но вы можете с ним поговорить.

Елизавета Васильевна не посмотрела больше на мужа.

— Нам не о чем
говорить — сказала она, с
заметным усилием сдерживая себя. — Этот человек
сам сам пожелал умереть
для меня восемь лет назад
И если вам нужно что-нибудь от меня, вызовите меня в
отсутствие Когда его
здесь не будет.

— Слушаюсь, — мягко сказал Пронин. — Вы извините нас,
но

Он вежливо проводил Елизавету Васильевну до двери и
вернулся к столу.

— Ну а теперь, — сказал Пронин, — давайте, доктор Бурцев,
поговорим начистоту.

– Итак, – сказал Пронин, – мы можем поговорить.

– Нам не о чем говорить, – отрывисто сказал Бурцев, пытаясь даже улыбнуться, но губы его задрожали.

– К сожалению, есть, и я советую вам набраться мужества и быть правдивым, – настойчиво произнес Пронин.

– Нам не о чем говорить, и говорить я не буду, – резко повторил Бурцев и отвернулся от Пронина.

– Значит, придется говорить мне, – произнес тогда Пронин. – Ладно, будьте слушателем, хоть вы и осведомленнее меня, а там, где я ошибусь, вы сможете меня поправить. Восемь лет назад молодой ученый Бурцев занялся изучением возбудителей азиатской холеры и холероподобных заболеваний. Неизвестно, пытался ли он найти совершенное средство против холеры, но в изучении этих заболеваний он достиг больших успехов, нашел способ ускорять размножение бактерий, ускорять течение болезни, вызывать молниеносную холеру

Об опытах Бурцева стало известно в кругах ученых, сообщения о них появились даже в специальных иностранных журналах. Тогда одно специальное ведомство крупной капиталистической державы тоже заинтересовалось

Бурцева О нет, не в целях спасения жизни тысячам своих подданных, умирающим от этой болезни, а именно как средством уничтожения людей

Лабораторию Бурцева посетили несколько иностранных ученых и любознательных туристов. В их числе находилось и лицо, которое было послано ведомством с определенной целью. Бурцев продолжал опыты. Неизвестно, спровоцировали ли Бурцева или он сам рискнул перенести опыты на людей, но погибли три ближайших его сотрудника

– Это ваша выдумка, – глухо прервал Бурцев рассказ, глядя на свои ботинки. – Это неправда.

– Может быть, вы будете продолжать сами? – спросил его Пронин.

– Нет, – упрямо сказал Бурцев. – Я буду слушать.

– Возможно, что я ошибся, – продолжал Пронин. – Произошла несчастная случайность. Но сотрудники погибли, и

Бурцев испугался ответственности, а быть может, кто-то нарочно постарался запугать его этой ответственностью

Вольным или невольным, но виновником смерти своих сотрудников был Бурцев, и, чувствуя за собой вину, он решил исчезнуть — и от ответственности, и от лица, которое его этой ответственностью запугивало. Он присвоил себе документы своего умершего лаборанта, фельдшера по образованию, инсценировал самоубийство, и через некоторое время в провинции возродился фельдшер Горохов

В течение нескольких лет никто Бурцева не беспокоил, и сам он, по-видимому, был удовлетворен своим скромным положением

Увы, некоторые государства усиленно готовились к войне и в этой подготовке не брезговали никакими средствами. Все то же иностранное ведомство вспомнило и о докторе Бурцеве. Отыскать его было нетрудно, так как ведомству были известны обстоятельства, связанные с его

исчезновением

И вот в один прекрасный день фельдшерский пункт посетил инспектор здравоотдела, оказавшийся тем самым лицом, которое посещало уже однажды Бурцева. Как известно, Бурцев не отличался смелостью и полностью находился во власти

Бактериологу Бурцеву приказали заняться изготовлением холерной вакцины. Надо думать, Бурцев пытался отказаться. Ему пригрозили разоблачением. Бурцев попытался увильнуть и сослался на отсутствие рукописей и дневников. Рукописи были похищены и вскоре же доставлены в деревню вместе с незамысловатым оборудованием походной лаборатории. Бурцев подчинился и возобновил прежние опыты. Действие вакцины необходимо было проверять на практике. Экспериментировать с несколькими курами у себя дома Бурцев не мог, — в проверке нуждалось не действие вакцины на отдельные живые существа, а именно возможность массового распространения инфекции. Для этого он решил использовать Дусю Цареву

Вероятно, Бурцев неплохо относился к девушке, занимался с нею, поощрял ее желание учиться

Сама Дуся, разумеется, испытывала к Горохову большое уважение, впрочем, как и все, кому приходилось сталкиваться с этим образованным и умным фельдшером. Дуся верила Горохову, а тот доверял девушке. Он обманул ее и уговорил подмешать в птичнике к воде вакцину

Обманул, потому что нет оснований допустить, что Дуся Царева могла согласиться причинить какой-нибудь вред совхозу. Вероятно, он сказал ей нечто вроде того, что изобрел средство для усиления роста птицы или что —

нибудь в этом роде Куры погибли. Испуганная и взволнованная девушка пришла к фельдшеру. Бурцеву нетрудно было притвориться таким же огорченным, как Дуся, и он убедил ее испробовать свое средство еще раз. Куры опять погибли, и на этот раз Дуся, вероятно, говорила с Гороховым более решительно. Бурцев что-то плел ей, доказывал, убеждал. Но, по-видимому, или куры дошли недостаточно быстро, или вакцина нуждалась еще в какой-то проверке, — во всяком случае Бурцев принудил девушку отравить воду в третий раз. После опыта Дуся решила сознаться в своем преступлении и сказала о своем решении Горохову. Тогда новый опыт он произвел над самой Дусей. Способ для этого найти было нетрудно. Когда в совхозе началось следствие, фельдшер Горохов находился совсем в стороне. Он только издали присматривался к происходящему, убежденный в том, что ему не грозит никакая опасность. Не вызвал у него опасений и приезд ревизора из Москвы. Бурцев сумел сдержаться даже тогда, когда услышал о приезде Полторацкого, хотя встреча с Полторацким означала его разоблачение. Он решил бежать в Москву, сдать изготовленную вакцину и потребовать, чтобы его оставили в покое. Со станции он послал телеграмму, извещавшую о выезде, — к сожалению, адрес его корреспондента остался нам неизвестен, телеграмма была отправлена до востребования, — и на вокзале в Москве передал вакцину лицу, ожидавшему Бурцева на перроне.

Пронин поднял и переставил тяжелое пресс-папье, точно поставил заключительную точку.

— Не так ли? — спросил он Бурцева.

— Так, — подтвердил тот, голос его прервался, и он попросил: — Дайте мне воды

— Виктор, — распорядился Пронин, — будь любезен

Виктор налил в стакан воду и поставил перед Бурцевым, но тот не прикоснулся к воде, точно сразу забыл о своем желании.

— А теперь вы нам скажете, — произнес Пронин, — кто был этот человек.

— Я никого не знаю, — ответил Бурцев. — Оставьте меня в покое.

— Но Гороховым вы были, вакцину приготавливали, Цареву убили, — это же факты? — спросил Пронин.

— Я признаюсь во всем, — равнодушно сказал Бурцев. — Я производил преступные опыты, я отравил кур. Но мне никто ничего не поручал. Саквояж у меня украли.

Пронин усмехнулся.

— Я ручаюсь вам, — сказал он, — что с вашей помощью вор отыщется

Он не договорил и, опрокинув вазу с карандашами, перегнулся через стол. Но Бурцев еще быстрее успел поднести руку ко рту, что-то проглотить и отхлебнуть из стакана воды. В следующее мгновение Пронин уже вышиб стакан из рук Бурцева

— Врача! — закричал он Виктору. — Какая глупость

Он схватил Бурцева за руки.

— Отпустите, — сказал Бурцев. — Ведь я тоже врач

— Кто? Кто вас встречал на вокзале? — закричал Пронин

Но Бурцев ничего не ответил. Глаза его стали какими-то стеклянными, и он безвольно поник в руках у Пронина

Вечером, дома у Пронина, он и Виктор подробно разбирали все обстоятельства дела Бурцева Виктор задавал вопросы, и Пронин отвечал.

— Когда мне стало известно об эпидемии, поразившей в совхозе птицу, я склонен был считать эпидемию, случайностью. Куры погибли от случайно занесенной инфекции, подумал я, и дело администрации найти, виновника и строго взыскать с него за оплошность. Сомнение возбуждало лишь одно странное обстоятельство — локализация инфекции, если так можно

выразиться. Зараза точно была сосредоточена в одном месте, внезапно в определенном месте уничтожала всех кур и так же внезапно исчезала. Можно было, конечно, предположить вредительство. Известны десятки случаев, когда кулаки, пробравшись в колхозы и совхозы, травили птицу, животных, поджигали конюшни, овчарни, коровники и, наконец, вносили заразу, пуская в здоровое стадо больных животных. Возможность отравления была исключена, — результаты исследования говорили совершенно ясно: куриная холера. Предположить, что к здоровым курам подбросили больных, тоже было трудно. В совхозе — учет, наблюдение, определенные породы

Это ведь не деревенские пеструшки. Да и болезнь в таком случае распространялась бы медленнее. Можно было предположить худшее, и к тому имелись некоторые основания. Однако следователь обязан перебрать и проверить все возможные гипотезы

Я решил выехать на место происшествия в совхоз в качестве обычного ревизора. Слухи обо мне быстро распространились, и я стал ожидать визита преступника, в том случае, конечно, если вообще здесь имело место преступление. Преступник обязательно захочет, думал я, убедиться, насколько реальна грозящая ему опасность. Поэтому — то я так решительно отклонил предложение директора совхоза устроить собрание, — преступник познакомился бы со мной, а сам остался бы в тени

Со мной встречались десятки людей. Они высказывали различные предположения, иногда остроумные, иногда глупые, иные справедливо указывали на недостатки в работе совхоза, некоторые сплетничали, все ожидали моих расспросов, и я осторожно расспрашивал и убеждался в том, что все мои собеседники сами встревожены и озадачены загадочным происшествием. Меня интересовал собеседник, который не столько будет показывать себя, сколько пожелает выяснить, что же из себя представляю я

Таких оказалось трое. Во — первых, это был директор совхоза Коваленко. О нем имелись отличные отзывы, и после обстоятельной беседы Коваленко и на меня произвел впечатление честного человека и хорошего работника. Вторым был зоотехник. Он задавал мне преимущественно вопросы специального характера, — по — видимому, он действительно растерялся и нуждался в помощи более опытного товарища. Наконец, ко мне явился местный фельдшер Горохов, и я даже не могу считать это оплошностью Бурцева, потому что не может быть такого положения, когда человек откажется поинтересоваться, грозит ли ему какая — нибудь опасность. Он очень осторожно беседовал со мной, пока не убедился, что если перед ним и не болван, то во всяком случае человек неопытный и недалекий. Тогда Горохов стал убеждать меня в том, что в комнате Царевой необходимо срочно

произвести дезинфекцию. То, что фельдшер проявляет по такому поводу законную тревогу, было естественно и похвально. Сделать это было нетрудно. Я съездил за следователем, и дезинфекция была произведена. Но перед тем как послать за Гороховым, я тщательно осмотрел комнату Царевой. Фельдшер хочет произвести дезинфекцию, резонно, ну а если что — нибудь еще интересуется фельдшера в этой комнате, подумал я, и решил предварительно сам все осмотреть. Я облазил пол и стены, заглянул в нетопленную печь, пересмотрел все вещи, все безделушки, раскопал мусор у двери, и мое внимание привлек осколок ампулы, валявшийся в тумбочке между бус, шпилек и пуговиц, который, по — видимому, даже не заметили при первом обыске. У меня даже мелькнула мысль — не отравилась ли девушка и в самом деле сама. Однако я оставил ампулу на месте. Затем из деревни пришел Горохов, и мы втроем принялись все пересматривать и составлять опись тому, что находилось в комнате Царевой. Тут Бурцев совершил первую свою ошибку. Осколок ампулы незаметно исчез, когда мы стали разбирать вещи в тумбочке.

— Да, — повторил Пронин, — опасно возвращаться за оставленными уликами, но такова уж психология преступника, будь он профессор или громила. Потеряв пуговицу, он воображает, что все сейчас же заметят его потерю, хотя десятки людей одновременно теряют десятки одинаковых пуговиц. Я обратился к следователю с просьбой увезти с собою Горохова и задержать его, чтобы быть гарантированным от неожиданного возвращения фельдшера домой. Всю ночь я провел в амбулатории и не нашел там подобных ампул. Осмотрел комнату Горохова, и тоже безрезультатно. Зато в чулане, позади комнаты, я нашел маленькую и скромную, но самую настоящую лабораторию. Нашел несколько коробок с пустыми ампулами, и в особом хранилище — семьдесят три наполненных. Меня заинтересовало их содержимое, и перед поездкой в Москву я взял одну ампулу с собой, но, чтобы не вызвать у владельца подозрений, наполнил одну из пустых ампул водой, запаял на спиртовке и положил к остальным. Кроме того, я обратил внимание еще на одну подробность. Коробки с ампулами были завернуты в газету "Вечерняя Москва", — подробность эта была важной потому, что в течение нескольких лет Горохов никуда не уезжал из деревни и не получал никаких посылок. Следовательно, кто — то доставил эти ампулы в деревню. Ведя самые безобидные разговоры, нетрудно было узнать, что месяцев пять — шесть назад пункт обследовал какой — то инспектор из здравотдела. На мой же запрос — когда обследовался фельдшерский пункт,

здравотдел ответил, что фельдшерский пункт подчинен заведующему участковой больницей и непосредственно здравотделом не контролируется. В общем, это был странный фельдшер, украдкой занимающийся какими-то странными опытами. Тем временем ты посещал бактериологов и, сам того не подозревая, искал подтверждения моей гипотезе. Конечно, бактериологов в нашей стране множество, но хоть какая-нибудь ниточка да должна была попасться в Москве. Ты рассказал мне о своих поисках, и я сначала подумал, не может ли кто-нибудь из прежних сотрудников Бурцева продолжать его опыты. Но таких не оказалось, и тогда у меня возникло предположение — не может ли это быть сам Бурцев. Лабораторное исследование обнаружило, что в ампуле содержится чрезвычайно сильная холерная вакцина, и тут меня осенило: куры в совхозе болели не куриной холерой, безопасной для людей, не азиатской холерой, распространителями которой они не могут быть, а каким-то неизвестным холероподобным заболеванием, еще более страшным и равно опасным и для кур, и для человека. Проверить все эти предположения было нетрудно, следовало лишь столкнуть Горохова с кем-либо из его старых знакомых. Я сообщил ему о приезде Полторацкого, и Бурцев совершил вторую ошибку. Не дожидаясь приезда Полторацкого, который не мог не узнать своего бывшего ученика, Бурцев удрал в Москву. Со станции Бурцев отправил в Москву телеграмму до востребования на имя какого-то Корочкина, извещая того о своем выезде. Конечно, я тут же послал вслед распоряжение установить наблюдение за лицом, которое эту телеграмму получит. Но телеграмму так никто и не получил, и она до сих пор числится в списке невостребованных депеш. По-видимому, на телеграф являлся некто с похожей фамилией и самый факт наличия телеграммы на имя Корочкина был условным извещением о выезде Бурцева. Все было ясно: Бурцев ехал в Москву и собирался там с кем-то встретиться. Но тут последовала ошибка с моей стороны. Я не мог предположить, что встреча произойдет тут же, в вокзальной толчее, и встречающиеся сумеют даже не подать вида, что знакомы друг с другом. С Бурцевым покончено. Но есть некто, гораздо более опасный и ловкий, умеющий принимать всевозможные личины и ускользать от нашего внимания.

— А гипотеза? — спросил Виктор. — Какая же это была гипотеза?

— Видишь ли, мы должны отлично знать, как готовятся империалисты к войне, — объяснил Пронин. — Так вот, в одном иностранном военно — медицинском журнале некий полковник Арене в своей статье о бактериологической войне открыто писал, что ареной бактериальной войны явится глубокий тыл противника. На территории враждебного государства, в глубоком тылу, утверждал Арене, следует создавать небольшие бактериологические лаборатории, которые легко могут быть законспирированы, с тем чтобы начать действовать в нужный момент. Ну а как нам с тобой хорошо известно, теория и практика друг от друга неотделимы.

Agave mexicana

Сидя у себя за столом в служебном кабинете, Пронин неторопливо вычерчивал цветным карандашом на листе бумаги то синие, то красные квадраты. Но Виктор не был спокоен — он то и дело садился на диван, вскакивал или начинал рассказывать по комнате.

— Я не понимаю вас, Иван Николаевич! — воскликнул он не в первый раз, едва скрывая раздражение. — Вы знаете, что где — то среди нас в Москве скрывается преступник, и относитесь к этому безучастно.

— Ты повторяешься, — сказал Пронин. — На все лады повторяешь одну и ту же фразу, и я не вижу в этом большого смысла. Я в сердцах читать не умею, и никакой Рентген не изобрел еще аппарата, с помощью которого можно было бы просветить всех людей на предмет выявления зловредных личностей, существование которых так тебя беспокоит. Некто получил от Бурцева сумку с вакциной Виноват, каюсь, не уследил. Бурцев мертв, и у меня нет никаких данных Найди своего водопроводчика! Не можешь? Вот и я не могу найти, и оставим об этом разговор. Конечно, нет спора, преступника найти нужно, но самое важное в нашей работе — профилактика, предотвращение преступления.

— Вот об этом я и говорю!.. — воскликнул Виктор. — Преступник разгуливает на свободе, и в руках у него такое страшное средство

— И тем не менее приходится ждать, — упрямо повторил Пронин. — Тебе не хватает терпенья.

Они бы еще долго спорили, потому что Виктора не так — то легко было остудить, но беседу их прервал телефонный звонок.

— Да, — сказал Пронин. — Слушаюсь, — он положил трубку. — Начальство вызывает, — объяснил он Виктору. — Покамест будем заниматься другими делами. А то так можно всю жизнь проговорить. — Он взялся за ручку двери. — Ты подожди меня, — сказал он на прощанье.

Вскоре Пронин вернулся — деловитый и напряженный.

— Что там? — нетерпеливо спросил Виктор.

— В одном учреждении, — сказал Пронин и назвал это учреждение, — пропал документ, имеющий государственное значение. Оттуда только что звонил один ответственный работник Щуровский! — Пронин усмехнулся. — Вот нам с тобой и придется вместо живого человека заняться поисками бумажки!

Спустя десять минут Пронин и Виктор уже стояли перед подъездом названного учреждения.

Они предъявили вахтеру свои удостоверения, поднялись по широкой лестнице на четвертый этаж, легко нашли кабинет Щуровского, постучали, и на стук в двери тотчас же задержалась узорная бронзовая ручка, щелкнул замок, дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель выглянул сам Щуровский.

Это был высокий плотный человек, отлично и вместе с тем скромно одетый.

— Наконец — то! — озабоченно сказал он, увидев незнакомых посетителей в военной форме. — Прошу!

И широко распахнул дверь, отступая в кабинет.

Пронин и Виктор вошли, Щуровский быстрым, казалось бы, несвойственным ему движением сейчас же захлопнул бесшумно закрывшуюся дверь. Мягко щелкнул английский замок.

Вошедшие очутились в просторном кабинете, обставленном старинной резной мебелью и устланном коврами. Громадный, обтянутый зеленым сукном стол больше походил на бильярдный, чем на письменный. Кабинет скорее напоминал место для отдыха и бесед с друзьями, чем комнату для работы.

— Собственно говоря, рассказывать больше нечего, — сказал Щуровский. — Исчез документ колоссальной важности. Содержание его известно немногим, и я вам не могу его изложить. Однако дальновидные политики могли подозревать о существовании документа. А некая иностранная держава весьма заинтересована и в том, чтобы его заполучить. Здесь надо добавить, что копии, снимки и прочее не имеют решительно никакой ценности. Имеет значение только оригинал с подлинными подписями и печатями. Существует он в природе только в двух экземплярах, — один хранится в ином месте, другой временно находился здесь. И вот этот экземпляр исчез!

Щуровский провел ладонью по лицу, точно смахивал с глаз какую-то пелену.

— Вы понимаете?!

— Мы слушаем, продолжайте, — сказал Пронин. — При каких обстоятельствах?

— Да, при каких обстоятельствах, — повторил Щуровский. — Доступ к этому сейфу имеют немногие, и, как вы видите сами, замок здесь столь сложного устройства, что никакое лицо, не знающее секрета, не может его ни открыть, ни взломать. Вчера, несмотря на выходной день, мы провели его на службе, занятые срочной работой. Вечером мне понадобилось привести в докладной записке несколько фраз из злополучного документа. Было очень поздно. Товарищ Иванов вызвал Петренко, сотрудника, у которого хранятся ключи. Шкаф открыли, в присутствии Иванова и Петренко я достал документ, и шкаф вновь заперли, Петренко был отпущен, я сел за свой стол, Иванов за свой, и около часа мы работали. Документ все время находился у меня на столе. Затем Петренко был вызван опять, я вложил документ в пакет, шкаф открыли, и я передал пакет Иванову, чтобы он положил его на место, Петренко запер шкаф и ушел. Мы же поработали еще некоторое время и часов около трех отправились домой. Надо вам сказать, что Иванов, когда мы засиживаемся до глубокой ночи, ночует иногда у меня в квартире, особенно если утром предстоит рано вернуться в учреждение. Отчасти это делается для того, чтобы не беспокоить по ночам домашних Иванова, тем более что живет он на другом конце города, а главным образом в тех случаях, когда бывает очень срочная работа и я нуждаюсь в том, чтобы Иванов постоянно был у меня под рукой. Так было и на этот раз. Мы приехали на квартиру, — со мной вместе живет сейчас только домашняя работница, жена и дочь находятся на

юге, — она встретила нас, мы наскоро поужинали и легли спать. Я у себя в спальне, Иванов рядом в кабинете на диване. Встали рано, позавтракали, Иванов вызвал машину и поехали сюда. Ни вчера вечером, ни сегодня утром никто, кроме Петренко, в кабинет не входил. Заходила, впрочем, уборщица, но она была всего минут десять—пятнадцать, — на это время я вышел в соседнюю комнату, а Иванов вообще не покидал кабинет. Вскоре документ понадобился мне еще на несколько минут, был вызван Петренко, мы открыли шкаф, я взял пакет и на глазах Иванова и Петренко вытащил из пакета вместо документа чистый лист бумаги!

Щуровский привстал и положил руку на телефон, точно хотел позвонить, но оказалось, это был только жест, иллюстрирующий его слова.

— Хотя результат можно было предвидеть заранее, ради очистки совести мы с Ивановым перерыли всю комнату. Затем я немедленно позвонил вам

Он развел руками и замолчал.

— Вы говорите, что со вчерашнего вечера, кроме вас троих, здесь никого не было? — переспросил Пронин.

— Да, за исключением уборщицы, — сказал Щуровский. — Но ее просто трудно подозревать

— Расставались ли вы за это время с Ивановым? — спросил Пронин.

— Нет, — сказал Щуровский. — Правда, мы спали в разных комнатах, ходили умываться, я выходил во время уборки кабинета

— Значит, Иванов никуда не отлучался?

— Нет. Разве только утром, по дороге сюда, на секунду выскочил из машины, чтобы бросить в почтовый ящик открытку. Я попросил, — мою открытку. Утром написал несколько слов в книжный магазин. Это не имеет значения. Да, он все время был на моих глазах

— Что же вы предполагаете? — спросил Пронин.

— Я ничего не предполагаю, — Щуровский пожал плечами. — Я излагаю вам факты, а уж ваше дело

— Это правда? — спросил тогда Пронин Иванова. Иванов вопросительно посмотрел на Щуровского.

— Что "правда"? — тихо переспросил он.

— А вот о чем рассказывает ваш начальник, — пояснил Пронин.

Иванов опустил голову.

— Правда, — сказал он помедлив, исподлобья взглянул опять на Щуровского и повторил увереннее: — Конечно, правда.

— А Петренко? — опять обратился Пронин к Щуровскому.

— Нет, что тут мог Петренко! — нетерпеливо сказал Щуровский. — Петренко понятия не имел о документе. Он даже и не прикасался к нему

— Ну, это мы проверим, конечно, — сказал Пронин. — Но вам все же придется рассказать нам о документе. Содержание можете не излагать, но внешний вид обязательно опишите. Как же иначе мы будем искать?

— А вы надеетесь найти? — обрадованно перебил его Щуровский.

— Там будет видно

— Пронин улыбнулся. — Постараемся.

— Обычный лист плотной бумаги, — сказал Щуровский. — Текст напечатан на первой странице и на оборотной, другие две чистые. Несколько подписей. Никаких особых признаков.

Пронин поднялся.

— Что ж, — сказал он, указывая Виктору на Иванова. — Придется вас задержать

— Я не виноват, — сказал Иванов, пытаясь улыбнуться, и вдруг

резко махнул рукой. — А впрочем, я понимаю

— Я надеюсь, что все выяснится, — громко сказал Щуровский вслед своему секретарю и повернулся к Пронину. — Иванов был хорошим работником и честным, — добавил он несколько смущенно.

— — Идемте, — сказал Виктор, открывая дверь.

— Неужели вы думаете, что это он? — спросил Щуровский после ухода Иванова и Виктора. — Я очень ему доверял

— Ну и напрасно — насмешливо сказал Пронин. — Документа ведь нет?

— Но куда же он мог его деть?! — воскликнул Щуровский. — Он действительно никуда от меня не отлучался!

— Сюда ведь пройти постороннему человеку невозможно? — спросил Пронин.

Щуровский только отрицательно покачал головой.

— Поэтому проще всего предположить, что Иванов спрятал документ у вас в квартире.

— Что за смысл! — воскликнул Щуровский. — Зачем?

— Он мог спрятать документ в трех местах, — продолжал Пронин. — Здесь, в машине или у вас в квартире. Здесь спрятать трудно. Кроме того, он не мог не понимать, что, обнаружив пропажу, прежде всего перероют эту комнату. Передал уборщице? Мы поинтересуемся уборщицей, но трудно допустить, чтобы, похитив документ, он долго держал его при себе. Пропажа могла обнаружиться раньше, и комнату, и его могли обыскать еще до прихода уборщицы. В машине? Можно было привлечь внимание шофера, если только он не был его сообщником, и ваше. Рискованно! Проще всего было спрятать документ в вашей квартире, где он в течение длительного срока находился в одиночестве. Правда, не исключено, что он выбросил документ в форточку или бросил его в письмо вместе с вашей открыткой в почтовый ящик, или, наконец, передал вашей домашней работнице

— Что вы, что вы! — перебил Щуровский. — Она живет у нас четырнадцать лет. Я ручаюсь за нее, как за самого себя!

— И напрасно, — рассудительно сказал Пронин. — Не ручайтесь, не надо. Но сообразим дальше. Вряд ли Иванов рискнул бы бросить такую добычу в форточку. Послать почтой? Но он не мог знать, что вы пошлете открытку, да и не доверил бы документ почте. Домашняя работница? За нее ручаетесь даже вы! Нет, документ лежит у вас дома и ждет, когда сообщник Иванова проберется в квартиру и возьмет его из условленного места.

Щуровский нахмурился.

— Пожалуй, вы правы, — твердо сказал он. — Значит, надо произвести у меня обыск.

— Ни в коем случае, — возразил Пронин. — Распотрошим квартиру и, вероятнее всего, ничего не найдем. Да и, кроме документа, хотелось бы найти получателя. Сообщник Иванова сегодня же узнает об его аресте. Бесспорно, что они заранее шли на это, и это его не смутит. Поэтому не обижайтесь на нас, но мы установим за вашей квартирой наблюдение и в течение некоторого времени не отойдем ни от нее, ни от вас, ни даже от вашей работницы.

Щуровский поморщился и улыбнулся.

— Что делать! Поступайте так, как находите нужным.

— Руководитель вашего учреждения знает уже о пропаже? — осведомился Пронин.

— Разумеется, — сказал Щуровский. — Я тотчас известил товарища Толмачева. Он просил зайти к нему, когда вы приедете

Они прошли к Толмачеву.

— Что вы решили? — спросил он вошедших. Пронин пожал плечами.

— Будем искать.

— Ни один человек не должен знать об исчезновении документа, — наставительно предупредил Толмачев Пронина и недружелюбно посмотрел на удрученного Щуровского. — Будем

надеяться,
Григорьевич

Валерий

Но вдруг не сдержался и жестко добавил:

— Хотя вы в какой—то степени тоже отвечаете за своего Иванова!

— Почему Иванова? — заинтересовался Пронин. — Все очень еще туманно.

— А кто мог это сделать? — раздраженно спросил Толмачев. — Ведь я или Щуровский не могли украсть документ?

Пронин покачал головой.

— Но что касается Иванова, это тоже еще проблематично

— А вот товарищ Щуровский не сомневается! — сказал Толмачев. — Да и сами вы не могли арестовать его без достаточных оснований!

— Основания для ареста есть, а для осуждения еще нету, — возразил Пронин. — Это разные вещи. Да и товарищ Щуровский говорил мне о своем секретаре совсем обратное. Впрочем, я претензий ни к кому не имею. При таких обстоятельствах кого ни начнешь подозревать!

— Вы не поняли меня, — вмешался Щуровский. — Иванов действительно был хорошим работником, но — Он развел руками.
— Не ветер же унес бумагу!

— Однако надо действовать, — сказал Толмачев. — Речами и слезами горю не поможешь

И Пронин принялся за работу. Добрый десяток людей был брошен на поиски документа. Несколько опытных сотрудников сверху донизу осмотрели и комнату, где находился сейф, и соседний кабинет. Одному из сотрудников было велено обыскать автомобиль. Другому Пронин поручил на всякий случай объездить все книжные магазины и поинтересоваться отправленной поутру открыткой. Сам он решил заняться людьми, которые могли иметь хоть какую—нибудь причастность к пропаже.

Он допросил Петренко, уборщицу, шофера Петренко был техническим работником, который никогда не заглядывал в сейф и понятия не имел о содержании хранившихся там документов. Уборщица была малограмотна и просто глупа; можно было притворяться, но не до такой степени. Шофер, наоборот, оказался весьма смышленным парнем и в связи с допросом даже высказал правильную догадку — не похищены ли, мол, в учреждении какие — нибудь секретные бумаги. Но по зрелом размышлении Пронин решил, что вряд ли вору нужно было приобрести лишнего сообщника в лице шофера. К сожалению, никто из троих не сказал ничего, что могло хоть немного облегчить поиски.

Допрос Иванова тоже ничего не дал. Он пытался держаться спокойно, хотя ему плохо удавалось скрыть свое подавленное настроение, и полностью подтвердил показания своего начальника.

— Добавить нечего, — сказал он. — Все изложено правильно.

Виноватым себя Иванов не признал, как ни старался Пронин убедить его в обратном. Иванов соглашался, что улики свидетельствуют против него, но как — нибудь объяснить исчезновение документа отказался.

Пронину хотелось проверить впечатление, сложившееся у него об Иванове, и он поехал к нему домой.

Секретарь Щуровского вместе с женой и матерью жил на окраине города, в одном из новых, недавно выстроенных многоэтажных домов.

Пронин позвонил. Ему открыла дверь молодая женщина. Он вошел в тесную переднюю. Ивановы занимали маленькую двухкомнатную квартиру. Дверь в столовую была открыта. Над столом горела лампа под шелковым оранжевым абажуром. За столом сидела круглолицая морщинистая старушка с белыми, как лунь, волосами. Хозяйка пили чай. На столе стояли чайник, чашки, вазочка с вареньем, баранки. Рядом с баранками лежала раскрытая книга, придавленная человеческим черепом. Но даже череп не вызывал здесь никаких мрачных мыслей.

— А я думала — Саша, — разочарованно сказала молодая женщина, обращаясь как — то сразу и к вошедшему, и к старушке в столовой.

— Я от него, — сказал Пронин. — Он просил предупредить, что на несколько дней отлучится из города.

— Небось опять со своим Щуровским на дачу к нему работать поехал? — недовольно спросила молодая женщина и тут же заулыбалась, заранее уверенная в ответе. — Чаю хотите?

И опять, не ожидая ответа, закричала:

— Мама, налейте чаю товарищу!

— Чаю не хочу, а посидеть — минуточку посижу, — сказал Пронин, входя в столовую.

Он поздоровался с матерью Иванова, сел у стола, и, несмотря на отказ, к нему пододвинули чашку с чаем, и он выпил ее и даже съел баранку.

— Учитесь? — спросил он, кивая на череп.

— Да, в медицинском институте, — сказала жена Иванова и засмеялась. — Ненавижу анатомию!

Пронин побеседовал с женщинами и ушел успокоенный. Они не вызвали в нем подозрений. Поиски следовало вести в другом направлении.

От Ивановых он поехал на квартиру Щуровского.

Дверь открыл Виктор, и Пронин шепотом задал ему несколько коротких вопросов:

— Что нового?

— Ничего.

— Щуровский вернулся?

— Дома.

— А что сейчас делает?

— Пообедал и лег спать.

— А как с тобой?

– Любезен. Приглашал обедать.

– А работница?

– Возится в кухне.

Пронин прислушался. В квартире царила такая тишина, точно квартира была необитаема.

– Покажи – ка мне квартиру, – распорядился Пронин.

Почти неслышно пошли они по комнатам. Столовая, комната дочери, еще какая – то комнатуха, почти пустая, кабинет

Виктор указал на дверь из кабинета.

– Там спальня, спит, – шепнул он.

Пронин внимательно рассматривал обстановку. Мебель в комнатах стояла дорогая, нарядная, но казалась она и громоздкой, и подержанной, точно принесена была сюда из каких – то других, более просторных и богатых домов. Только кабинет выглядел проще и обыденнее, заставленный книжными полками, за стеклами которых в сгущающихся летних сумерках тускло поблескивали золоченые корешки.

Пронин всматривался в книги, не зажигая электричества. Здесь стояли русские и нерусские классики, старый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Большая советская энциклопедия, топорщились тесно сдавленные брошюры Книг было много, и Пронин подумал, что в одной из них вполне может лежать искомая бумага, но сейчас же отогнал эту мысль: слишком наивно было бы спрятать сюда такой важный документ.

Как ни тихо передвигались Пронин и Виктор, должно быть, Щуровский услышал их шаги. Он закашлял, скрипнул кроватью, быстро прошлепал по полу, распахнул дверь и повернул выключатель.

– Ах, это вы, товарищ Пронин, – произнес Щуровский без всякого удивления, стоя на полу в носках и щурясь от света. – Успешны ли ваши поиски?

– Да вот, изучаем обстановку, – сказал Пронин. – Иванов –

то ведь здесь ночевал?

— Изучайте, изучайте, здесь, — снисходительно подтвердил Щуровский, помолчал и вдруг предложил: — Я на вашем месте все —
таки произвел бы обыск здесь
Валяйте, а?

— Нет, — отказался Пронин. — Мы лучше подождем, когда кто — нибудь сюда явится.

— Как знаете, — согласился Щуровский. — Только ведь так можно месяцами ждать

— А мы терпеливые. — Пронин усмехнулся. — Вам только мешать будем

— Ничего, — великодушно сказал Щуровский. — Я вот даже соснул при вас. В шахматы не играете?

— Вот вам компаньон! — Пронин хлопнул Виктора по плечу. — А я уж пойду. Делишки есть, да и соснуть тоже не мешает

Следующий день не принес ничего нового, за исключением того, что сотрудник, объездивший московские книжные магазины, не сумел найти открытку Щуровского, затерявшуюся среди прочей корреспонденции.

Все шло заведенным порядком. Виктор сторожил квартиру. Щуровский бывал только на службе и дома. Все лица, имевшие хоть какое — нибудь соприкосновение с ним или с Ивановым, вплоть до домашней работницы, находились под наблюдением. А дело — не двигалось.

Лишь на третий день произошло незначительное событие, которому можно было не придать значения, если бы не привычка Пронина не оставлять без внимания ни малейшей мелочи.

Виктор сообщил Пронину, что на квартиру к Щу — ровскому во время его отсутствия из книжного магазина принесли два тома энциклопедического словаря — первый и восьмой, по — видимому, те самые, о которых он писал в своей открытке.

— На всякий случай я поинтересуюсь завтра этими томами, — сказал Пронин и опять оставил Виктора одного скучать в чужой квартире.

Наутро Пронин нарочно приехал с некоторым опозданием. Щуровский уже находился на службе.

— Ну, здравствуй, — приветствовал Пронин Виктора. — Как спалось? Давай сюда книги, будем читать. Где они?

Но Виктор сразу огорошил Ивана Николаевича.

— У вешалки перед зеркалом. Щуровский очень удивился, когда их увидел. “Я совсем другие книги заказывал, — говорит. — Вечно наши магазины напутают, не умеют еще культурно торговать”. Напрасно только мы его открытку по всей Москве искали. Тут и адрес магазина написан, и фамилия человека, к которому надо обратиться.

— А книжки — то эти он читал? — поинтересовался Пронин. — Или так к ним и не притронулся?

— Нет, как не притронулся, — объяснил Виктор. — Он даже отнес было их в кабинет, перелистывал. Посмотреть — то ведь надо было?

— И долго он там с этими книжками возился?

— Ну час, может быть

— А как ты думаешь, — спросил Пронин, — в одном из этих переплетов не может быть спрятан документ?..

— Что вы говорите! — воскликнул Виктор. — Неужели вы подозреваете Щуровского?

— Кого я подозреваю — это мое личное дело, а проверяю всех, — сказал Пронин. — Ты отвечай на вопрос: может или не может?

— Ну может, — согласился Виктор. — Нет, неужели Щуровский Только для этого переплетчиком надо быть.

— А почему бы ему им не быть? — возразил Пронин. — Поколоти зайца, он спички научится зажигать.

— Так посмотрим

— Или вот еще что, — сказал Пронин. — Что мешает обменять два тома из своей библиотеки на принесенные?

— Верно! — воскликнул Виктор. — Вот об этом я не подумал! Посмотрим

Пронин успокоительно замахал на него рукой.

— Не рыпайся зря. Вели — ка кому — нибудь быстро привезти сюда первый и восьмой томы словаря, а я заберу с собой и эти, и те, что стоят в кабинете, — распорядился Пронин, унося с собой все четыре тома. — А когда книги привезут, аккуратно поставь их на место.

Виктор не увидел Пронина ни после обеда, ни вечером, ни на следующее утро. Ему представлялось, что документ уже найден, что произошли какие — то важные события, что все разъяснилось и только забыли о нем и не торопятся снять его с поста.

В полдень раздался телефонный звонок. В квартире не было никого, кроме Виктора. Он поднял трубку.

— Приезжай, — коротко сказал Пронин. Виктор не удержался.

— Нашли? — спросил он.

— Приезжай, — сухо повторил Пронин.

— А как же квартира?

— Ну пусть другие останутся, — равнодушно сказал Пронин. — Теперь это не так важно.

Не успел Виктор приехать на квартиру к Пронину и войти к нему, как вслед за ним немедленно ввалилась в комнату раскрасневшаяся сердитая Агаша, не столько домашняя работница, сколько вечная опекунша Пронина.

— До каких же это пор будет продолжаться? — воскликнула она, обращаясь к Виктору и подпирая рукой подбородок. — Иван Николаевич опять всю ночь не ложился!

Но достаточно было Виктору увидеть побледневшее лицо самого Ивана Николаевича и синие мешки у него под глазами, чтобы догадаться об этом и без жалоб Агаши.

— Иди — иди, — добродушно заворчал Пронин, подходя к Агаше и как — то очень ловко и необидно вытеснил ее за дверь.

— Нашли? — спросил Виктор.

— А голос у тебя дрожит, — сказал Пронин. — Нехорошо.

— Нашли? — повторил Виктор.

— Что? Что нашел? Документ? — ворчливо пробормотал Пронин. — Черта лысого я нашел!

И неожиданно спросил:

— Выходной день послезавтра?

— Послезавтра, — растерянно подтвердил Виктор.

— Вот послезавтра и найдем, — сказал Пронин. — Рассчитываю я в выходной день со Щуровским по Москве покататься. Надеюсь посетить Ботанический сад. Известен тебе такой? Не бывал? Напрасно. Я всегда утверждал, что ты нелюбознательный человек. Побывай там, пожалуйста. Хоть сегодня, хоть завтра. Ознакомься. Только советую в штатском ехать, а то в форме ты больно красив, девушки заглядываться будут. Есть в этом саду растение — мексиканская агавы. Сам найди, не спрашивай. Там у каждого растения дощечка имеется и на ней название по — латыни написано. Надеюсь, разберешь. Вот я и прошу тебя в выходной день с утра находиться где — нибудь поблизости от этой агавы. Мы со Щуровским тоже приедем любоваться этим растением, но будет лучше, если тебя не заметим. Погуляем и уедем. Но как только мы отойдем, прошу тебя немедленно подойти к агаве и — Пронин достал из стола продолговатый заклеенный конверт без всякой надписи и подал его Виктору, — подойти и ловко и незаметно спрятать где — нибудь меж листьев или под листьями этот конверт. Затем я попрошу тебя не спускать с растения глаз. Ты увидишь, кто возьмет конверт, и проследишь за ним. Помни: за человека, который возьмет конверт, ты отвечаешь головой. А засим рекомендую тебе пойти и отдохнуть перед этой, предупреждаю, весьма нелегкой работой.

— Хорошо, — сказал Виктор поднимаясь. — А как же квартира?

— Да что ты, братец, заладил одно и то же? — заворчал Пронин. — “Квартира” да “квартира”! Там ведь оставлены люди? Ну пусть и остаются на всякий случай. Сказано тебе — отправляйся домой. Я вот съезжу в магазин, верну чужие книги и затем обещаю тебе тоже целый день есть и спать и получить похвальный лист от Агаши.

Магазин, названный Щуровским, оказался тесной букинистической лавкой. Покупатели в ней толпились возле прилавков и у полок, листали книги и тут же обменивались мнениями об их ценности. Продавцы были знакомы со многими покупателями и вели с ними задушевные беседы.

Пронин протискался к прилавку.

— Где здесь Копелевич? — спросил он одного из продавцов, лысого старика с окладистой бородой.

— А вот

Ему указали на низенького человечка, плохо выбритого, с реденькими волосами, тщательно расчесанными на пробор и напомаженными бриллиантином.

— Вы от кого? — визгливо спросил Копелевич. — Если за Достоевским, так он уже продан!

— Нам нужно поговорить, — сказал Пронин и добавил тише: — У меня к вам дело.

— Имеете что предложить? — спросил Копелевич, оживляясь и взглядывая на сверток под мышкой посетителя. — Пойдемте.

Они прошли вниз, в подвальное помещение, мимо штабелей книг, в крохотную застекленную конторку магазина.

— Так я вас слушаю, — сказал Копелевич. — О чем мы будем иметь с вами разговор?

— Я от Щуровского, — сказал Пронин.

— От какого Щуровского? — удивился Копелевич, и видно было, что он действительно не помнит, о ком идет речь.

— Оттого Щуровского, который позавчера прислал вам

открытку, — напомнил Пронин. — Вы еще книги ему приносили

— Вспомнил, вспомнил! — повеселел Копелевич. — Ему недоставало каких-то томов энциклопедического словаря А! — Он пренебрежительно махнул рукой. — Мелкий заказ!

— А вы точно помните, что речь шла именно о словаре? — спросил Пронин.

— Хм! — хмыкнул Копелевич. — Кто носил книги: я или вы?

— А вот Щуровский утверждает, что не заказывал их, — настойчиво повторил Пронин, развернул сверток и положил оба тома перед продавцом. — Щуровский просил вернуть их вам обратно.

— Ничего не понимаю, — забормотал Копелевич. — Я тоже пока еще не сошел с ума. Он сам писал — Копелевич порылся у себя в карманах и вместе с пачкой лохматящихся бумажек вытащил измятую замусоленную открытку. — Вот! — Он расправил открытку и хлопнул по ней ладонью. — Нет, я тоже еще не совсем выжил из ума!

Пронин осторожно потянул открытку из-под ладони Копелевича.

“Тов. Копелевич! — значилось в ней. — Прошу вас приготовить и доставить ко мне домой книги, о приобретении которых я договорился с вами по телефону. В.Щуровский”.

— Здесь предусмотрительно не названы книги, — сказал Пронин.

Копелевич с изумлением посмотрел на собеседника.

— А по телефону мы говорили или не говорили? Как вы думаете?

— Бросьте! — внезапно сказал Пронин, резко меняя тон. — Кто вам принес эти книги?

— Откуда я знаю! — воскликнул Копелевич. — Столько народа

приносит и уносит! Я не бог, чтобы помнить каждого посетителя

— Бросьте, — повторил Пронин. — Все известно. Вы получали открытки и передавали адресатам книги, которые вам приказывали передать. Кого вы извещали?

— Это провокация! — закричал Копелевич. — Я не понимаю, о чем вы говорите!

— Не кричите, — сказал Пронин. — Мы сейчас поедem отсюда

— Вы меня арестуете? — хрипло спросил Копелевич. — Но я же ни в чем не виноват!

— Вы передавали книги, — сказал Пронин. — Вот в этих самых томах есть неопровержимое тому доказательство.

— Я ничего не знаю, — забормотал Копелевич сиплым голосом. — Я передавал. Но я ничего не знаю. Мне звонил этот человек и спрашивал: есть ли открытки. Я говорил: есть. Он приносил книги, и я относил их куда мне говорили, и, честное слово, больше ничего не знаю

Перед Прониным находился трус, и навряд ли он знал что — нибуьд еще, навряд ли ему бы доверили больше.

— Значит, — сказал Пронин, — вы были "почтовым ящиком"?

— Вы можете меня арестовать, но оскорблять не смеете, — заныл Копелевич. — У меня тоже есть достоинство

— Одевайтесь и пойтемте, — сказал Пронин. — Захватите эти книжки и, проходя через магазин, постарайтесь не привлекать внимания.

— Но я, честное слово, ничего не знаю, — бормотал Копелевич, снимая синий халат и никак не попадая руками в рукава пиджака. — Я даже не знаю фамилию этого человека. Такой высокий и приличный гражданин. Серьезный и порядочный. Он уверял, что мне ничего не грозит. Кто бы мог подумать! Почему не оказать услугу? Я доставлял книги и мне давали иногда пятьдесят рублей, иногда семьдесят. А вы называете меня "почтовым ящиком", точно я действительно пересылал какие — нибуьд письма!

Он ныл, бормотал и притворялся, но Пронин готов был ему поверить, потому что люди, выполняющие обязанности "почтовых ящиков", обычно бывают мало осведомлены о делах, в которых принимают участие.

В выходной день установилась пасмурная погода. Пронин с раннего утра тревожно поглядывал в окно на небо, но дождик так и не собрался, и Пронин с облегчением вышел на улицу и так все рассчитал, что Щуровский, выходя из своего подъезда, неожиданно столкнулся с Прониным.

— Чуть не разминулись! — обрадованно воскликнул Пронин. — А я к вам!

— Вернемся? — предложил Щуровский.

— Нет — нет, — отказался Пронин. — Не хочу вам мешать.

— Чем же мешать? — любезно возразил Щуровский. — Засиделся я, устал, вот и решил немного проветриться.

— Боюсь, надоел я вам, — сказал Пронин. — А то бы навязался в попутчики. Дорогой и поговорили бы.

— Напротив, — сказал Щуровский. — Вдвоем веселее.

Они постояли на тротуаре, обменялись несколькими ничего не значащими фразами, слегка поспорили, на чьей машине ехать.

— На моей, — настоял Пронин. — Сегодня я буду хозяином, а вы — моим гостем.

Поехали в Петровский парк

— Хотел на дачу поехать, — пожаловался Щуровский, — да нет времени

Пронин был недоволен поведением Щуровского. Рушились все предположения

Щуровский сидел, откинувшись на подушки, снисходительно посматривал по сторонам, указывал на каких-то отдельных, привлекавших его внимание прохожих, лениво переговаривался с Прониным и, по-видимому, откровенно и с удовольствием отдыхал.

Но, едучи по Ленинградскому шоссе, он внезапно предложил:

— А не навестить ли нам Ботанический сад?

Задача была решена, и Пронин мог праздновать победу

— Стоит ли? — нехотя возразил он.

— Поедемте, — просительно сказал Щуровский и отдал шоферу распоряжение: — Двигайте в Ботанический сад.

У входа они купили билеты, вошли вместе с какими-то школьницами и нерешительно остановились у разветвления дорожек.

— Пойдемте куда глаза глядят, — предложил Щуровский, и они не спеша пошли мимо пестрых цветов и кустарников.

— Кстати, какие книги вы заказывали? — любопытно спросил Пронин.

Щуровский принужденно усмехнулся.

— Как видно, вам доносят обо всем, что имеет теперь ко мне отношение?

— Зачем — “доносят”? — мягко возразил Пронин. — Гадкое слово. Дело в том, что продавец утверждает, будто вы заказывали именно книжки словаря.

— Ерунда! — сказал Щуровский. — Еще зимой у меня зачитали “Воспоминания” Вигеля. Дочь кому-то одолжила. Я и просил достать

Они подошли к отделу южноамериканской флоры. Посреди холмика возвышалась агава. Голубовато-зеленые, толстые и сочные листья с зазубренными краями пучком торчали из земли. Пронин мельком взглянул на растение и указал на росшие вблизи низкорослые деревца

— Интересно, какие они на родине?

— Посидим, — предложил Щуровский.

Они сели на садовую скамейку, недавно окрашенную зеленой краской.

— У вас нет папиросы? — спросил Щуровский.

— Я же не курю, — сказал Пронин.

Щуровский поднялся.

— Пойду поищу папиросы в киосках. Но Пронин встал тоже.

— И я с вами.

Они прошлись по кругу.

— Вы позовите сюда своего шофера, — предложил Щуровский.

— Нет, это у нас не полагается, — сказал Пронин. — Он ведь на работе.

— Я схожу позвонить по телефону — автомату, — сказал Щуровский.

— Здесь нет автомата, — сказал Пронин.

Он ни на мгновение не отставал от своего спутника.

— Погуляем еще? — безнадежно предложил Щуровский.

— Погуляем, — согласился Пронин.

Они опять ходили по аллеям, вернулись к агаве, — напрасно было желание Щуровского остаться одному.

— Поедем? — предложил Пронин.

— Поедем, — неохотно согласился Щуровский. Они вернулись к машине.

— Едва не забыл! — воскликнул Пронин, взглядывая на часы.
— Мне нужно обязательно привезти вас к нам к четырем часам. Приглашен и Толмачев. Есть весьма любопытное сообщение

И вскоре они входили в кабинет начальника Пронина. У стола там уже сидел Толмачев.

— Вы аккуратны, товарищ Пронин, — сказал начальник. — Как

и было условлено, в четыре. — Он поздоровался с Щуровским и указал на стул. — Садитесь. — Затем взглянул на Пронина. — Можете докладывать.

— Доклад мой будет короток, — сказал Пронин. — Документ найден.

— Не может быть! — воскликнул Толмачев, приподнимаясь с кресла, и щеки его порозовели от волнения.

— Неужели? — сказал Щуровский и тоже привстал.

— Да, — подтвердил Пронин. — Найден и находится в наших руках.

— Кто же мог его похитить? — оживленно спросил Щуровский.
— Вы расскажете нам об этом человеке?

Пронин повернулся к начальнику.

— Разрешите?

Тот наклонил голову.

— Пожалуйста.

— Я не отниму у вас много времени, — сказал Пронин. — Лет пятнадцать назад интересующий нас человек примкнул к людям, которым не нравилась решительность, с какой партия перестраивала страну. Позже он раскаялся, но его раскаяние, очевидно, не было искренним. Так вот, постепенно, он и докатился до услуг иностранной разведке.

Щуровский вскочил со стула.

— Неужели это Иванов?!

— Перестаньте притворяться! — сказал Пронин. — Вы!.. Это я к вам, гражданин Щуровский, обращаюсь! Документ — на стол, а потом сами доскажете свою биографию.

Щуровский обвел всех взглядом, сжал губы, полез во внутренний карман пиджака, неторопливо вытащил плотный голубоватый конверт и протянул его Пронину.

— Нет — Пронин покачал головой. — Мне знать содержание этого документа не требуется

И, осторожно взяв конверт, передал его Толмачеву.

— Со мной вы справились, — зло сказал Щуровский. — Но вряд ли вам удастся поймать того

— Кто должен прийти к мексиканской агаве? — весело спросил Пронин.

— Ах, вам и это известно? — удивился Щуровский. — Но все равно. Того вам не взять. Вы — способны, но не до такой степени

Виктор и Пронин столкнулись в служебном коридоре, посмотрели друг на друга и рассмеялись.

— Ты откуда? — поинтересовался Пронин.

— А вы? — спросил Виктор.

— Оставь ты эту глупую привычку отвечать на вопрос вопросом!

— Я из Ботанического.

— А я только что проводил домой Иванова.

— Не спали?

— А ты?

— И я не спал.

— Пойдем, рассказывай, — позвал его Пронин.

Они зашли к нему в кабинет и уселись на диване.

— Нашли? — спросил Виктор.

— Рассказывай, — повторил Пронин.

— Только одно слово — нашли или нет?

— Да.

— Так слушайте, — начал Виктор. — Я как идиот весь день гулял по этому саду. И цветами любовался, и книжку читал, и даже пробовал играть с детишками. Наконец приехали вы с Щуровским. Я дождался, когда вы ушли, и незаметно сунул конверт между листьями. Затем я начал томиться. Вашим конвертом решительно никто не интересовался. Наступил вечер. Публику стали выпроваживать.

— И ты? — испуганно спросил Пронин.

— Я спрятался среди георгин. Не волнуйтесь. Это была неприятная ночь, могу вам сказать. Я мерз и любовался этим противным растением. Хоть бы какая-нибудь собака приблизилась к вашему конверту! Особенно холодно стало на рассвете, и цветы вовсе не настраивали меня на поэтический лад. Наступило утро. Начали приходить рабочие. Скорчившись, сидел я за парниковыми рамами, уставясь все в одну и ту же точку. Рабочие поливали растения и подметали дорожки. Научные сотрудники тоже занимались какими-то своими делами. Наконец сад снова открылся для посетителей. Я смог вылезти из-за своего прикрытия, расправился и подошел к агаве. Конверта не было.

— Прозевал? — спросил Пронин тем безразличным глухим голосом, какой всегда появлялся у него в моменты сильного волнения.

— Я даю вам слово, что ни на мгновение не сводил глаз с этой чертовой агавы! — воскликнул Виктор. — Когда сад закрылся, конверт был на месте. Ночью никто к агаве не подходил. Утром прошла мимо какая-то научная сотрудница, должно быть, студентка, двое рабочих с лейками, и садовник подстригал поблизости кусты. Больше никого.

— И что же ты сделал?

— На всякий случай узнал имена и адреса этих четверых, но

— Но сам мало верю в то, что кто-нибудь из них похитил конверт, — договорил Пронин. — Жаль. Снова

ждать Ждать. Все
начинать сызнова и неизвестно с какого
конца

— А как вы? — нетерпеливо спросил Виктор. — Что было здесь у вас?

Пронин видел, что Виктор чувствует себя виноватым, но досады против него не чувствовал. Он знал, что Виктор сделал все, что было в его силах, и Пронину по-отцовски захотелось утешить своего питомца.

— Ничего, не горюй, — сказал он со вздохом. — Без неудач не обходится никто. А для того чтобы тебе было ясно, кого мы упустили, слушай теперь о моих поисках. С самого начала было очевидно, что к похищению документа обязательно должен быть причастен кто-нибудь из двоих — Иванов или Щуровский. Легче было заподозрить Иванова. Одно было для меня несомненно, что документ спрятан в квартире Щуровского. В учреждении его не рискнули бы оставить. Привлекать к соучастию шофера было просто не нужно. Почте тоже не доверили бы такой документ, не стали бы рисковать даже одним шансом на тысячу. Документ мог быть передан только из рук в руки, а передать его было не так просто. Иванова нам нельзя было отпустить. По своему общественному положению человек гораздо более незаметный, чем его начальник, он, будучи преступником, мог легко ускользнуть. Что касается начальника, Щуровский находился на виду и отлично это понимал. Поэтому я нарочно высказал ему уверенность в том, что документ спрятан у него в квартире, и предупредил о том, что за его домом установлено наблюдение. Как это ни парадоксально, вместо того чтобы спутать все следы, Щуровский старался избегать любых случайных встреч, опасаясь привлечь к себе наше внимание. Поэтому все небольшое, что он делал, стало очень заметным. Обыск, конечно, не дал бы никаких результатов, недаром сам Щуровский так охотно с ним набивался. Открытку мы не нашли. Но если только она была средством извещения, на нее должен был последовать ответ. Вот книги и могли оказаться таким ответом. Но тут даже меня сбило с толку желание Щуровского вернуть их обратно. Он не хотел оставлять у себя никаких улик! Он вообще действовал умно и смело. Открытку он велел бросить Иванову и тем самым заставил его свидетельствовать в свою пользу, хотя сам в то же время ловко набрасывал на Иванова тень подозрения. Щуровский сам при случае указал нам книжный магазин, чтобы мы не стали его искать и в процессе поисков, как это часто случается, не обратили бы на эту явку особого внимания!

Пронин раскрыл записную книжку и принялся рисовать на

листке квадраты, которые он так любил чертить, увлекаясь своими рассуждениями.

— Щуровскому, конечно, был известен способ, посредством которого его оповестили, где и каким образом должна состояться передача документа, — продолжал он. — Но я промучился с этими книгами всю ночь. Просветил переплеты, но в них ничего не оказалось. На одной из страниц нашел чернильное пятно, но оно не поддавалось расшифровке. Я вертел листы и так и сяк, и на свет и против света, когда, наконец, заметил мельчайшее отверстие, наколотое иглой или булавкой. Надколото было слово *mexicana*. Я принялся искать хотя бы еще одно надколотое слово и нашел его в другом томе: ботанический. И то и другое были эпитеты. *Mexicana* относилось к слову *agave*, ботанический — к слову *сад*. Я и прочел этот текст как должно: ботанический сад, мексиканская агава. Остальное понятно. Я знал: если Щуровский поедет в Ботанический сад, моя догадка правильна. Но самого его к агаве я так и не подпустил. Кстати, я поинтересовался, где он прятал документ. Это тоже было неплохо придумано. Он мог и не избежать обыска в квартире. Всю пятидневку он носил документ в своем пиджаке. Никто не подумал бы, что преступник носит бумагу при себе и, кроме того, он мог сделать вид, что во время работы машинально сунул бумагу в карман, сославшись на рассеянность. — Пронин поднял голову. — К сожалению, кому предназначался документ, нам неизвестно. Что же мы будем делать, Виктор? Ждать?

Виктор встал и прошелся по комнате.

— Нет, — сказал он. — Я вас очень уважаю, Иван Николаевич, но мне надоест все ждать да ждать. Может быть, ваш способ хорош, но я буду действовать иначе. И хотя мне очень хочется спать, я отправлюсь обратно в этот цветник и немедленно примусь за поиски!

— Ну желаю успеха, — приветливо сказал Пронин. — А я в данный момент предпочитаю выспаться.

Стакан воды

— Это просто невозможно! — воскликнул Виктор, входя в комнату Пронина и с размаху бросая фуражку на диван. Он вытащил из кармана носовой платок и обтер влажный лоб. — Целый месяц потрачен безрезультатно!

Пронин стоял среди комнаты и внимательно рассматривал брюки из белой рогожки, растягивая обе штанины.

— Как ты думаешь? — спросил он вместо ответа вошедшему. — Прилично выглядят брюки или не годятся?

Виктор с грохотом придвинул к себе стул, сел на него верхом, оперся подбородком на спинку стула и обнял ее руками.

— Целый месяц изучаю я этих четырех людей, а для чего? — спросил он с досадой. — Я не писатель, чтобы интересоваться людьми вообще А специального интереса люди эти не представляют.

— У тебя не найдутся лишние трусы? — озабоченно спросил Пронин, осторожно расправляя брюки по складкам. — А то Агаша считает, что в моем возрасте неприлично ходить в столь легкомысленном костюме, и все трусы исчезли из моего гардероба.

— Иван Николаевич! — воскликнул Виктор. — Я серьезно говорю. Ни рабочие, ни садовник, ни эта злосчастная студентка не могли похитить конверт. Я в этом убедился. Я пришел к вам поделиться своими неприятностями, за советом, за помощью, а вместо этого

— Вот и я хочу поделиться с тобой своими неприятностями, — возразил Пронин. — Агаша мои трусы пустила на тряпки, пыль вытирать. Как это тебе нравится?

— Нет, это действительно невозможно! — воскликнул Виктор, вставая. — С вами о деле, а вы издеваетесь. Я лучше уйду.

Пронин положил брюки на валик дивана и подошел к раскрытому окну.

— Ты, безусловно, утомился, — сказал он, перегибаясь через подоконник. — Взгляни, какая погода! Солнце, камни, точно раскаленные, ни ветерка, ни облачка Лиловая тучка на горизонте не в счет, все равно дождик не выпадет. Тебе надо отдохнуть, полечить нервы. А как хорошо сейчас за городом, где — нибуьд у реки. Травка, песочек, по травке какие — нибуьд козявки ползают, по воде жуки — плавунцы шныряют

— Иван Николаевич, я вас прошу всерьез! — Виктор схватил фуражку. — Или вы будете говорить по — человечески, или я уйду.

— Ну — ну, не горячись — Пронин подошел к Виктору и мягко отнял у него фуражку. — Вот именно я рассуждаю с тобой по — человечески. В течение месяца ты изучал людей, вызвавших у тебя какие — то подозрения. Правильно ты поступил? Правильно. Ты убедился, что они честные советские люди? Так чего же досадовать? Тем лучше! Ты не знаешь, что делать дальше? Так на это есть только один ответ. Значит, человек устал, переутомился, и ему надо отдохнуть. Отдохнешь, соберешься с мыслями и сразу поймешь, что делать дальше. Вот об этом я и позаботился. Поедем к морю, к солнцу, пожаримся,купаемся, поваляемся на песочке, загорим

— Да вы смеетесь, Иван Николаевич! — сказал Виктор. — Оно, конечно, неплохо. Но бросать дело на подороге

— Эх, милый! — рассудительно сказал Пронин. — Болезнь почему — то всегда застает нас на подороге, и наша задача не дать ей себя догнать, Поэтому я вовсе не шучу, когда говори тебе о юге. Мы с тобой едем к морю, и не дальше как сегодня. Билеты у меня в кармане, поезд отходит в семь тридцать, и тебе дается лишь четыре часа на укладку в чемодан тапочек и зубной щетки. В шесть часов, не позже, ты заедешь за мной.

— Воля ваша, Иван Николаевич, а я не поеду, — сказал Виктор и решительно замотал головой. — Спасибо за хлопоты, но я останусь работать.

Но тут Пронин вдруг посерьезнел, и глаза его сердито блеснули.

— Довольно разговоров, товарищ Железное, — сказал он. — Пока еще я твой начальник? Так я тебе приказываю. Ты будешь меня сопровождать.

— Но, Иван Николаевич

— Я не шучу. В шесть часов ты заедешь за мной. Форма одежды — штатская. Можешь идти.

И тень задумчивости вновь сошла с лица Пронина.

Виктор озадаченно посмотрел на Ивана Николаевича, раздумывая еще — шутит тот или не шутит, потом схватил фуражку,

сердито нахлобучил ее на голову и щелкнул каблуками.

— Есть, товарищ начальник! — буркнул он сквозь стиснутые зубы, еле сдерживая клокочущее внутри его возмущение. — Можно идти?

И, не дожидаясь ответа, сделал пол — оборота и вышел.

Но в шесть часов, минута в минуту, он постучал в эту же дверь

Пронин был готов. В светлом сером костюме, мягкой фетровой шляпе, коричневых ботинках, с пальто, перекинутым через руку, он и впрямь выглядел человеком, с удовольствием отправляющимся в увеселительную поездку.

— Машина подана, товарищ начальник, — сухо доложил Виктор, продолжая еще сердиться на Ивана Николаевича.

— Брось, брось! — добродушно сказал Пронин. — Перестань дуться и зови меня просто Иван Николаевич. Усвой: это тоже приказание. В душе ты меня можешь ненавидеть, а обращаться прошу нежно. Мы ведь отдыхать едем. Понятно?

— Хорошо, товарищ

— Виктор!

— Хорошо, — угрюмо повторил тот, извлек откуда — то из — за спины сверток и положил его на краешек стула.

Пронин удивленно посмотрел на сверток.

— Что это?

— Трусы, — мрачно сказал Виктор и потянул чемодан из рук Пронина. — Давайте.

— Вот спасибо! — воскликнул Пронин, уступая чемодан Виктору. — Будь другом до конца, сунь их куда — нибудь

Они распрощались с Агашей и спустились на улицу.

— На Якиманку, — сказал Пронин шоферу. Виктор

вопросительно взглянул на Ивана Николаевича.

— Я забыл тебя предупредить, что мы едем втроем, — объяснял тот. — У нас будет еще один спутник

На Якиманке он велел остановиться возле старого и косого двухэтажного дома с облезшей штукатуркой.

— Подожди меня, — сказал Пронин и скрылся в воротах.

Виктор с интересом ожидал появления загадочного спутника и нетерпеливо посматривал на часы. Прошло пять минут, десять, пятнадцать, полчаса, но Пронин все не шел. Наконец, он появился, ведя с собой собаку!

Это была низкорослая кривоногая коричневая такса с обвисшими старческими губами и маленькими блестящими глазками.

Натягивая повод, такса семенила прямо к машине, точно заранее знала, что этот экипаж приехал за ней.

Иван Николаевич подхватил собаку, влез в машину и посадил ее между собой и Виктором.

— Вот и наш спутник, — сказал Пронин. — Прошу любить и жаловать. Зовут его Чейн. Это очень умная и хорошая такса, которая вместе с нами будет купаться в соленой воде и греться под южным солнцем.

Чейн лежал на сиденье, равнодушно свесив губы, точно речь шла совсем не о нем.

— Что это значит? — воскликнул Виктор. — Откуда взялся этот Чейн и зачем вы его везете?

— Не волнуйся, — сказал Пронин. — Дело обстоит очень просто. Владелец Чейна находится на юге. Он просил меня оказать ему услугу и привезти собаку.

В поезде Пронин сразу подружился со своими спутниками по купе — какими-то инженерами, едущими на курорт, и всю дорогу играл с ними в карты, прерывая это занятие лишь для того, чтобы поесть, поспать или погулять на больших остановках с Чейном.

Виктор держался сторонним наблюдателем. Но постепенно он заинтересовался: сперва картами, —Пронин играл с инженерами и в преферанс, и в железку, и в покер, и, к удивлению Виктора, умудрялся не оставаться в проигрыше; затем стал смотреть, как Пронин прогуливается с Чейном, и со злорадством наслаждался в Харькове зрелищем, когда Чейн устроился гадить посреди перрона на самом людном месте, а Иван Николаевич с каменным лицом глядел куда — то в сторону.

— Представляю себе, как вам было приятно, — не без язвительности посочувствовал ему Виктор, когда Пронин вернулся в купе.

— Видишь ли, разведчик должен уметь сочинять стихи, решать логарифмы, играть в карты, прогуливать собак и уважать старших, — ответил тот, оставшись наедине с Виктором. — Хотя некоторые из нас владеют далеко не всеми из перечисленных качеств.

Но в общем Чейн вел себя превосходно. Он спал в ногах у Пронина, во время обеда терпеливо ждал, когда ему дадут его порцию, ни к кому не приставал и часами сосредоточенно размышлял о каких — то своих собачьих делах.

Однако мало — помалу Виктор втянулся в общие разговоры, принялся даже учиться играть в карты, и только не удалось уговорить его прогуляться с Чейном.

Юг чувствовался все сильнее. Солнце пекло жарче, чаще хотелось пить, и пыль все гуще и гуще застилала оконное стекло.

По приезде Пронин оставил Виктора с чемоданами и с собакой в вокзале.

— Я отлучусь на четверть часа, — сказал Иван Николаевич. — Выясню, приготовлена ли комната, и вызову машину.

Но пропадал он около двух часов и, вернувшись и не найдя Виктора в помещении, не сразу отыскал его на пыльной площади за вокзалом.

Виктор мрачно сидел на камешке за высокой клумбой с яркими алыми цветами, перед ним валялись в пыли чемоданы и лежал с высунутым языком Чейн.

— Чтоб черт забрал вашу отвратительную собаку! — сердито

проговорил Виктор. — Видите, куда я был вынужден из—за нее забраться?

— А что случилось? — участливо полюбопытствовал Пронин.

— А то, что она так скулила

— Скучала обо мне? — высказал предположение Пронин. — Животные быстро привязываются к тем, кто хорошо к ним относится

— Если бы о вас! — Виктор со злобой посмотрел на Чейна. — Ему просто хотелось опорожнить мочевой пузырь! Не успели мы выйти из здания, как он напустил такую лужу

— Правильно поступил, — кротко одобрил его Пронин. — Ты должен был сообразить, что собаке требуется совершить прогулку. А еще смеялся надо мной

— Но я вовсе не хочу, чтобы надо мной тоже смеялись! — не унимался Виктор. — Вы посмотрели бы, каково было мне тащиться с этим псом и чемоданами

— Но за то я тебя вознагражу, — утешил его Пронин. — Машина здесь, комната готова, и даже обещаю не брать Чейна на пляж, чтобы не портить тебе настроение.

Они уложили в автомобиль вещи, сели и покинули привокзальную площадь.

Машина понеслась мимо низких городских домиков, по узким и пыльным улицам, свернула к горам, выехала на шоссе и по извилистой дороге полетела вниз, вниз, к морю, к зелени, посреди которой мелькали нарядные здания санаториев.

На краю поселка, в тенистой аллее пышных каштанов находился небольшой рыженький дом, обвитый диким виноградом.

Шофер промчался по аллее и резко затормозил у дома.

— Приехали! — с удовольствием произнес Пронин, спрыгивая вместе с Чейном на землю.

Озабоченная хозяйка провела приезжих в светлую веселую

комнату. Вдоль стен стояли две кровати, покрытые голубыми тканьевыми одеялами. Стол был застлан белой клеенкой. Вместо стульев были расставлены табуретки, выкрашенные белой краской. Окна выходили прямо на море. В комнате пахло свежими стружками, как пахнет обычно в деревенской столярной мастерской.

— Вы с собакой, — огорченно сказала хозяйка. — А она не будет — хозяйка подыскивала слово поделикатнее, — сорить?

Виктор радостно заулыбался.

— Будет, будет! — утешил он ее. — Обязательно.

— Неправда, — сказал Пронин. — Чейн — дисциплинированный пес. Он чистоплотен и молчалив и никому не доставляет неприятностей.

Но Чейн не прислушивался к тому, что о нем говорят. Он деловито обнюхал все углы, заглянул в приотворенный платяной шкаф, почесался, вспрыгнул на одну из постелей и невозмутимо растянулся на чистом голубом одеяле.

— Вот видите! — испуганно сказала хозяйка и метнулась было к кровати.

— Ничего. — Пронин остановил ее за руку. — Привычка. Вот уже десять лет Чейн спит у меня в ногах.

Но скоро хозяйка даже привыкла к Чейну и сама принесла ему на блюдечке хлеб, размоченный в молоке.

Однако, когда Иван Николаевич и Виктор собрались на пляж, Пронин действительно, как и обещал, не взял с собой Чейна, а, наоборот, запер и дверь, и окна, чтобы пес как —нибудь случайно не убежал.

Началась мирная жизнь. По утрам Иван Николаевич и Виктор купались, загорали, возвращались домой завтракать, опять отправлялись на море, обедали, спали. Это был настоящий здоровый отдых.

Раза два только уходил Иван Николаевич в городок — поискать владельца Чейна, как он говорил. Но отлучки эти были столь

кратковременны, что даже Виктор почти не обратил на них внимания.

Лишь на седьмой день за обедом Пронин нарушил безмятежное спокойствие Виктора.

— Есть для тебя поручение, — сказал Иван Николаевич. — Ты видел киоск мороженщика на пляже, пониже гостиницы?

— Да, — сказал Виктор, прихлебывая компот. — Сходить за мороженым?

— Позже, — сказал Пронин. — Мы пойдем туда часам к шести. В это время там встретятся два человека. На того, который будет в военной форме, можешь не обращать внимания, а вот другим прошу заинтересоваться и запечатлеть его в памяти.

— Иван Николаевич! — Виктор так стремительно отодвинул от себя блюдечко, что забрызгал скатерть. — Значит, мы приехали все — таки работать?

— Спокойнее, — сказал Пронин. — Просто некоторые наблюдения на отдыхе

Но Виктору больше ничего не нужно было говорить. Он оживился, послеобеденную сонливость с него как рукой сняло, и он даже принялся возиться с Чейном, чем вызвал немалое удивление со стороны последнего.

К киоску Виктор и Пронин пошли порознь. Перекинув через плечо полотенце, Виктор отправился низом, по пляжу. Он расположился на песке, почти у самого киоска, лег и принялся беспечно загорать, притворяясь совсем разморенным от солнца. Пронин же, взяв спасательницу — газету, уселся поодаль на пригорке, на скамеечке, в виду киоска, прикрываясь тем самым листом бумаги, к помощи которого издавна прибегали сотни опытных и неопытных детективов.

К киоску подходили отдыхающие, покупали мороженое, но они не привлекали внимания Пронина. Тот, кто его интересовал, был аккуратен и подошел около шести часов. Он купил мороженое, но не отошел от киоска, а тут же остановился и принялся лениво ковырять в бумажном стаканчике деревянной ложечкой. Это был высокий крепкий человек с умным молодежьим лицом, небрежно

посматривающий на прохожих проницательными голубыми глазами. Чуть позже к киоску подошел второй из тех, кого ожидал Пронин, в военной форме с птичками на рукавах и петлицах. Он тоже был строен, хоть и не очень высок, но рядом с незнакомцем в штатском он сильно проигрывал и казался щуплым и развинченным.

Военный тоже купил мороженое. Незнакомец в штатском мельком взглянул на подошедшего, будто нехотя сделал шаг в его сторону, что — то сказал, и вдруг оба они засмеялись и неторопливо пошли вдоль пляжа.

Иван Николаевич подумал, что Виктор сейчас сорвется, устремится вслед за ними, но Виктор не сдвинулся с места, и Пронин мысленно его похвалил.

Встретились они дома.

— Запомнил? — спросил Пронин и, не дожидаясь ответа, сказал: — С завтрашнего дня ты будешь гулять и купаться вместе с этим человеком. Ты знаешь дом отдыха, находящийся на горе? Так он живет в этом доме. Ты должен ему понравиться и проводить с ним побольше времени. Но берегись ему надоест или, чего доброго, вызвать в нем подозрения. Ни в коем случае не покажись навязчивым. В остальном твой образ жизни остается без изменений. Купайся, загорай, ешь, спи и набирайся сил

Утром Виктор встретился с незнакомцем на пляже. Тот ничего не сказал, и Виктор ничего не сказал. Незнакомец бросился в воду, и Виктор бросился в воду. Незнакомец уплыл в море на полкилометра, и Виктор уплыл в море на полкилометра.

— А вы неплохо плаваете, — сказал незнакомец, покачиваясь рядом с Виктором на волнах.

— Пожалуй, за вами не угонюсь, — сказал Виктор, с искренним уважением поглядывая на пловца.

— А ну! — воскликнул незнакомец. — Попробуем! Он повернул к берегу, но поплыл не к песчаному пляжу, а к обрывистым скалам, выступающим из воды. Виктор с трудом догнал незнакомца.

— Полезли! — воскликнул тот, влезая на камни и карабкаясь по скользким скалам.

Виктор ухватился рукой за камень и закричал из воды:

— Бросьте! Легко сорваться! Разобьетесь! Незнакомец все —
таки взобрался на скалу

Он понравился Виктору своей ловкостью и силой, и на другой день они еще дальше уплыли в море и потом у берега незнакомец вновь удивлял Виктора своей ловкостью; на третий день повторилось то же, и Виктор видел, что рассказы о таком бесцельном времяпровождении почему — то доставляют Ивану Николаевичу удовольствие.

Всего лишь еще один раз незнакомец встретился на пляже все с тем же военным. Они посидели рядышком на песочке и разошлись, и с тех пор Виктор больше этого военного не видел.

Сам Пронин гулял больше пешочком по окрестностям и почти не спускался к морю. Только однажды он удивил Виктора, рассказав о прогулке по морю на моторной лодке, потому что Пронин недолюбливал моторки и обычно предпочитал прогулки в весельных лодках.

Один Чейн безвыходно сидел дома под присмотром хозяйки. Казалось, пес искренно привязался к Пронину, но тот не отпускал Чейна с Виктором на пляж и не брал его с собой на прогулки.

В выходной день Иван Николаевич не отпустил Виктора после обеда к морю.

— Выспись, — сказал Пронин. — Вечером предстоит работа.

— Я все равно не засну, — сказал Виктор. — Я лучше выкупаюсь.

— Ты что — то много стал в последнее время рассуждать, — сказал Пронин. — Ложись и спи.

Они легли на кровати. Обоим не спалось. Но Пронин молчал. Виктор ворочался, вздыхал, снова ворочался. Пронин упрямо молчал. Тогда Виктор начало клонить в сон

Пронин разбудил его в сумерках.

— Пойдем, освежимся, — сказал он.

Они сходили к морю, окунулись, вернулись домой, поужинали.

Стало совсем темно.

— Пора, — сказал Пронин.

Он прицепил сворку к ошейнику Чейна.

— Разве Чейн пойдет с нами? — удивился Виктор.

— Да, — подтвердил Пронин. — Пришло время и ему вступить в дело.

Они втроем вышли из дома. Землю окутывала теплая южная ночь. В кустах звенели цикады. В черном бархатном небе мерцали звезды. Глухо шумело море. Сквозь зелень из домов отдыха доносились голоса и звяканье посуды.

— Куда мы идем? — спросил Виктор.

— Мы идем в военно — летную школу, — сказал Пронин. — Она находится отсюда километрах в пяти. Думаю, твой новый знакомый уже отправился туда.

— А мы не опоздаем? — озабоченно спросил Виктор.

— Нет, он отправился туда вплавь, — объяснил Пронин. — Поэтому, как тихо ни идти, все равно мы придем вовремя.

Они вышли на шоссе. Каменистая дорога едва серела во мраке. Шум поселка как — то сразу растаял в ночи, и слышнее стало море. Оно стеноло и ухало так же однообразно и монотонно, как вчера, как тысячу лет назад. С моря подул ветерок

— За дорогу я расскажу тебе, за кем мы охотимся, — сказал Пронин, удерживая Чейна на сворке. — Когда в Ботаническом саду на глазах у тебя унесли конверт и ты ничего не заметил, было естественно заподозрить всех, кто находился поблизости от агавы. Ты занялся четырьмя людьми, и, признаюсь, я тоже поинтересовался ими. Но они не возбудили во мне подозрений. В твоей исполнительности и точности я не сомневался. Было очевидно, что конверт похищен или ночью, или утром, до открытия сада для публики. Тогда я принялся присматриваться ко всем сотрудникам Ботанического сада. Все это были честные люди и добросовестные

работники. Но как-то в саду на глаза мне попала собака В разговоре со мной ты обмолвился, что ни одна собака не приближалась к агаве. А что, если это действительно была собака, подумал я. Тогда я обратил внимание на сотрудников, имеющих собак, и мое внимание привлек живший тут же при саде, в одном из служебных помещений, садовник Коробкин, владелец чрезвычайно дисциплинированной и умной таксы. Несколько странно только звучала его фамилия в сочетании с иноземной кличкой собаки

Виктор схватил Пронина за руку.

— Так значит моим противником был

— Чейн, — подтвердил Пронин — Ты приглядишься к нему только

— А ведь действительно! — восхищенно воскликнул Виктор. — Он бежит рядом и совсем теряется в темноте!

— Чейн удивительно слушался своего хозяина, — продолжал Пронин. — Такса была вымуштрована как хорошая овчарка. И тут мне вспомнилась другая собака, которую мне когда-то пришлось застрелить. Та тоже была необыкновенно умна и дисциплинирована. В обоих случаях это был высший класс дрессировки. Что я мог сделать? Чейн не отходил от хозяина. Тогда я принялся наблюдать за Коробкиным. Он был культурнее и умнее других садовников. Но образ жизни его был прост и безупречен. С присущим мне педантизмом я не оставлял за ним наблюдения. В один прекрасный день Коробкин отправил телеграмму на юг, в этот самый городок, в военно-летную школу, какому-то Авдееву. "Семнадцатого день рождения Люси не забудьте поздравить". В этой телеграмме не было ничего особенного. Мало ли у кого бывают общие знакомые! Но одновременно мне стало известно, что Коробкин собирается в отпуск и получил путевку в дом отдыха в этот же городок. Уехать он должен был пятнадцатого, а приехать, следовательно, семнадцатого

Я решил ехать вслед за ним. На юге собака была бы Коробкину только обузой, и на время отъезда он поручил одной из сотрудниц сада присматривать за Чейном. Ну а нам Чейн мог сослужить службу. Я заехал к этой сотруднице, сказал, что мы едем с Коробкиным вместе, что он передумал, решил взять Чейна с собой, просил меня заехать за собакой, и в подтверждение показал ей железнодорожный

билет. Часом позже Коробкина со следующим поездом выехали на юг и мы Приехав сюда, нетрудно было убедиться, что Коробкин проследовал прямо в дом отдыха Что касается Авдеева, он служит в военно – летной школе бортмехаником. Раньше он работал техником на заводе. Это был легкомысленный мальчишка, неутомимый посетитель и устроитель всевозможных вечеринок, пьяница и ловелас. На заводе его называли пижоном. У него были подозрительные знакомства, он не отличался чистоплотностью в отношениях с людьми, сорил деньгами. Прилежанием он тоже не отличался, и создалась обстановка, при которой ему надо, было уйти с завода Но все это выяснилось только теперь. На заводе он все же получил удовлетворительную характеристику, его приняли в военно – летную школу, и в школе он сумел прикинуться добросовестным и хорошим парнем На следующий день по приезде Коробкина Авдеев получил открытку: "Федя! Приходите завтра на пляж. Буду ждать вас в шесть часов возле киоска с мороженым. Люся". Кто явился на это свидание, тебе известно. Меня интересовало другое: встречались ли они друг с другом прежде. Судя по тому, как встретились, не встречались. Надо полагать, что Авдеев был завербован кем – то другим. Вероятно, Авдеев знал только, что, когда в нем явится надобность, его известят от имени пресловутой Люси. Что могло понадобиться Коробкину от Авдеева? Чертежи? Но ни к каким чертежам Авдеев не имел доступа. Диверсия? Что – нибудь взорвать или сжечь?.. Бессмысленно! В руках у Коробкина находился важнейший документ, владея которым, он мог стремиться только скорее перебраться через границу. Ему нужен был самолет

– Нет, это уж слишком! – воскликнул Виктор. – Как это возможно?

– Для такого человека, как Коробкин, возможно многое, – сказал Пронин. – Авдееву он и поручил подготовить похищение самолета. Я побывал в школе. Она превосходно охраняется, и постороннему невозможно попасть туда без специального разрешения. Со своими зданиями и аэродромом школа расположена на большом пространстве, часть которого в виде отвесного мыса выдается в море. Я обследовал все побережье, объехав его на моторке. Мыс – единственное место, которое не охраняется, потому что без помощи сверху подняться по отвесной каменной стене невозможно.

У Виктора перехватило дыхание от волнения.

— Так вот для чего он лазил по скалам! — воскликнул он. — И вы думаете, что сегодня

— Помощь будет оказана, — досказал Пронин. — Сегодня Коробкин получил местную телеграмму. Телеграмма была сдана каким-то военным, хотя в ней опять фигурирует Люся. "Люся приедет вечером двадцать четвертого встречайте" — значилось в ней. Сегодня вечером Коробкин очутится на территории школы

— И что же произойдет дальше? — нетерпеливо спросил Виктор.

— Что произойдет дальше, нам еще только предстоит узнать, — объяснил Пронин. — И в этом нам поможет Чейн.

— Но почему было не арестовать Коробкина в Москве? — спросил Виктор.

— За что? — ответил Пронин. — Не пойман — не вор. За то, что он похитил конверт с ничего не значащей бумажкой? Он мог бы преспокойно сказать, что нашел его на дорожке, и это было бы близко к истине. Нет. мы захватим этого человека с поличным

— Еще один вопрос, Иван Николаевич, — сказал Виктор. — Разрешите?

— Давай — давай, — поощрительно отозвался Пронин. — Пускай у нас сегодня будет вечер вопросов

— И ответов, — усмехнулся Виктор. — Я вот что хочу вас спросить. Коробкин ведь уверен в том, что владеет подлинным документом. Для чего ему так рисковать? Связь с Авдеевым, которого он не знает и в котором не может быть вполне уверен, более чем рискованная игра с похищением самолета. Мне кажется, было бы умней просто поскорее перемахнуть границу?

— Это верно, что умнее, — согласился Пронин. — Да не так просто. К сожалению, — к его сожалению, разумеется, у Коробкина не оставалось другого пути, кроме избранного. Как только пропажу обнаружили, были приняты чрезвычайные меры. И сухопутные, и морские границы для похитителя были закрыты, его взяли бы на

любом участке границы. Он это понимал, знал, с кем имеет дело. Оставался единственный путь — по воздуху. Хотелось ему этого или не хотелось, приходилось рискнуть. Но на то он и профессионал. Кроме того, он очень уверен в себе. Я бы сказал — самоуверен. Диалектика, ничего не поделаешь, — вот тебе пример, когда положительное качество превращается в свою противоположность. Но в общем, с профессиональной точки зрения, все задумано и осуществлено очень тонко. Но, как говорится, где тонко, там и рвется

Впереди мелькнули огни.

— Вот и школа, — сказал Пронин. Они подошли к воротам, над которыми горела электрическая лампочка. В проходной будке им преградил дорогу часовой. Пронин назвал себя, дежурный позвонил по телефону в штаб и затем сам проводил пришедших к начальнику школы.

Начальник школы стоял у стола в своем кабинете, здесь же находились начальник штаба и комиссар. Казалось, они собрались в служебное время на деловое совещание; трудно было представить, что сейчас глубокая ночь, все в школе спят, и люди собрались здесь в неурочное время

Они ждали Пронина. Они уже раньше виделись с ним и встретили его как старого знакомого.

— Долгонько, — шутливо сказал начальник школы.

— Время еще есть, — в тон ему отозвался Пронин с порога. Он поднял Чейна и, прижав к себе собаку рукою, обошел всех и поздоровался. Затем он представил Виктора.

— Авдеев не покидал школу? — спросил Пронин, проверяя себя.

— Вечером заходил в клуб, — подтвердил комиссар.

Чейн с любопытством рассматривал незнакомых людей, не делая попыток вырваться из рук Пронина.

— А это что за уродец? — пренебрежительно спросил комиссар.

Пронин улыбнулся.

— Вы напрасно нас обижаете. Таксы — хорошие охотничьи собаки. Мы охотимся на лис и на барсуков, и даже на медведей. А иногда выполняем и более сложные обязанности.

Начальник школы взглянул на часы.

— Вероятно, час? — спросил Пронин. — Не спешите. У нас еще много времени.

— Вы пойдете вдвоем? — осведомился начальник школы.

— О нет, ваше общество нам нисколько не помешает, — любезно пояснил Пронин. — Пожалуй, можно потихоньку двинуться. Думаю, он уже здесь.

Все вышли на крыльцо, спустились по бетонным ступенькам на землю и сразу погрузились в темноту.

— Чудесная ночь, — сказал Пронин. — Вы не находите?

— Да, — согласился начальник школы. — Завтра будет летная погода.

Начальник школы шел впереди, указывая дорогу. Рядом с ним шел Пронин, прижимая к себе Чейна. Комиссар, начальник штаба и Виктор шли чуть поодаль и негромко разговаривали. Идти было сравнительно далеко, но Пронин не торопился, и все соразмеряли шаги по нему.

Глухо шумело море. Слышно было, как с тупым упрямством бьется о скалы морской прибой. В небе гасли звезды. Воздух был душен.

Вышли на мыс. Дошли до обрыва, отвесно падающего в воду. Пронин подошел почти к самому краю и спустил Чейна на землю, крепко придерживая конец сворки.

Он потрепал собаку по морде:

— Чейн, голубчик, ищи, ищи, шерш, шерш! Будь умницей

Чейн ринулся куда — то в темноту и вернулся к ногам Пронина.

— Ищи, ищи, — приговаривал тот. — Шерш!

Он медленно повел Чейна вдоль самой кромки обрыва

Спутники Пронина в томительном ожидании терпеливо шли сзади.

Вдруг Чейн рванулся и точно провалился во мрак. Пронин потянул сворку и поскользнулся. В скале была выемка, берег здесь образовывал как бы складку.

— Осторожнее! — крикнул начальник школы с опозданием.

Но Пронин сумел удержаться и спустился в выемку вслед за Чейном. Собака стояла в каменной щели и к чему-то принюхивалась. Пронин присел на корточки рядом с Чейном. В расщелине лежал скатанный жгутом канат. Чейн не отходил от жгута. Он все что-то нюхал, нюхал

— Рискованная акробатика — подняться сюда снизу, — пробормотал Пронин. — В такой темноте немудрено сломать шею.

Он погладил собаку и тихо похвалил:

— Молодец.

Пронин полез в карман, достал завернутый в бумагу носовой платок, полученный им от кастелянши дома отдыха из грязного белья, отданного в стирку отдыхающим Коробкиным.

Развернул платок, поднес к морде Чейна.

— Узнаешь, Чейн?

Чейн завилял хвостом.

Пронин скомкал платок и незаметно бросил его вниз.

— Ищи, Чейн!

Чейн в нерешительности посматривал и вниз, и вверх

— Ищи, Чейн! — повторил Пронин и подтолкнул собаку кверху.

Тогда Чейн точно решился и вдруг засеменял куда-то в темноту, и Пронин побежал за ним, держась за натянутую сворку.

— Куда вы? — крикнул начальник школы, еле различая Пронина во мраке.

— Не отставайте! — отозвался Пронин, исчезая где-то впереди.

Так они — впереди Чейн, за ним Пронин, а позади остальные, — пробежали весь мыс, отошли от берега, перевалили через холм в долину, пробежали мимо клуба

Чейн замедлил бег.

— Ищи, Чейн, ищи, — приговаривал Пронин. — Шерш!

Они прошли мимо общежитий, мимо столовой. Чейн искал, потом устремился к небольшому возвышению

— Это колодец, — сказал за спиной Пронина голос начальника школы.

— Собака просто хочет пить, — сказал комиссар, нагоняя Пронина.

— Нет, собака ищет своего хозяина, — упрямо сказал Пронин.

— Не бросился же он в колодец! — сказал комиссар.

Чейн действительно подбежал к колодцу и остановился.

— Что тебе, Чейн? — ласково спросил Пронин.

Чейн обежал вокруг колодца и принялся скрести лапами

Пронин наклонился и пощарил рукой по бетонированной поверхности.

— Что за черт? — сказал он и позвал Виктора. — Виктор, дай — ка фонарь!

Он взял электрический фонарик, засветил его и склонился к

Чейну, освещая его лапы.

Возле колодца в лужице воды валялись мельчайшие осколки стекла.

— Ну, этого не ожидал даже я, — пробормотал Пронин

Он поднес осколочек к глазам.

— Виктор! — позвал Пронин. — Ты видишь?

Он указал на валяющиеся осколки. Виктор наклонился над ними.

— Что? — спросил он.

— Да осколки, осколки, — нетерпеливо сказал Пронин.

— Ну и что? — спросил Виктор с недоумением.

— Да ведь это же ампулы, ампулы! — воскликнул Пронин. — Ты понимаешь!

Виктор задохнулся

— Объясни им —
Пронин кивнул в сторону своих спутников и опять наклонился к Чейну. — Молодец, Чейн! Ищи, ищи

Он опять подтолкнул собаку:

— Шерш!

Чейн снова закружился у колодца.

— Ну ищи же, Чейн! — настойчиво сказал Пронин. — Дальше, дальше

И Чейн точно понял Пронина, отошел от колодца и побежал в сторону.

Они снова пошли — мимо столовой, мимо кухни, куда — то опять в пустоту

Вдали, у самого горизонта небо точно побелело. Предрассветный сизый сумрак стлался по земле. В воздухе пахло сыростью. Совсем далеко, где — то за холмами, не запела, а застонала первая проснувшаяся птица.

— Скоро рассветет, — сказал начальник школы. — Все пойдут за водой, у нас один колодец. Я поставлю часового.

— Ладно, — нетерпеливо сказал Пронин и кивком указал на Чейна. — Куда он идет?

— Должно быть, на аэродром, — ответил сбоку голос начальника штаба

Чейн и вправду привел их на аэродром.

К ним подбежал часовой, увидел начальника школы и отошел обратно.

Чейн бежал вдоль холодных молчаливых машин, вдруг останавливался, взглядывал своими черными глазками на какой — нибудь самолет, встряхивал головой и устремлялся дальше.

К пришедшим подбежал дежурный.

— Отставить рапорт! — отрывисто крикнул ему начальник школы.

Чейн вдруг остановился опять, постоял и точно решил не идти дальше.

— Новая машина, — сказал начальник школы. — К нам прислали две новые машины. Почему он здесь остановился?

— Потому и остановился, — сказал Пронин. — На этой машине бортмеханик — Авдеев?

— Да, — сказал начальник школы. — Но почему вы это знаете?

— Давайте говорить о чем — нибудь постороннем, — вполголоса предложил Пронин. — Вызовите сюда несколько проверенных командиров и позовите Авдеева.

Начальник школы повернулся к дежурному и назвал несколько фамилий.

— И позовите Авдеева, — добавил он. — Скорее! Дежурный побежал

Чейн натягивал сворку. Пронин чуть отпустил ее, и Чейн завертелся вокруг самолета. Он вдруг подскочил, скребнул когтями по металлической обшивке и звонко — звонко залаял.

— Тихо, тихо, — сказал Пронин и силком оттащил Чейна от самолета.

Командиры бежали по полю Авдеев подошел к начальнику школы.

— Явился по вашему приказанию, товарищ начальник школы!

— Скажите, — обратился Пронин к Авдееву, — кто у вас там спрятан в самолете?

Авдеев не шелохнулся, и сизый рассвет помешал рассмотреть, изменился ли он в лице.

— Никого, — сказал он. — Никого, — повторил он еще раз.

Неожиданно Пронин нагнулся к Чейну и отстегнул сворку от ошейника.

Чейн стремглав бросился к самолету, подпрыгнул и пронзительно залаял.

— Будьте добры, посмотрите, пожалуйста, — обратился Пронин к начальнику школы. — Где он там мог спрятаться?

Начальник школы подошел к самолету, прошелся вдоль машины, остановился возле лающего Чейна, повозился у обшивки, быстро отдернул какую-то дверцу, и все увидели торчащие изнутри сапоги.

Сапоги не двигались.

— Эй вы! — закричал Пронин. — Вылезайте! Слышите? Деваться все равно некуда! Не заставляйте тащить вас за ноги!

Сапоги пошевелились, высунулись наружу, потом появилось туловище, и на землю спрыгнул тот самый высокий и ловкий незнакомец, с которым Виктор плавал в море. Он был в форме

летчика, и одежда была ему не совсем по плечу.

— Бортмеханик, оказывается, к тому же неплохой каптенармус, — заметил Пронин. — Кто-то сегодня не досчитается у себя обмундирования

Чейн подпрыгнул и с радостным визгом бросился к незнакомцу, пытаясь лизнуть его Тот выпрямился, сжал губы и ударом ноги отшвырнул Чейна в сторону.

— Держите, держите его! — воскликнул Пронин. — Это опасная

Он не договорил.

Командиры схватили незнакомца за руки. Виктор осмотрел его.

— Два револьвера, — доложил он Пронину, показывая оружие.

— Немного, — сказал Пронин и усмехнулся. — Но в хороших руках

Ему опять помешали договорить. Все услышали тоненький и жалобный протяжный звук. Точно плакал ребенок или скулил щенок. Пронин и начальник школы невольно обернулись, затем взглянули друг на друга и улыбнулись. Прижавшись лицом к обшивке самолета, стоял Авдеев и плакал.

Начальник школы подошел к Пронину.

— Товарищ майор, что будем делать дальше?

— А кто командир этой машины? — спросил Пронин.

— Товарищ Стешенко! — вызвал начальник школы одного из командиров.

Коренастый насупленный Стешенко подошел к Пронину.

— Здравствуйте, товарищ Стешенко, — сказал Пронин. — Вы понимаете, что вам грозило? Вы поднялись бы сегодня на своей машине, и в воздухе ваш бортмеханик прехладнокровно бы вас убил, а ваш непрошенный пассажир занял бы ваше место. Он знает так много, что, надо полагать, знаком и с авиацией. Угнали бы они машину или не угнали, это еще неизвестно. Но, ежели бы угнали, была бы разглашена военная тайна, а вас, хорошего боевого летчика, посчитали бы изменником и перебежчиком. Вам понятно, товарищ

Стешенко?

Стешенко молчал.

Все внимательно прислушивались к словам Пронина.

— Пойдемте в штаб, — просто сказал он. — Надо с этим заканчивать

Он неопределенно повел рукой в воздухе.

Все гурьбой пошли по аэродрому, окружив незнакомца и Авдеева.

Незаметно рассвело. Розовые полосы побежали по небу. Щебетали невидимые птицы. Начинался день.

— Часовые у колодца поставлены, — нервничая, сказал начальник школы. — Надо вызвать бактериологов и сделать обеззаражение.

— Сейчас мы посоветуемся, — ответил Пронин и добавил громко, так, чтобы слова его донеслись до незнакомца, — а пока пусть часовые никого не подпускают к колодцу.

Незнакомца и Авдеева подвели к зданию штаба, ввели в комнату.

— Садитесь, — сказал Пронин незнакомцу. Тот сел.

— Вы скажете нам, кто вы такой? — спросил Пронин.

— Нет, — сказал незнакомец.

Вдруг солнце брызнуло сквозь стекла, заиграло на стенах и осветило моложавое и почему-то знакомое Пронину лицо

— Подождите — подождите! — воскликнул Пронин. — Мы же с вами встречались

И ему вспомнился голодный Питер, лесные сугробы, темные шахты, и Пронин узнал незнакомца.

— Конечно, мы с вами встречались, — уверенно повторил

Пронин. — В девятнадцатом году вы были лейтенантом, но за это время, вероятно, повысились в чине. Не правда ли, капитан Роджерс?

— Майор Роджерс, — холодно поправил незнакомец.

— Ну, тем лучше — обрадованно сказал Пронин. — Значит, мы с вами в одном звании, и я рад встретиться с вами, майор Роджерс.

Роджерс промолчал, взглянул на графин с водой, стоящий на подоконнике, с минуту подумал, потянулся к воде, но Пронин перехватил этот взгляд и еще раньше схватил графин за горлышко.

— Надеюсь, вы не захотите подражать Бурцеву? — спросил Пронин.

— Нет, я солдат, — жестко сказал Роджерс. — Я просто хочу пить.

— Одну минуту.

Пронин перегнулся через подоконник, вылил воду на землю, с пустым графином подошел к начальнику школы и попросил: — Пошлите, пожалуйста, кого —нибудь к колодцу за свежей водой.

Начальник школы с недоумением посмотрел на Пронина и неуверенно протянул кому —то графин.

— Сходите

— Вероятно, в своей разведке вы лучший специалист по русским делам? — обратился Пронин к Роджерсу.

— Да, я разбираюсь в них, — согласился Роджерс.

— Вы хорошо знаете Россию, — сказал Пронин.

— Да, я знаю ее, — согласился Роджерс.

— А что такое "ипостась", вы знаете? — спросил Пронин.

— Нет, — сказал Роджерс. — А что такое "ипостась"?

— А это — несколько лиц одного бога в православной терминологии, — объяснил Пронин. — Вот вы являлись мне в разных ипостасях. Учителем из псковской деревни, красноармейцем с заставы, собирателем сказок, водопроводчиком и туристом, садовником и похитителем документов. Помните?

— Помню, — сказал Роджерс.

— Вы жадный человек, майор, — продолжал Пронин. — У нас, русских, есть хорошая поговорка о погоне за двумя зайцами. Документ ваш ничего не стоит. Самолет вам похитить не удалось. И, наконец

Посланный вернулся и подал начальнику школы графин с водой.

Пронин налил в стакан воды и подал стакан Роджерсу.

— Прошу вас, майор. Вы хотели пить.

— Глупые шутки, — сказал Роджерс. — Вы можете меня расстрелять, но воды этой я не выпью.

— Бойтесь попасть в яму, которую рыли другому? — спросил Пронин. — Как хотите. У нас принято прежде всего потчевать гостей. Но ежели вы отказываетесь, я сам утолю жажду. — И Пронин взял стакан, поднес к губам и с наслаждением, по глоткам, принялся медленно пить воду. Роджерс тупо глядел на Пронина

— Что вы делаете! — крикнул Виктор. — Иван Николаевич!..

— Не волнуйся, — сказал Пронин, отставляя пустой стакан. — Неужели ты думаешь, я чувствовал бы себя спокойно, если бы знал, что где-то в нашей стране находится какой-то незнакомец с холерной вакциной. Во второй мой приезд в совхоз я сумел изъять ампулы с вакциной и заменить их ампулами, наполненными невинной мыльной водой.